И. БАС

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

И. БАС

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

О Г И З
Государственное Издательство Политической Литературы
1939

4

ВВЕДЕНИЕ

Канун империалистической войны ознаменовался в России мощным революционным подъемом. Партия Ленина—Сталина разъясняла массам, что задачи, во имя которых боролись рабочие, крестьяне, широкие слои населения в 1905 г., остались неразрешенными и не могли быть решены без второй революции. Рабочий класс вновь стал подыматься на борьбу и под руководством большевиков шел к новой революции. В волнах этого подъема в дни ленского расстрела 1912 г. родилась „Правда“.

Вожди партии—Ленин и Сталин придавали огромное значение этой газете.

Ленин, находившийся в эмиграции, специально переехал ближе к русской границе, чтобы обеспечить связь с „Правдой“. По указанию Ленина товарищ Сталин непосредственно

редактировал „Правду“ в те периоды, когда находился нелегально в Петербурге.

„Могучим оружием в руках большевистской партии в деле укрепления своих организаций и завоевания влияния в массах явилась ежедневная большевистская газета „Правда“, издававшаяся в Петербурге. Она была основана согласно указанию Ленина, по инициативе Сталина, Ольминского и Полетаева...

В период создания „Правды“ нелегальные социал-демократические организации находились целиком в руках большевиков. Легальные же формы организации—думская фракция, печать, страховые кассы, профсоюзы—не были еще вполне отвоеваны у меньшевиков. Нужна была решительная борьба большевиков за изгнание ликвидаторов из легальных организаций рабочего класса. Эта борьба увенчалась успехом благодаря „Правде“.

„Правда“ стояла в центре борьбы за партийность, за воссоздание *массовой* рабочей революционной партии. „Правда“ сплачивала легальные организации вокруг подпольных очагов большевистской партии и направляла рабочее движение к одной определенной цели—к подготовке революции“[1].

К лету 1914 г. революционное движение ра-

---

[1] История ВКП(б), стр. 143—144, 147.

бочих стало развиваться с новой силой. К этому времени огромное большинство активных рабочих России шло за большевистской партией, за „правдистской“ тактикой. Партия руководила начавшимися революционными выступлениями рабочего класса.

8 июля 1914 г. „Правда“ сообщила о том, что в Петербурге 7 июля бастовало 130 тысяч рабочих. На улицах Петербурга стали строить баррикады. Этот номер „Правды“ оказался тогда последним—царские власти закрыли рабочую газету. До этого в течение двух с половиной лет „Правду“ запрещали неоднократно, но благодаря активной поддержке передовых рабочих она снова и снова возрождалась под другими названиями—„Путь правды“, „За правду“ и т. п. На этот раз на сцене появился новый фактор международного порядка—империалистическая война, которая прервала авангардные бои русского пролетариата. Царские власти воспользовались военным положением для того, чтобы немедленно начать разгром большевистских организаций. Товарищ Сталин был еще раньше арестован и сослан в далекий Туруханский край. С началом войны репрессии обрушились на большевиков и находившиеся под их влиянием легальные рабочие организации. Арестованы были даже технические работники „Правды“.

Несмотря на преследования, тысячи и десятки тысяч рабочих под руководством партии Ленина—Сталина продолжали в новых, неизмеримо ухудшившихся условиях военного времени вести борьбу против самодержавия и капитализма. Не останавливаясь ни перед какими угрозами и опасностями, разоблачая социал-шовинистов всех мастей и оттенков, большевики боролись за поражение царского правительства в войне, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Ленин показал, что задачей партии было свергнуть царизм и предложить всем воюющим странам мир на демократических условиях, а при отказе воюющих стран заключить мир—повести справедливую, *революционную* войну для защиты народа от порабощения. Большевики боролись за подлинные интересы страны и народа.

Во время империалистической войны Ленин в своих теоретических работах развил *новую*, законченную теорию социалистической революции, теорию возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране.

Против этой гениальной ленинской теории выступал враг народа Бухарин.

Шпион и изменник Бухарин в годы империалистической войны вместе с Иудой-Троцким бо-

рался против партии, против развязывания инициативы пролетариев отдельных стран в деле революционного натиска на свою, национальную, буржуазию. Эти два злейших врага народа утверждали, что пролетариат в отдельной стране победить не может, т. е., иными словами, социализм никогда не сможет наступить.

Ленин беспощадно разгромил и разоблачил этих подлейших врагов партии и рабочего класса, маскировавших свой оппортунизм и предательство отвратительной, лицемерной „левой“ фразой. Ленин заклеймил также ренегатство Каменева, который на царском суде над большевиками—депутатами Государственной думы трусливо отрекся от политики партии по вопросу об империалистической войне, выступил против большевистского лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую. Ленин разоблачил вождей II Интернационала, оказавшихся предателями, изменниками пролетариата, ставших сторонниками империалистической войны. В России меньшевики, ликвидаторы стали слугами буржуазии, которой они всячески стремились помочь вести войну. Часть меньшевиков вместе с Плехановым открыто стала на предательскую позицию. Другие меньшевики, как, например, члены меньшевистской фракции Государственной думы во главе с Чхеидзе, старались прикрыть свой шовинизм лжи-

вым фразерством. Ленин беспощадно бичевал как открытый шовинизм, так и прикрытое фразерством служение буржуазии, разоблачая подлинную предательскую сущность социал-шовинистов.

Империалистическая война не застала большевиков врасплох, они твердо отстаивали свои революционные позиции. Быстро была налажена нарушенная войной и закрытием границ связь с Лениным. Из далекой ссылки слал письма и указания товарищ Сталин. В Петербурге руководил партийной работой член Русского бюро ЦК, член редакции „Правды" т. Молотов, находившийся на нелегальном положении. До самого ареста были тесно связаны с подпольем большевики—депутаты IV Государственной думы. Партийная работа велась и в Петербурге, и в Москве, и в провинции. В своей революционной деятельности большевики умело использовали среди других средств испытанное оружие партии—печать. Несмотря на все рогатки военного времени, при малейшей возможности создавались новые газеты по образцу рабочей „Правды".

Эти газеты всегда подчеркивали свою связь и преемственность с линией „Правды". Напоминая о роли „Правды" 1912—1914 гг., Ленин писал весной 1915 г.:

„Правдистские газеты и работа „Муранов-

ского типа“ создали единство $^4/_5$ сознательных рабочих России. Около 40.000 рабочих покупали „Правду“, много больше читало ее. Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он жив. Он проникнут революционностью и анти-шовинизмом. Он *один* стоит среди народных масс и в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплуатируемых, угнетенных. Он *один* устоял в общем развале. Он один ведет полупролетарские слои *от* социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, „Нашей Зари“ (газета ликвидаторов.—*И. Б.*) *к* социализму“ [1].

Ленинские слова о слое правдистов, который нельзя уничтожить, который, несмотря ни на что, ведет революционную борьбу,—эти слова можно отнести и ко всей большевистской печати, издававшейся в стране в годы империалистической войны. Это были правдистские газеты потому, что продолжали дело „Правды“, ее линию, а также и потому, что многие из них создавались прежними работниками „Правды“.

Буржуазная и меньшевистская печать отравляла сознание трудящихся масс ядом шовинизма. В этот момент было настоятельно необходимо как можно быстрее *возобновить* дея-

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 133.

тельность сильнейшего оружия партии—печати, направить ее исключительную силу на организацию масс для борьбы против царизма и его социал-шовинистских лакеев. Об этом писал Сталин Ленину в письме из ссылки.

„Читал также статейку Плеханова в „Речи“,—старая неисправимая болтунья-баба! Эхма... А ликвидаторы с их депутатами-агентами вольно-экономического общества? Бить их некому, чорт меня дери! Неужели так и останутся они безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали“[1].

В этом письме товарищ Сталин поднял вопрос о создании большевистской газеты, которая разоблачала бы империалистическую бойню, организовала бы революционную борьбу рабочего класса. Первой задачей такой газеты он считал борьбу против оппортунистов, против социал-шовинистов.

Товарищ Сталин писал это письмо, когда за границей уже возобновилось под редакцией Ленина издание центрального органа партии—газеты „Социал-демократ“. До далекой ссылки газета тогда еще не дошла.

---

[1] *Сталин,* Письмо Ленину от 27 февраля 1915 г. Журнал „Пролетарская революция“ № 7 за 1936 г.

Россійская Соціаль Демократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

СБОРНИКЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА

Центральнаго Органа Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи

Октябрь 1916

№ 1

Изданіе Центральнаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

Газета „Социал-демократ“ возникла еще в 1908 г., но до империалистической войны выходила с большими перерывами. Только 1 ноября 1914 г. Ленину удалось возобновить выход „Социал-демократа“.

В течение войны „Социал-демократ“ выходил довольно регулярно. Всего за время войны вышло 26 номеров, т. е. в среднем по номеру в месяц. Последний номер „Социал-демократа“ вышел 31 января 1917 г. Уже 1 ноября 1914 г. в „Социал-демократе“ был опубликован известный ленинский манифест ЦК РСДРП—„Война и Российская социал-демократия“.

Ленин развил в „Социал-демократе“ теоретические и тактические вопросы, вставшие в тот период перед партией: о борьбе против империалистической войны, о революционном выходе из нее, о возможности победы социализма в одной стране, об отношении ко II Интернационалу, вопросы организационной работы[1].

---

[1] Не разбирая подробно работу ЦО „Социал-демократ“ (это потребовало бы отдельной специальной работы), мы, однако, будем возвращаться к нему, говоря о том, как подхватывались его лозунги большевистскими газетами внутри страны, как оценивались те или иные события „Социал-демократом“ и местной большевистской печатью. Настоящая работа содержит обзор произведений большевистской печати, выходивших внутри страны с начала империалистической войны до февраля 1917 г.

Несмотря на закрытие границ, военную цензуру и прочие препятствия, связанные с войной, „Социал-демократ" проникал в Россию. Сформулированные „Социал-демократом" лозунги служили основой для работы большевиков в подполье. „Социал-демократ" распространялся внутри страны, статьи из него перепечатывались нелегальными большевистскими газетами, возникавшими то здесь, то там. Так, например, Ленин отмечал тот факт, что члены большевистской фракции в Государственной думе до их ареста распространяли в России „Социал-демократ", „кричавший на весь мир" о гражданской войне"[1].

Первыми произведениями печати внутри страны, которыми партия большевиков ответила на объявление войны, были нелегальные листовки, разоблачавшие империалистическую бойню и звавшие к борьбе против нее. Эти листовки издавались и в Петербурге и в провинции, они сопровождали борьбу партии с первых дней мобилизации в 1914 г. и до февраля 1917 г., когда коротенькие листовки Петербургского комитета, обращенные к солдатам, успели попасть в руки уже сражавшихся на баррикадах рабочих.

Ленин писал в первые дни войны:

„Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 302.

партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано". Но Ленин тут же указывал, что партия продолжает свою борьбу против империализма. „И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом"[1].

Ленин недаром специально отметил нелегальные большевистские воззвания, листовки. Они были в годы империалистической войны наиболее распространенными произведениями большевистской печати внутри страны.

Каждый подъем рабочего движения выносил на своем гребне рабочую печать, писал еще до войны Ленин. Это положение наглядно подтверждается и в годы империалистической войны.

В середине 1915 г. царизм терпит поражение на фронте. К этому прибавляется уже резко бросающаяся в глаза разруха в тылу. В стране растет революционное настроение.

В этот период появляется ряд органов большевистской печати. Еще в феврале 1915 г. возобновляется в Петербурге большевистский

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 64.

журнал „Вопросы страхования". В то же время выходит первый номер нелегальной газеты Петербургского комитета „Пролетарский голос". В августе 1915 г. в Саратове возникает легальная большевистская „Наша газета". Летом 1915 г. в Иркутске вышло два номера нелегальной газеты „Товарищ пролетария".

В мае 1915 г. Ленин отмечал, что „Несознательные народные массы (мелкие буржуа, полупролетарии, часть рабочих и т. п.) пожеланием мира в самой неопределенной форме выражают нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение"[1].

В чем заключались задачи большевиков в этих условиях?

„Сознательные передовики пролетариата, революционные социал-демократы, внимательно присматриваются к настроению масс, используют нарастающее стремление их к миру... для того, чтобы революционное настроение из смутного сделать ясным;—чтобы систематически, упорно, неуклонно, опираясь на опыт масс и на их настроение, просвещая их тысячами фактов политики до войны,—

—*доказывать* необходимость массовых революционных действий против буржуазии и прави-

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 155.

тельств своей страны, как *единственного* пути к демократии и к социализму“[1].

И чем дальше затягивается и обостряется война, указывал Ленин, тем больше развивается активность масс, тем больше они закаляются.

Задачи, сформулированные в этих ленинских высказываниях и разъясненные в ЦО „Социал-демократ“, были подхвачены внутри страны органами большевистской печати.

Во второй половине 1916 г. полностью развернулись противоречия, вызванные войной. Страна переживала жестокую разруху. Предприятия, не работавшие „на оборону“, сократили производство почти на четверть. Полукрепостническое землевладение разваливалось. Разрушался транспорт. Развал рынка и спекуляция усиливали расстройство денежного обращения. Начинался голод. Всей своей тяжестью война обрушилась на плечи рабочих и крестьян. В массах все больше и больше росли возмущение и протесты. Страна уже стояла перед революционным взрывом.

В этот период быстро росла и большевистская печать. Если в 1915 г. вышел лишь один номер петербургского „Пролетарского голоса“, то в 1916 г. вышло три номера. Вышли нелегальные газеты: „Голос социал-демократа“

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 155.

в Харькове, „Правда труда“ в Донбассе. В начале 1917 г. возникли легальные большевистские журналы: „Голос печатного труда“ в Москве, „Наше слово“ в Кинешме. В январе 1917 г. в Петрограде был нелегально издан первый номер „Осведомительного листка“ Русского бюро Центрального комитета партии. Правда, этих изданий было мало, многие из них скоро прекращались, задушенные репрессиями, и все же они явились острейшим оружием в руках партии во всей ее работе.

На издательскую деятельность партии Ленин ссылался в своих статьях, рассматривая ее как образец и показатель правильной, подлинно революционной работы партии.

О чем писала большевистская печать в этот период?

Основной вопрос, который вставал перед каждым рабочим читателем, был вопрос об отношении к империалистической войне. Большевистская печать четко формулировала позицию и лозунги партии по этому вопросу, вскрывала сущность империализма, громила социал-шовинизм, вела упорную борьбу против либеральной буржуазии, разъясняла задачи революционной борьбы русского пролетариата и ее международное значение, подчеркивая, что русская революция приведет к победе социализма.

Разоблачая обман масс буржуазной и социал-шовинистической прессой, большевистская печать внутри страны была единственным источником информации масс об истинном положении вещей в тылу и на фронте.

Большевистская печать разоблачала продажность, трусость и бездарность царских офицеров, говорила массам правду об изменниках и шпионах, свивших гнездо в верхушке царской армии, в самом сердце самодержавия, предававших родину германскому империализму. Большевистская печать воспитывала в массах боевой дух, призывая рабочих и солдат в открытый бой с оружием в руках против подлинных врагов народа и страны. Эти же боевые традиции нашли свое блестящее выражение и развитие в период гражданской войны, когда печать под руководством Ленина и Сталина явилась сильнейшим оружием партии в деле организации масс на вооруженную борьбу и беспощадный разгром армий белых и интервентов.

Большевистские издания периода империалистической войны явились результатом развернутой партийной работы в стране. И об этой работе большевиков рассказывают пожелтевшие страницы. Мы узнаем о создании партийных ячеек, о созыве областных партийных конференций, о руководстве стачечной борьбой, об организации демонстраций и т. д.

Большевистская печать помогала восстанавливать старые, нарушенные войной и репрессиями связи партийных организаций с массами. Неустанно подчеркивая, что они продолжают дело „Правды", партийные газеты и журналы возобновляли связи с правдистами—рабочими, читавшими до войны „Правду" и шедшими за ней.

Таково основное содержание большевистской печати периода империалистической войны.

Рабочие читатели радостно встречали каждое большевистское издание, появлявшееся в годы империалистической войны, с большим доверием и чутко прислушивались они к его голосу. В редакции поступали потоком приветствия, денежные сборы, рабочие корреспонденции. В годы войны в подполье систематически праздновался День печати—22 апреля (5 мая по новому стилю), в годовщину выхода первого номера „Правды". Поддержка масс давала большевистской печати возможность существовать и бороться, преодолевая все преследования и травлю, которым ее беспрерывно подвергала царская власть.

В то время как издание и распространение большевистской литературы влекло за собой жесточайшие репрессии, меньшевики—социал-шовинисты—легально издавали свои газеты, в которых защищали империалистическую бойню

и под крылышком царской цензуры травили большевиков и шедших за большевиками сознательных рабочих.

„Социал-шовинизм, — писал Ленин, — ...созрел для открытого, часто вульгарного союза с буржуазией и генеральными штабами.

И именно этот союз дает ему большую силу и монополию легального печатного слова и обманывания масс“[1].

Ликвидаторские газеты, которые в 1912—1914 гг. вели гнусную травлю большевиков и „Правды“, с начала войны стали на шовинистически-буржуазную точку зрения. Петербургский орган социал-шовинистов (выходивший под названием „Наша заря“ с 1910 по 1914 г., включая первые месяцы войны, и под названием „Наше дело“—с января 1915 г.) стал с первых дней войны на сторону империалистической буржуазии. Не решаясь из боязни перед рабочими выступать открыто с оборончеекой платформой, эта газета сначала заявляла, что „только не противодействует войне“. Ленин разоблачил эту фразу, показав, что ликвидаторская газета именно помогает, содействует царизму. Жизнь скоро подтвердила этот ленинский анализ: газета открыто заняла позицию поддержки империалистической войны.

---

[1] *Ленин,* т. XIX, стр. 9.

„Наша Заря",—писал Ленин,—не только взяла линию „непротиводействия войне"; нет, она прямо льет воду на мельницу великорусского, царско-пуришкевичевского шовинизма... А ведь именно писатели „Нашей Зари", не кто другой, как они, вели массовую пропаганду ликвидаторства среди рабочих в 1912—1914 годах"[1].

В этой же статье Ленин клеймит позором меньшевистскую газету за то, что она не стесняется в легальной печати расписывать и восхвалять царский милитаризм именно в то время, когда противникам „Нашей зари" и царизма приходится молчать под гнетом царской цензуры.

Естественно, что деятельность меньшевиков встречала поддержку полиции и цензуры. Их газеты открыто издавались в царской столице, а если цензура иногда и зачеркивала кое-что, так ведь в те времена многие, в том числе и самые умеренные буржуазные газеты нередко выходили с цензурными белыми пятнами.

В газете „Социал-демократ", в № 49 от 21 декабря 1915 г., Ленин писал о петербургской газете „Рабочее утро":

„Здесь сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым[2]. ...цензура изуродовала № 2 „Рабочего

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 92.

[2] Меньшевик, инициатор участия рабочих в Военно-промышленном комитете.—*И. Б.*

Утра" почти сплошь; белых полос чуть ли не больше, чем уцелевших, но из статей пощажены именно те, только те две статьи,—„Две позиции" и фельетон, по-либеральному извращающий историю 1905-го года,—в которых ругают большевиков за „анархизм" и „бойкотизм". Царскому правительству *выгодно*, чтобы такие вещи писались и печатались. Такие речи пользуются не случайно монополией легальности всюду, от деспотической России до республиканской Франции!"[1]

Совсем в иных условиях приходилось работать большевистской печати. Большевики, работники большевистской печати, вся рабочая масса, поддерживавшая своими средствами, своей борьбой рабочую печать, дрались с царизмом буквально за каждый номер партийной газеты или журнала, за каждое произведение рабочей печати.

Большевистские издания, несмотря на все препятствия, несмотря на цензуру, умели говорить массам правду, умели доводить до масс лозунги партии, умели сплачивать и поднимать массы этими лозунгами. Они помогли большевистской партии и рабочим России прорвать в феврале 1917 г. фронт империализма.

Приводимые ниже выдержки из статей и заметок показывают, каким живым, ярким и до-

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 333.

ходчивым языком говорили большевики с массами. Самые большие, серьезные вопросы большевистские издания ставили конкретно, опираясь на опыт самих масс; отталкиваясь от злободневных вопросов (рост дороговизны и т. п.), большевистская печать поднималась до больших, принципиальных обобщений, показывая высокие образцы большевистской печатной пропаганды.

Материал подавался в разнообразных литературных формах, в ярких публицистических статьях, коротких обличительных заметках, в фельетонах, в стихах пролетарских поэтов.

Работники нашей печати и сейчас, хотя и в совершенно иных условиях работы, могут и должны учиться на этих образцах умению преподносить читателю материал так живо и ярко, политически остро и смело и в то же время принципиально выдержанно.

Пример большевистской печати, издававшейся в царской России в годы первой империалистической войны, вооружает боевым опытом коммунистические партии и пролетариат зарубежных стран. Этот опыт приобретает исключительное значение в условиях уже начавшейся второй империалистской войны. В фашистских странах нелегальная коммунистическая печать крепнет с каждым днем, энергично борется против фашизма, его захватнических планов в Испании, против войны Японии в Китае, против оккупа-

ции Чехо-Словакии германскими войсками, против захвата Абиссинии и Албании фашистской Италией и т. д.

Коммунистическая печать „демократических“ государств разоблачает проводимую правящими кругами этих держав политику сговора с фашистскими агрессорами.

В странах народного фронта коммунистическая печать разоблачает троцкистских и всяких иных шпионов и изменников, сплачивает и организует широкие массы на защиту родины и независимости, на всенародный вооруженный отпор и разгром фашистских агрессоров.

Если фашистские агрессоры осмелятся развязать войну против СССР, подпольные коммунистические листки и газеты в фашистских странах сумеют сказать массам правду о войне, сумеют организовать массы вокруг лозунга поражения „своего“ фашистского правительства, вокруг лозунга превращения войны фашистских агрессоров в гражданскую войну, сумеют мобилизовать массы на революционный выход из войны, на борьбу за социалистическую революцию.

I

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

ЛИСТОВКИ ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА

Если в 1912—1914 гг. для сплочения широких рабочих масс под лозунгами партии большевики пользовались прежде всего легальной газетой „Правда“, то в условиях объявленного военного положения необходимо было перестроить все формы партийной работы. Пришлось перестроить и формы работы печати. На смену легальной „Правде“ пришли нелегальные листовки. Ленин отметил, что они явились результатом быстро и правильно перестроенной в новых условиях работы.

14 октября 1914 г. в своем реферате на тему „Пролетариат и война“ он указал: „...ясно, что ввиду новых задач пролетариату придется создавать новые организации или видоизменять старые. Тем более нелеп страх расстроить свою

организацию, проявляющийся так ярко у германских соц.-демократов, тем нелепее этот легализм во что бы то ни стало. Мы знаем, что Петербургский комитет выпустил нелегальный листок против войны. То же самое сделали кавказская и некоторые другие русские организации“ [1].

Ленин придавал огромное значение листовкам, выпускавшимся партийными организациями, выяснявшим позиции большевиков, звавшим массы на борьбу против войны. Недаром в первые дни войны он указывал: „....листовки—вещь *очень* ответственная и из всех видов литературы *самая* трудная“ [2].

Ленин внимательно следил за листовками, выходившими в России. В одном из писем он требовал: „Подробнее изложите листок Петербургского Комитета“ [3]. Когда несколько листовок Петербургского комитета окольными путями дошли до Ленина, они тотчас же были перепечатаны в экстренном номере ЦО „Социал-демократ“.

Первую противовоенную прокламацию Петербургский комитет выпустил, как только была объявлена мобилизация.

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 51.
[2] *Ленин*, т. XXIX, стр. 207.
[3] *Ленин*, т. XVIII, стр. 56.

„Долой войну! Война войне!—должно катиться мощно по градам и весям широкой Руси...

Солдаты и рабочие! Вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу отечества, расстреливающего голодных крестьян, рабочих, душащего по тюрьмам лучших своих сынов. Нет, мы не хотим войны,—должны заявить вы.—Мы хотим свободы России! Вот должен быть ваш клич“.

Вторая прокламация, выпущенная в начале августа Петербургским комитетом, говорит о необходимости пропаганды в войсках, о подготовке к вооруженной борьбе, о социальной революции. Через две недели Петербургский комитет снова выпускает прокламацию против войны. Эти прокламации писались еще до восстановления нарушенных войной связей с Лениным. Война закрыла границы и прервала связи с Лениным, с заграничным ЦК. Лишь в сентябре удалось послать в Россию ленинские тезисы о войне (под названием „Задачи революционной социал-демократии в европейской войне“). 6—7 сентября Ленин выступил с этими тезисами на собрании группы большевиков, проживавших в Берне (Швейцария). Присутствовал на собрании и член большевистской фракции в Государственной думе Ф. Самойлов. Он и привез ленинские тезисы в Россию.

В своих тезисах Ленин писал о том, что ло-

зунгами социал-демократии в настоящее время должны быть „всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и „патриотизмом“ мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму“. Ленин также считал одной из основных задач борьбу „с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-мичасового рабочего дня“ [1].

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 46.

Тезисы эти были опубликованы в ЦО „Социал-демократ". Петербургская организация к ним присоединилась.

12 декабря 1914 г. в 35-м номере „Социал-демократа" Ленин уже указывал: „...установив сношения с русской коллегией Ц. К. и с руководящими элементами питерского рабочего движения, обменявшись мыслями с ними и убедившись, что есть солидарность в основном, можем, как редакция Ц. О., заявить от нашей партии, что только в таком (т. е. сформулированном ленинскими тезисами.—*И. Б.*) направлении ведомая работа есть партийная и социал-демократическая работа"[1].

Большевики подхватили лозунги ЦО партии—газеты „Социал-демократ", и в дальнейшем большевистская печать пропагандировала и популяризовала их в массах.

К этому времени в Петербурге организовался объединенный комитет большевистских групп Горного, Политехнического, Технологического, Медицинского и Сельскохозяйственного институтов и Высших женских курсов. В конце сентября была выпущена антивоенная прокламация к студенчеству. Прокламация должна была усилить работу комитета. В этой прокламации уже

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 79.

содержался ясный призыв обратить оружие против царского правительства:

„Товарищи!

Наконец-то исполнилась давно лелеянная мечта капиталистов и правительств всех стран, а в особенности Англии, Австрии, Германии и России, наконец-то настала та война, о которой они мечтали и к которой готовились десятки лет.

Вот уже три месяца, как льется потоками кровь наших братьев и товарищей в борьбе за противные нам интересы капитала. Нас не обманут псевдо-патриоты и вторящие им в унисон „либеральные" писаки—они хотят заговорить нам зубы...

Товарищи! Мы должны бороться со всеми правительствами—эта борьба и есть наша борьба с милитаризмом, с узаконенным грабежом и разбоем...

Организуйтесь и организуйте массы и подготовляйте их к революции. Время не терпит. Близок день. Вспомните, что было после русско-японской войны.

И в то время, как вы будете здесь работать, товарищи, ушедшие на позиции, тоже будут готовиться к борьбе с истинными врагами.

Товарищи! Не возвращайте оружия, храните его.

А вы, уходящие на позиции, ждите, когда мы дадим вам знать, и помните, что ваше место не против нас, а с нами.

Прочь веру в царские реформы! Мы сами создаем свои реформы. Долой войны! Да здравствует социализм! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует международная революционная социал-демократия! Да здравствует РСДРП! Да здравствует новая российская революция!"

Текст этой прокламации рассматривался и утверждался на совещании петербургских руководящих партийных работников.

Обычно выпускавшиеся в Петербурге прокламации утверждались в Русском бюро ЦК или Петербургским комитетом. В тех случаях, когда этого нельзя было сделать по тогдашним условиям, текст прокламации согласовывался с группой партийных товарищей и передавался „технике" для напечатания.

Условия, в каких приходилось издавать нелегальные листовки в то время, описывает в своих воспоминаниях рабочий депутат Государственной думы т. Бадаев:

„Черновик первой выпущенной во время войны прокламации я возил для редактирования в Финляндию. Белоостровская граница и вся Финляндская дорога кишели жандармами и шпиками, зорко следившими за каждым приезжающим.

На случай внезапного обыска или ареста я спрятал один оригинал прокламации в сапог, а другой вез в спичечной коробке, которую я готов был поджечь в любой момент, когда появится опасность нападения полиции.

В условленном месте я встретился с К. Еремеевым (работник „Правды" 1912—1914 гг.— *П. Б.*). В течение целой ночи просидели мы с ним над редактированием листовки. На утро, соблюдая такие же меры предосторожности, я вернулся в Петербург и передал исправленный черновик для печатания группе товарищей, которые принимали участие в организации и налаживании типографской техники"[1].

Большевистские прокламации, несмотря на исключительные строгости военного времени, зараспространялись не только на фабриках и заводах, но попадали и к запасным, а затем стали проникать и в войска. Товарищи шли на мобилизационные пункты, на вокзалы и там раскидывали прокламации и даже рассовывали их в карманы запасных.

Прокламации, выходившие в Петербурге, с первых дней войны разоблачали „патриотический" дурман, показывали массе, за что надо бороться, вселяли уверенность в рабочих, группировав-

---

[1] *А. Бадаев,* Большевики в Государственной думе, стр. 256.

шихся вокруг „Правды“, привыкших искать в „Правде“ ответ на возникающие у них вопросы.

4 ноября 1914 г. провалилась подпольная большевистская конференция, в которой участвовали большевики—депутаты Государственной думы. Однако петербургская организация не прекращает революционную работу в подполье, в том числе и работу подпольной печати.

Уже через несколько дней после этого провала, 11 ноября, Петербургский комитет выпустил прокламацию. Отпечатанная на гектографе прокламация призывала рабочих к забастовкам и митингам протеста против ареста депутатов-большевиков.

Охранка, понимая, какую бурю возмущения должно было вызвать в рабочих массах известие об аресте думской большевистской фракции, приняла свои меры: одновременно с арестом депутатов-большевиков произведены были массовые аресты среди рабочих петербургских фабрик и заводов.

Петербургский комитет учитывал при выпуске прокламации, что в этих условиях организовать широкие выступления рабочих нет возможности. Прокламация должна была информировать рабочих о происшедших арестах и разъяснить их смысл, разоблачить клевету правительственных и буржуазных газет, обливавших депутатов-большевиков грязью. Прокламa-

ция сыграла свою роль. Она показала массам преступление царского правительства, расправившегося с рабочими избранниками, и вызвала выступления на ряде фабрик и заводов.

На заводе „Новый Лесснер“ рабочие с утра начали собираться для обсуждения вопроса о забастовке. Сильный наряд полиции бросился на рабочих и произвел ряд арестов. Только этим охранке удалось сорвать здесь забастовку. То же происходило и на других фабриках и заводах. Несмотря на эти меры, на некоторых заводах все же бастовали. На заводе „Парвиайнен“, например, бастовало около $1^1/_2$ тысяч человек.

Ленин расценивал арест партийных работников как тяжелый удар для партии. Но тут же подчеркивал, что рабочие, воспитанные „Правдой“, поведут революционную работу дальше:

„...работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее. И все же мы ее поведем! „Правда“ воспитала тысячи сознательных рабочих, из которых вопреки всем трудностям подберется снова коллектив руководителей—русский Ц. К. партии“ [1].

Большую кампанию удалось провести с помощью листков вокруг суда над рабочими депутатами. Сначала царское правительство твердо решило предать арестованных военному

---

[1] *Ленин*, т. XXIX, стр. 154.

суду, что безусловно означало смертные приговоры. Но в самой правящей верхушке возникло справедливое опасение, что казнь рабочих депутатов вызовет опасные для царизма волнения и революционное возмущение. Пришлось отказаться от первоначального намерения и передать дело гражданскому суду. Одна из прокламаций Петербургского комитета разъясняет рабочим смысл этого решения:

„На-днях будет суд над рабочими-депутатами. Правительство хотело обвинить их в „измене“ и напечатало свою клевету в газетах. Это дело сорвалось. Военному суду хотелось предать, но верховные же правители теперешней резни, обозвав министров дураками, решили, что расправляться по-военному с представителями рабочих, переполняющих армию, значит сеять своими руками возмущение“.

Правительственная печать (а за ней более прикрыто, маскируясь, и либеральная) обливала помоями арестованных депутатов-большевиков, кричала о раскрытом „заговоре“, об обнаружившейся „измене“, „шпионаже“ и т. д.

Большевистские прокламации разоблачили подлинный смысл ареста и суда как акта расправы с представителями рабочих, непоколебимо и бесстрашно боровшихся за интересы рабочих, против империалистической бойни.

Листовки, выпущенные в самом начале 1915 г., к годовщине Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.), призывают протестовать против суда над большевистскими депутатами:

„Рабочий класс должен протестовать против этого гнусного издевательства над его представителями. Нужно приложить все усилия, чтобы пролетариат в этот день выступил сплоченно...“

И в других прокламациях Петербургский комитет призывает выступить на защиту рабочих депутатов:

„Вспомните последние два года. Кто в Думе отстаивал всегда рабочие интересы? Кто больше всех беспокоил министров запросами о беззакониях властей? Кто расследовал взрывы на пороховых заводах и в угольных шахтах? Кто мешал гулять полицейскому кулаку при похоронах рабочих и при демонстрациях? Кто собирал пожертвования для пострадавших товарищей? Кто издавал газеты: „Правда“ и „Пролетарская правда“? Кто протестовал против убийства и увечья миллионов людей на войне?.

Все они, рабочие депутаты. И за это они все пойдут на каторгу...

Кто же может защитить теперь рабочих депутатов? Только те, кто их избрал, кто их поддерживал. Только пролетариат может защитить их,

только он может показать, что суд над ними — дело серьезное и что оно не может пройти так тихо и гладко, как хотели бы охранники, министры и либералы".

Как видим, разъясняя истинный смысл суда над депутатами, листовка Петербургского комитета разоблачает не только либералов, но и меньшевистскую думскую фракцию Чхеидзе, меньшевиков, которые не хуже либералов помогали царскому правительству подготовлять расправу с большевиками.

Накануне суда новая прокламация Петербургского комитета, разъясняя рабочим смысл борьбы большевистской фракции против войны, призывала к забастовке в целях защиты депутатов:

„Товарищи рабочие! Бастуйте в день 10 февраля, устраивайте митинги, демонстрации, протестуйте против наглого издевательства царского правительства над рабочим классом..."

Несмотря на то, что многочисленные полицейские отряды окружили в день суда фабрики и заводы и патрулировали по улицам, на ряде заводов рабочие прекратили работу в знак солидарности с посаженными на скамью подсудимых депутатами. Было сделано даже несколько попыток подойти к зданию суда, охранявшемуся усиленными нарядами полиции.

Уже после суда и ссылки депутатов в Сибирь Петербургский комитет в своих прокламациях

не раз напоминал рабочим об участи их избранников, разоблачал на этом примере лицемерные разговоры о „единении“ народа с правительством, о „классовом“ мире на время войны и т. п.—все, чем пыталась одурачивать рабочих буржуазная печать, от правых погромных листков до меньшевистской легальной прессы.

Листовки, посвященные депутатам-большевикам, выпускались и в годовщину суда над ними.

* * *

В традиции петербургских большевиков вошло обращаться ежегодно к пролетариату с первомайской прокламацией. В первомайский праздник 1915 г., в первый раз в обстановке мировой империалистической войны, Петербургский комитет также выступает с прокламацией, в которой говорит о преданности международному рабочему движению:

„На-ряду со своим ближайшим врагом, русским самодержавием, лицемерно провозгласившим единение власти с народом, а на деле пославшим на поселение наших депутатов, российская социал-демократия не забыла и общего врага, международную буржуазию, на которой лежит вся тяжесть ответственности за мировую войну“.

Прокламация заклеймила позором оппортуни-

стических вождей, которые стали на путь предательства рабочего дела „и, как последний шаг по этому позорному пути... отказались от празднования 1 мая“.

Подчеркивается заслуга русского рабочего класса перед мировым революционным движением:

„...Только российский пролетариат, закаленный в короткой, но упорной борьбе со злейшим врагом демократии всего мира—русским правительством, остался верен революционным лозунгам Интернационала“.

И прокламация призывает:

„С прежнею верою в победу, со старыми, испытанными лозунгами, с прежней силой российский пролетариат должен отпраздновать 1 мая“.

Ленин писал, что во время войны партия должна всемерно пропагандировать три основных большевистских лозунга: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует 8-часовой рабочий день!“, „Конфискация помещичьих земель!“

Именно этими словами заканчивает свою первомайскую прокламацию Петербургский комитет, добавив к ним еще лозунги: „Долой войну!“ и „Да здравствует 2-я российская революция!“, непосредственно связав, таким образом, задачу борьбы против войны с революционной борьбой,

с революционным выходом из империалистической бойни.

В следующем, 1916 г. Петербургский комитет снова выпускает первомайскую прокламацию.

1 мая 1916 г. российский пролетариат встречает в изменившейся обстановке. По стране уже прокатилась волна забастовок, недовольство масс войной и революционные настроения быстро нарастали.

Эта прокламация напоминает яркие первомайские прокламации довоенного периода. Она содержит призыв к однодневной забастовке, к демонстрациям на улицах с красными знаменами.

* * *

К осени 1916 г. петроградские большевики, несмотря на недавний (в июле) очередной жестокий разгром, восстановили свои организации и широко развернули работу. Большевистские кружки отдельных заводов слились в районные организации. Усилилось распространение революционной литературы. В середине октября в столице вышел листок „К пролетариату Петербурга“. В этом листке Петербургский комитет указывал:

„...С каждым днем жизнь становится все труднее... Преступная война... кроме миллионов убитых... несет в себе и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну.

Страшный призрак—Царь-Голод...—вновь угрожающе надвигается на Европу...

...Довольно терпеть и молчать.

...Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода,—вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества".

Призыв партии был подхвачен рабочими. 17 октября 1916 г. начались забастовки. Солдаты открыто стали выражать сочувствие рабочему движению. Так, например, был отмечен факт, что солдаты 181-го полка поддержали в этот день толпу демонстрантов.

Затянувшаяся война, военные поражения, разруха, вести из деревни об упадке хозяйства—все это вызывало и в среде солдат растущее чувство ненависти к буржуазии и правительству. Партия большевиков вносила организованность в этот стихийный процесс.

* * *

Накануне 9 января 1916 г. петроградские большевики обращаются к солдатам и матросам со специальной прокламацией, призывающей не подчиняться приказам царского правительства, когда оно пошлет солдат против рабочих демонстрантов. Призыв этот встретил сочувственный отклик со стороны солдат.

9 и 10 января были случаи, когда при встрече с демонстрантами, идущими с красными знаменами, солдаты кричали: „Долой войну!“, и тоже присоединялись к колонне рабочих. О таких фактах сообщал ЦО „Социал-демократ“ № 53.

Прокламации часто распространяли среди солдат мобилизованные в армию „правдисты“. Один из участников революционного движения в Петрограде того периода, работник больничной кассы Путиловского завода, рассказывал о том, как летом 1916 г., будучи уже на военной службе, он распространил в упомянутом выше 181-м запасном пехотном полку (в Лесном) около 300 экземпляров печатной прокламации Петербургского комитета РСДРП, адресованной солдатам и рабочим.

Когда осенью 1916 г. в Петрограде вспыхнул ряд стачек, солдаты под влиянием агитации большевиков уже явно выражали сочувствие бастующим.

Забастовки рабочих указывали солдатам на возможность революционного выхода из войны. Большевистские прокламации разъясняли, наталкивали солдат на этот путь, давая солдатам ясную программу, близкие и понятные лозунги.

Прокламации Петербургского комитета помогали внедрить в солдатские массы сознание того, что интересы империалистского „отечества“ и интересы трудящихся противоположны,

что необходимо превратить империалистическую войну в войну гражданскую. Таким образом, большевистские листовки, распространяемые среди солдат, подрывали силы царской монархии, содействовали революционному воспитанию армии, революционной раскачке масс.

Петербургский комитет издавал нелегальные прокламации для солдат вплоть до февральских дней 1917 г. Уже в период Февральской революции Петербургский комитет обратился к солдатам с короткой прокламацией:

„Братья солдаты!

Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода в стране, обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев.

Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию!

Да здравствует братский союз революционной армии с народом!

Петербургский комитет Р.С.-Д.Р.П.".

Прокламация эта была напечатана 26 и 27 февраля 1917 г. в 2 тысячах экземпляров в под-

польной типографии Петербургского комитета и, кроме того, большое количество—в одной из частных петроградских типографий партийными наборщиками.

* * *

С первых дней войны Петербургский комитет развил чрезвычайно активную деятельность по выпуску нелегальных листовок и прокламаций.

Петербургский комитет занялся созданием подпольной типографии еще с момента закрытия „Правды".

Подготовка к выпуску прокламаций оказалась наряду с налаживанием связи с районами главной заботой ПК (Петербургского комитета) в первые дни после начала войны. Была налажена техника. Заранее были заготовлены адреса, куда перевозился шрифт и другие принадлежности подпольной типографии сразу же после того, как они были использованы в каком-либо одном месте. После выхода каждой прокламации охранка вырывала из партийных рядов новые пачки людей. Несмотря на это, типография, передвигаясь с места на место, продолжала работу. Не проходило и трех дней, как типография была уже готова к новой работе, а охранка из кожи лезла вон в поисках нелегальной типографии.

Нелегальные листовки часто печатались таким образом: в какой-либо легальной типографии

тайно делался набор и отливалось 10—15 стереотипов; затем стереотипы развозились по конспиративным квартирам, где с них уже ручным способом, валиком, печатались оттиски.

Кроме того, прокламации, отдельные оттиски статей из ЦО „Социал-демократ“ печатались на шапирографе. Существовали типографии в Лесном, в Новой Деревне. После провала их в результате провокации осенью 1916 г. техника подпольной печати вскоре снова была восстановлена и продолжала действовать вплоть до Февральской революции.

Незадолго до революции, в первой половине февраля 1917 г. была нелегально выпущена печатная прокламация, набиравшаяся партийными наборщиками типографии „Печатное дело“ в помещении этой же типографии.

Таким образом, с первого дня войны и до февраля 1917 г. Петербургский комитет не выпускал из рук острейшее оружие—нелегальную печать; откликаясь листовкой и прокламацией на каждое важное событие, знаменательную дату, Петербургский комитет агитировал, пропагандировал и организовывал массы не только петроградских пролетариев, но и одетых в солдатские шинели крестьян.

Пример петроградских большевиков был подхвачен партийными организациями по всей стране. В ряде городов появлялись в годы

империалистической войны большевистские прокламации.

С развертыванием событий, с ростом революционного брожения, с укреплением позиций в своей революционной борьбе с царизмом петербургские большевики наряду с листовкой и прокламацией создают нелегальную газету „Пролетарский голос" и легальный журнал „Вопросы страхования", фактически выполнявший в тот период функции руководящего партийного органа внутри страны.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ГАЗЕТА „ПРОЛЕТАРСКИЙ ГОЛОС"[1]

За годы войны в Петрограде вышло четыре номера подпольной газеты „Пролетарский голос", органа Петербургского комитета партии. Из них один вышел в 1915 г. и три—в 1916 г.

Рост революционного движения, потребность руководства им вызвала к жизни нелегальную газету Петербургского комитета.

Петербургский комитет показал, как при правильном, большевистском подходе к делу можно поставить нелегальное издание не только отдельных прокламаций, но и газеты.

[1] Разбор газет производится в хронологическом порядке. Этот порядок нарушен для петроградских изданий, которые описываются все в одной главе.

Если листовка обращалась по тому или иному конкретному поводу к широким массам, то задача нелегальной газеты была уже несколько иная. Она должна была сплачивать сознательных рабочих, правдистов, членов партии, давать им указания, лозунги для их работы в широких массах. Это наглядно видно из содержания газеты „Пролетарский голос".

Так, в первом номере, вышедшем в феврале 1915 г., перепечатан из ЦО „Социал-демократ" манифест Центрального комитета РСДРП „Война и Российская социал-демократия".

Газета „Пролетарский голос" начинает с пропаганды среди петроградских рабочих ленинских лозунгов об отношении к войне и задачах партии в связи с ней. Благодаря нелегальному „Пролетарскому голосу" члены партии, сознательные рабочие, правдисты, получили возможность ознакомиться с важнейшими материалами ЦО „Социал-демократ". Эта перепечатка давала прекрасный материал сознательным рабочим для их дальнейшей агитации в массах.

В первом же номере редакция обращается ко всем читателям с призывом участвовать в „Пролетарском голосе" и поддерживать его.

Редакция приглашает присылать литературный материал с заводов и фабрик и даже стихи, призывает устраивать отчисления в фонд нелегальной газеты. Этот призыв напоминает нам

о рабочих взносах на „Правду“, которым Ленин придавал такое большое политическое значение. Петербургский комитет, продолжая традиции „Правды“, применяет эту форму связи и сплочения масс и в нелегальной газете.

Второй номер газеты удалось выпустить лишь через год, 23 февраля 1916 г. Номер был приурочен к Международному женскому дню и также состоял из перепечаток.

Сравнительно скоро по тогдашним условиям нелегальной работы появился третий номер газеты, датированный 1 мая, но, судя по тексту, выпущенный несколько раньше, чтобы к первомайскому празднику быть на руках.

В этом номере уже было помещено несколько оригинальных статей.

Номер открывается приветствием Петербургского комитета.

После приветствия следуют строфы „Интернационала“.

В передовой статье, озаглавленной „1 мая“, особенно интересна резкая критика социал-шовинистов, как, например, меньшевика-провокатора Гвоздева—организатора участия рабочих в буржуазных военно-промышленных комитетах.

„Малые и большие Плехановы вкупе с гвоздевской дружиной оттачивают свои шовинистические штыки против социализма. Кругом

стоит неумолчный гомон продажных и вольнонаемных крикунов: „Побольше снарядов...“ против пролетарского Интернационала“.

Напоминая о том, как в прошлом (1915) году, в 25-летнюю годовщину первомайского праздника, социал-шовинисты воюющих стран отказались от празднования этого дня, и указывая, что, возможно, они и в этом (1916) году отменят пролетарский праздник, газета продолжает:

„Может случиться, что и у нас шальные шитомцы военной реакции—Гвоздевы, Бройдо, Емельяновы и их идейные вдохновители—будут в унисон с полицейским объявлением призывать рабочих мирно и спокойно стоять за станком и обтачивать самозащитные снаряды во спасение романовской шайки убийц...

Чем должны ответить организованные пролетарии на этот военный марш назад, от социализма к шовинизму?“

Отвечая на этот вопрос, статья призывает к открытым демонстрациям против войны:

„Первое мая этого года должно превратиться в самую существенную, самую внушительную демонстрацию против войны и за революционные социалистические лозунги“.

Дальше статья разъясняет своим читателям, передовым рабочим, как вести агитационную работу в массах в связи с подготовкой к 1 мая:

„Каждый пролетарий-революционер должен бесстрашно и неустанно разъяснять широким массам значение первомайской демонстрации в этот страшный год международной схватки. Положение вещей требует такого подвига от каждого, кто не изменил пролетарскому движению. Нужно с сегодняшнего дня начать кампанию беспрерывных митингов и собраний в мастерских, у ворот заводов и фабрик, в лесу, на квартирах; где только можно собраться пролетариям, там должна громко звучать, как благовест, социалистическая проповедь классовой борьбы и протеста против войны...

Агитация наша должна быть посвящена в первую очередь причинам войны. В ней надо разъяснить массам, почему и для какой цели буржуазия и русская царская банда воюют, разоряя народы. Затем следует раскрыть глаза рабочей массе, как воюют эти последыши средневековья, как задушили они рабочее движение, его организацию и печать и расставили на каждом повороте вооруженную силу против народа и как они бросили народное тело и душу в пасть мародеров капиталистического обогащения.

На собраниях и митингах мы должны объяснить рабочим, как буржуазия старается прикрыться войной от классовой войны пролетариата, как романовская шайка предателей и

великодержавных разбойников силится посредством войны избегнуть той гражданской войны, которая в 1905 г. не смогла снести дотла гниющую падаль монархии.

И громче всего звать массы не покладая рук укреплять посты классовой борьбы и на ее сваях воздвигнуть здание гражданской войны против всего, что лежит поперек дороги к социалистической революции".

Если в прокламации Петербургский комитет партии обращался непосредственно к массам с призывом к революционной борьбе, к демонстрациям и забастовкам в день 1 мая, то в своем органе „Пролетарский голос" он ставит перед передовыми рабочими, перед партийными агитаторами и организаторами задачу довести эти лозунги партии до масс.

Статья „Как мы шагнули вперед" рассматривает историю первомайских лозунгов, их смысл и значение.

Статья „Господа фабриканты на работе", описывая забастовку на заводе „Новый Лесснер", показывает, как тесно сомкнулась фабричная администрация с охранкой и как меньшевики и ликвидаторы помогли фабрикантам сломить забастовщиков. Призывая рабочих сделать свои выводы из этой забастовки, газета предлагает выставить из рабочего движения „господ соглашателей и крикунов из ликвидаторской орды".

Эта статья ярко рисует тогдашнюю обстановку, положение рабочих и напряженную борьбу партии.

„Без полиции нынешний заводчик,—констатирует газета,—что рыба без воды. Либерал ли директор, кадет или миробновленец, все равно в заводской конторе заведен специальный „стол“, занимающийся регистрацией красных пролетариев и „почтенными“ сношениями с охранкой. Инженер-распорядитель представляет собой вольнонаемного начальника внутреннего сыска“.

Дальше следует подробный рассказ о проходившей незадолго перед тем забастовке на заводе „Новый Лесснер“.

Администрация ответила на забастовку локаутом. Две тысячи человек были выброшены на улицу. Спешно разослано было заводчикам столицы предупредительное письмо, чтобы никто не принимал к себе лесснеровских „крамольников“. А затем началась расправа—аресты и запугивание фронтом.

„Услужливый полицейский пристав,—пишет газета,—ловил рабочих и препровождал их к воинскому: не желаете работать—пожалуйте на убой... Образовали „Лесснеровский батальон“. Путиловский, Николаевский, Тульский давно имелись“.

Оборонцы постарались сорвать забастовку

лесснеровцев. Когда обнаружилось, что с завода выбросили всех, кто чем-либо проявил свою активность, господа Бройдо не только сами работали, но и уговаривали массу работать, взяв на себя „почетную“ роль посредника между штрейкбрехерами и администрацией.

„Пусть никто не подозревает этого столпа Военно-промышленного комитета,—иронизирует газета над этим предателем-меньшевиком,—в том, что он продался заводу. О, нет, господа эти творили „оборонческие чудеса“ по идейным соображениям.

Ведь не раз приходилось гг. Гвоздевых выгонять гайками из мастерской во время забастовки... Эти спасатели ликвидаторского знамени немало труда потратили на борьбу с забастовками.

Рабочие должны вдуматься в результаты лесснеровской забастовки и сделать из ее поучительной истории свои выводы... всякому вмешательству в эту борьбу господ соглашателей и крикунов из ликвидаторской орды должен быть положен конец“.

В те дни в росте революционного движения большую роль сыграл этот (третий) номер „Пролетарского голоса“, приуроченный к первомайскому празднику, давший от имени Петербургского комитета партии большевиков четкие формулировки целей и задач борьбы.

18 декабря 1916 г. вышел четвертый и последний номер газеты. В этом номере мы уже находим все основные отделы газеты: передовую—„Петербург 18 декабря“; статьи—„Местная социал-демократическая организация в петроградском рабочем движении“, „В либеральных кругах“, „Потери людьми за два года отечественной „бойни народов“, „К вопросу о совместных выступлениях“; отделы—„За границей“ и „Провинция“.

Передовая статья дает интересное описание событий военного времени, анализирует и разоблачает позицию либералов к моменту, когда выяснилась неспособность царского правительства вести успешную войну.

Передовая статья подчеркивает, что петроградские рабочие с первых дней были против войны:

„Всем памятно, что еще не сошла пролетарская кровь с улиц Выборгской стороны, когда разразилась война. Поэтому лживые фразы о единении имели особый практический смысл для рабочих кварталов Петербурга. Но они там не нашли отклика. Беснования патриотической буржуазии совершенно не коснулись рабочих масс Питера. Далее, с каждым месяцем войны петербургские рабочие все чаще напоминали жрецам внутреннего мира, что он непрочен. Май 1915 г. уже был отпразднован рабочими

Петрограда, как день великой мобилизации социалистических сил..."

Особенно быстро стало подниматься движение петроградского пролетариата в 1916 г.

„День 9 января 1916 г. дает десятки тысяч стачечников,—указывает „Пролетарский голос".— В феврале—новые выступления. Возобновляется экономическая борьба. Летом возникает мысль о проведении общегородской кампании экономического характера... Приходят октябрьские дни. Какие огромные запасы революционной энергии таят в себе рабочие кадры Петрограда, показывает молниеносная вспышка стачечного движения, бросившая искру огня в солдатские души... Затем наступила трехдневная стачка протеста, вовлекшая в движение свыше сорока предприятий с сотней тысяч рабочих. Тогда была брошена угроза локаута, снятая несомненно под давлением приготовившихся к натиску рабочих масс".

На фоне этого рабочего движения, на фоне поражения царских армий на фронте статья показывает и разоблачает позицию либералов, разуверившихся в способности данного правительства успешно вести войну:

„Вынужденная ходом войны поколебать заключенный ею с властью союз, буржуазия видит перед собой только один путь—революцию. Но она боится и не хочет встать на этот

путь, так как революция в России, обеспечивая народным массам действительное политическое освобождение, несет им с собой и прекращение войны. И снова русский либерализм остается на испытанном пути—торжества (может быть, торжища? В этом номере в связи со спешкой набора много опечаток.—*И. Б.*) и сговора с правительством. И никогда буржуазия не доходила до такого цинизма, как теперь, путая свои верноподданнические чувства преданности царской монархии с холопски затаенными претензиями на власть. Долго ли еще будут эти златоусты изощряться в этом искусстве достигать бескровных уступочек, зависит от обострения классовых отношений, создающихся развитием революции. Такое обострение классовых отношений ярче всего выражается в жизни петербургских рабочих".

В передовой статье газета сумела разоблачить подлинную позицию либералов. Той же цели служит небольшая статейка „В либеральных кругах". Она сообщает о совещании представителей либеральной буржуазии 16 ноября 1916 г., в результате которого решено было „понизить тон и тактику", так как иначе могут распустить Государственную думу, а „роспуск думы приведет к революции".

Сообщая об этом, газета остроумно замечает, что все поведение либеральной буржуазии за

время войны лишь подтверждает старое положение: „Народ—на улицу, а либерал—в полицию".

Борьба против либеральной буржуазии и против ее прессы имела чрезвычайно большое значение, ибо это была борьба за влияние пролетариата на широкие слои трудящихся и в городе и в деревне. Именно в период империалистической войны завершился отход крестьянства и трудящихся города от буржуазии. Большевистская печать играла немалую роль в разоблачении подлинной позиции либеральной буржуазии (кадетов). Она помогала крестьянству и городским трудящимся массам убедиться в тщетности, обманчивости надежд получить мир из буржуазных рук и, таким образом, сплачивала широкие массы вокруг пролетариата и его партии большевиков.

В том же четвертом номере „Пролетарского голоса" мы находим резкую критику, направленную против меньшевиков—Мартова, Аксельрода, Чхеидзе, гвоздевцев. Газета высказывается против каких-либо совместных действий с меньшевиками и эсерами.

Как указывает газета, только „идейная и организационная четкость дает возможность до конца развить раз намеченную политическую линию, привлекая этим к себе колеблющиеся

рабочие социалистические группы, определяя их выбор, что особенно необходимо в эти дни собирания сил III Интернационала".

Под словами „колеблющиеся рабочие социалистические группы" газета подразумевала те незначительные группки рабочих, которые, не разобравшись, шли еще за меньшевистскими лидерами. Разоблачая предательство меньшевистских „вождей", большевистская газета вырывала рядовых рабочих из-под их влияния.

Бичуя позицию либералов и меньшевиков, орган Петербургского комитета указывал, что попытки их сговориться с властью, предотвратить революцию будут сметены революционным движением.

Это революционное движение неустанно, беспрерывно организовывала и возглавляла партия большевиков. Поэтому как бы логическим продолжением и развитием передовой статьи является следующая за ней статья, рисующая работу Петербургского комитета. Большевистские традиции партии, в данном случае традиции партийной демократии и связи с массами, нашли в ней яркое выражение. Несмотря на тяжелые условия подполья и строжайшую конспирацию, партийный комитет считает необходимым отчитаться перед массами в своей деятельности. Об этом говорит статья „Местная социал-

демократическая организация в петроградском рабочем движении»:

„Российская полицейская „конституция" держит социал-демократию в подполье.

Организация в стремлении сделаться недосягаемой для жандармерии и полиции вместе с тем не может выявить вполне свой состав и внутреннюю работу перед широкими рабочими кругами. Все же настоятельно необходимо, чтобы те, кто идет с нею и за нею, возможно больше знали о ее жизни.

Социал-демократической организации нужно „отчитаться" в своей деятельности перед петроградскими рабочими. О многом не придется говорить совсем, многое останется недоговоренным, но все, что можно, должно быть сказано.

Для всех, кто стоял в последнее время в центре жизни петроградских рабочих, было видно, какую деятельную роль сыграла с.-д. организация в бурных событиях осени..."

Рассказывается о руководстве Петербургского комитета борьбой, стачками и выступлениями рабочих, подчеркивается и огромное значение партийной печати как сильнейшего средства связи с массами:

„Главное орудие нашего общения с тт. рабочими—это печатное слово. Ему мы уделяем в своей деятельности особое внимание. За

последнее время (октябрь—ноябрь) нами выпущены следующие издания:

1. По продовольственному вопросу —
12 октября . . . . 4000 экз.
2. С призывом ликвидировать стачку—
19 октября . . . . 4000 "
3. Ко дню суда над матросами —
26 октября . . . . 2500 "
4. О борьбе против локаута —
31 октября . . . . 1500 "
5. Ко дню суда над депутатами —
4 ноября . . . . 7500 "
6. По поводу выступления Г. Думы—
около 15 ноября . . . . 8000 "

Кроме того, изданы были брошюры и революционный песенник".

Отчет Петербургского комитета наглядно показывает, как энергично развертывали свою деятельность большевики внутри страны в годы империалистической войны.

О росте партийной работы говорит „Пролетарский голос" в отделе „Провинция".

„Все чаще и чаще со всех концов России поступают сведения о жизни нашей партии. Сведения эти, указывая, с одной стороны, на рост нашей организации, ее закрепление и очень большой интерес к вопросам дня и момента среди членов партии и в массе, с другой— вскрывают и наши недостатки и слабые стороны".

К этим недостаткам газета относит „непостоянство связей и вследствие этого недостаточную осведомленность о том, что происходит в провинции, и обратно". В связи с этим газета намечает задачи, которые уже сами по себе свидетельствуют о размахе партийной работы:

„Издание центрального органа в России и необходимой партийной литературы, мобилизация всех активных сил партии и равномерное распределение их между местными и центральными учреждениями и органами... созыв в ближайшем будущем всероссийского совещания".

Тут же приводятся письма, свидетельствующие об активной деятельности партийных организаций.

Из N (по конспиративным соображениям пункты в газете не указаны.—*И. Б.*) сообщают:

„В настоящее время у нас дело наладилось— недостаток только в партийной литературе".

С юга пишут:

„Организация наладилась и существует преемственность. Число платящих членов 150. Имеются связи со всеми заводами и ближайшими крупными рабочими районами. Предполагается созыв местной конференции. Настроение в массах приподнятое. Большой спрос на литературу и пропагандистов".

„Из NN на юге сообщают, что организация выработала определенные позиции и пользуется большим влиянием как в рабочей среде, так и в остатках легальной организации. Число членов хотя и не велико—120 человек, но зато это самый активный элемент. Малочисленность товарищи объясняют тем, что за отсутствием литературы и пропагандистов они не могут удовлетворять большого количества членов, хотя число желающих вступить в партийные ячейки очень велико. Настоятельно просят прислать литературу и опытных товарищей для работы по расширению организации. Имеются связи с другими организациями. Выходит газета нелегально".

„С Поволжья нам сообщают об очень прочных организациях с большим влиянием".

„На Урале организация насчитывает до 900 членов, предполагается объединение разрозненных групп".

„В центре России—в N существует партийная организация, но порайонно. Уже в продолжение нескольких лет ведется работа по созданию общегородского центра, на которую тратится много энергии, и каждый раз, как удается организовать таковой, товарищи садятся".

„Из Прибалтийского края из ряда городов сообщают о прочных партийных организациях, в большинстве связанных между собой".

Наряду с хроникой партийной работы мы находим в отделе „Провинция“ информацию о рабочем движении, сообщения о стачках в Донецком бассейне, в Баку и Кубанской области, в Екатеринославе и Харькове, на Урале и в Твери и т. д.

Четвертый номер „Пролетарского голоса“ был выдан провокатором. Меньше чем через три месяца, в марте 1917 г., уже вышел первый номер возобновленной „Правды“.

ЖУРНАЛ „ВОПРОСЫ СТРАХОВАНИЯ“

Почти одновременно с выпуском первого номера газеты „Пролетарский голос“ возобновил выход большевистский журнал „Вопросы страхования“, который был единственным большевистским печатным органом, легально выходившим в столице во время войны.

Чтобы понять, как мог такой, казалось бы, узко специальный журнал играть роль политического органа партии, нужно вспомнить, что представляло собой руководимое большевиками страховое движение в стране до революции.

Журнал „Вопросы страхования“ возник еще до войны, в 1913 г. История его возникновения такова. 23 июня 1912 г. под влиянием бурного подъема рабочего движения царское правительство вынуждено было опубликовать страховые

законы. Общество заводчиков и фабрикантов вкупе с чиновниками министерства торговли и промышленности тотчас же начало подготовку к тому, чтобы повернуть эти законы в свою пользу. Необходимо было этой кампании хозяев противопоставить кампанию пролетарскую. Рабочая страховая кампания началась в тогдашней „Правде", заняв в ней постоянный отдел. Проводилась она под ленинским лозунгом, гласившим, что всю агитацию по поводу введения страхования необходимо вести в тесной связи с освещением всего положения вещей в царской России, разъясняя наши социалистические принципы и революционные требования.

Таким образом, с самого начала была провозглашена тесная связь между страховой кампанией и всеми другими формами рабочего движения, с самого начала большевики использовали страховую кампанию для вовлечения рабочих в политическую борьбу под руководством партии. Отдел страхования в „Правде" пользовался большим успехом среди рабочих. Получалось много корреспонденций по вопросам страхования, и вскоре отделу стало тесно на страницах „Правды". Возникла мысль о создании специального журнала, и так был создан журнал „Вопросы страхования". Страховые вопросы ставились в нем в тесной связи с общими

задачами рабочего движения. В этом отношении журнал следовал указанию Пражской конференции партии: „...использовать те новые организационные формы, которые устанавливаются им (т. е. законом.—*И. Б.*) (больничные кассы рабочих) для того, чтобы вести и в этих организационных ячейках энергичную пропаганду с.-д. идей и превратить таким образом и этот закон, задуманный в целях нового закабаления и угнетения пролетариата, в орудие развития его классового сознания, укрепления его организованности, усиления его борьбы за полную политическую свободу и социализм“ [1].

Товарищ Молотов в день 10-летия журнала „Вопросы страхования“ отметил эту отличительную черту журнала:

„В годы царской реакции журнал „Вопросы страхования“ вел неустанную борьбу не только за осуществление социального страхования, но и за наши славные „неурезанные лозунги“, за свержение буржуазно-помещичьего режима, за полное освобождение рабочего класса“ [2].

В Петербурге в то время выходило несколько легальных большевистских органов: газета „Правда“, теоретический журнал „Просвещение“,

---

[1] *Ленин,* т. XV, стр. 387.

[2] „Вопросы страхования“ № 46 от 8 ноября 1923 г.

женский журнал „Работница“ и журнал „Вопросы страхования“. К началу войны царизм задушил все эти издания. Удалось возобновить во время войны только журнал „Вопросы страхования“. Первый номер вышел, после полугодового перерыва, 20 февраля 1915 г.

Несколько слов об истории возобновления журнала.

Разгром легальных рабочих организаций после объявления войны не миновал деятелей страхового движения, и, разумеется, в первую очередь были арестованы и высланы большевики. В течение полугода не созывался страховой совет. Но в начале 1915 г. начинают, наконец, собираться члены страхового совета, назначается заседание совета, а перед общим заседанием собираются уцелевшие члены рабочей группы страхового совета. На этом заседании встал вопрос о возобновлении журнала. После заседания был составлен из старых сотрудников журнала аппарат редакции.

За годы войны вышло 25 номеров журнала. Если до 1915 г. журнал был еженедельным, то теперь, из-за провокаций и преследований охранки, он смог выходить лишь раз в месяц—полтора. Тем не менее журнал просуществовал до самой Февральской революции. С подъемом революционного движения в стране становится шире тематика журнала, начинают появляться

статьи, которые ни по тону, ни по содержанию не могли бы появиться несколькими месяцами раньше. Терявшее почву под ногами царское правительство отвечало на это единственным средством, которое оно еще могло противопоставить приближавшейся катастрофе: новыми и усиленными преследованиями и репрессиями против журнала.

„Вопросы страхования“, однако, стойко держались и твердо вели свою линию, доводя до широких масс с легальной печатной трибуны большевистские лозунги, прежде всего, лозунги об отношении к империалистической войне. Легальный большевистский журнал, который, как это известно было читателям, возник в тесной связи с „Правдой“ и продолжал ее дело, естественно, играл очень крупную роль в годы империалистической войны.

Назначение журнала ясно сформулировано в письме товарища Сталина, присланном в редакцию в марте 1916 г. из далекой ссылки. Письмо это, отправленное за подписью товарища Сталина и группы других ссыльных большевиков, гласило:

„Мы, группа ссыльных Туруханского края, с радостью приветствуем возобновление журнала „Вопросы Страхования“. Мы полагаем, что в переживаемое нами время, когда общественное мнение рабочих масс в России фальсифицируется столь бесцеремонным образом и подлинное

рабочее представительство подменяется при деятельном содействии А. Гучкова и П. Рябушинского, отрадно видеть и читать действительно рабочий журнал. Пусть „Вопросы Страхования" приложат все усилия и старания и к делу идейного страхования рабочего класса нашей страны от глубоко развращающей, антипролетарской и в корне противоречащей принципам международности проповеди г.г. Потресовых, Левицких и Плехановых"[1].

Это письмо было напечатано в 5-м номере журнала от 31 мая 1916 г., посвященном международному женскому дню и Дню печати.

Как видим, особая задача, которую товарищ Сталин поставил перед журналом, заключалась в идейном страховании рабочих, т. е. в их большевистском воспитании. И действительно, работники редакции постарались придать этому страховому органу более широкое, общеполитическое направление, учитывая, разумеется, условия легального выхода в военное время. Если и до войны при наличии „Правды" журнал ставил общеполитические вопросы, то теперь тем более он должен был вести эту линию. Конечно, журнал не мог не помещать на первом месте статей по вопросам страхования. Но в них каждый страховой вопрос тесно связан с

---

1 „Пролетарская революция" № 7, 1936 г.

общеполитическими задачами. Ни о каком частном вопросе, вроде хотя бы работы больничной кассы, не говорилось без того, чтобы не затронуть общее политическое положение и не показать рабочему читателю, какой вред приносит ему война даже в узкой страховой области.

Программу возобновленного журнала редакция сформулировала в первом номере в обращении „К читателям“:

„Полгода тому назад временно прекратился выход в свет „Вопросов страхования“. С выпуском настоящего номера издание журнала возобновляется. Направление журнала остается прежним.

Журнал, как и раньше, будет уделять место не только вопросам страхования рабочих в узком смысле этого слова, но также и условиям труда и быта рабочих, вопросам профессионального движения и профессиональной организации рабочих и другим насущным вопросам рабочего движения. Идя несомненно навстречу запросам читателя, редакция журнала предполагает значительно расширить отдел профессионального движения, рабочей хроники и отдел фельетона [1].

[1] Фельетоном в журнале назывались большие, обычно подвальные статьи на общеполитические темы.—*П. Б.*

Друзьям-читателям „Вопросов страхования“ предстоит трудная и упорная работа по распространению журнала, по упрочению его существования, по моральной и материальной поддержке журнала, по снабжению журнала статьями и корреспонденциями и т. д.

Рабочий журнал может существовать и развиваться лишь при энергичной поддержке самих рабочих. Эта истина особенно приложима к положению „Вопросов страхования“ в настоящий момент“.

Тут же журнал, следуя традициям „Правды“, обращается за поддержкой к рабочим, отстоявшим в свое время от ударов царизма старую «Правду» денежными сборами и корреспонденциями.

Через несколько номеров редакция снова обращается со специальной статьей „К нашим читателям и друзьям“ (№ 8 за 1915 г.), в которой рассказывает, как она выполняет взятое на себя обязательство, как она стремится, „стоя попрежнему на страже всех прежних лозунгов, дать ответ если не на все, то на многие волнующие массы вопросы. С этой целью был расширен отдел общих руководящих статей, освещающих с точки зрения последовательного демократизма вопросы момента, насколько это, разумеется, возможно в рамках современного положения...

Что решение, принятое редакцией, было правильно, о том свидетельствует тот радушный прием и ряд писем и приветствий, которыми было встречено возобновление нашего журнала".

Для того чтобы журнал и в дальнейшем мог правильно решать взятую на себя задачу, отвечать на все новые и новые вопросы, он должен выходить более регулярно и чаще. Наметив выход „Вопросов страхования" два раза в месяц, редакция обратилась за моральной и материальной поддержкой к рабочим—своим единомышленникам и друзьям.

В этом обращении редакция подчеркнула, что стоит „попрежнему на страже всех прежних лозунгов". Тогдашнему читателю фраза эта достаточно ясно говорила, что журнал продолжает линию большевистской „Правды". Большевики вели массы вперед, сплачивая их под знаменем „неурезанных лозунгов". Именно под этим знаменем сплотила „Правда" кадры передовых рабочих. Обращение редакции, таким образом, прямо провозглашало программой журнала борьбу за большевистские лозунги.

Цензура, не пропускавшая в печати таких слов, как партия, партийные лозунги, партийная программа, заставляла прибегать к эзопову языку, в котором определенные выражения заменяли собой эти недозволенные цензурой

формулировки, и рабочий читатель научился понимать под невинными, иногда даже кажущимися туманными выражениями партийные положения и формулировки.

В доведении большевистских взглядов до масс журнал „Вопросы страхования“ сыграл исключительную роль. Достаточно вспомнить, что внутри страны это был единственный легальный журнал, в котором появились в годы империалистской войны письмо Сталина (приведенное выше) и статья Ленина, резко разоблачавшие социал-шовинизм и показавшие рабочим, каким должно быть их отношение к империалистской войне.

Статья Ленина „О германском и негерманском шовинизме“ („Вопросы страхования“ № 5 за 1916 г.) разоблачала фальшивые фразы шовинистов и является образцом того, как и в легальном журнале применительно к легальным возможностям большевики умели говорить массам прямо и ясно о своей позиции:

„...правильный теоретический ответ на вопрос о том, где скрывается фальшь, всегда служит к разоблачению лицемеров, склонных — по причинам слишком понятным — прикрывать фальшь, отушевывать ее, одевать ее в разные пышные наряды фраз, всяких фраз, фраз о чем угодно, вплоть даже до фраз об интернационализме. На словах интернационалистами объяв-

ляют себя и Ленчи и Зюдекумы и Шейдеманы, все эти агенты немецкой буржуазии, состоящие, к сожалению, членами так называемой „социал-демократической“ германской партии. Надо судить о людях не по их словам, а по их делам. Это давно известно. Кто же станет в России судить о гг. Потресовых, Левицких, Булкиных и К⁰ по их словам? Разумеется, никто“ [1].

Статья Ленина разоблачила лицемерие шовинистов, замалчивавших и прикрывавших угнетение народа „своим“ империалистическим правительством, подвергла резкой критике ликвидаторскую газету „Рабочее утро“, издававшуюся в Петрограде.

„У нас много острили по поводу того, что „Русское Знамя“ (черносотенная газета.—*И. Б.*) вело себя очень часто, как „Прусское Знамя“. Но дело не ограничивается—„Русским Знаменем“, ибо совершенно в том же принципиальном духе, как Ленч, Каутский и К⁰ рассуждают у нас гг. Потресовы, Левицкие и К⁰. Загляните, напр., в ликвидаторское „Рабочее Утро“ и вы увидите совершенно такие же „прусские“, вернее было бы сказать: интернационально-шовинистские аргументы и приемы рассуждения. Шовинизм остается шовинизмом, какой бы национальной марки он ни был,

---

[1] *Ленин,* т. XIX, стр. 65.

какими бы фразами пацифистского сорта он ни прикрывался“ [1].

В „Вопросах страхования“ появлялись статьи, в которых происходившая война прямо называлась империалистической. Такова статья „Задачи рабочего класса“ в 4-м номере журнала от 15 мая 1915 г. Она формулирует „первую насущную задачу“: прежде всего размежеваться, отграничиться от оппортунистических деятелей II Интернационала.

„Вступая в новую эпоху, старая демократия должна прежде всего размежеваться, отграничиться от всех тех, у кого действие не оказалось на высоте провозглашаемых ими слов.

Это первая насущная задача...“

Формулировать следующие задачи уже не позволила цензура.

В соответствии с позицией ЦО „Социал-демократ“ выступили „Вопросы страхования“ и по другому актуальному вопросу—об участии рабочих в военно-промышленных комитетах. Военно-промышленные комитеты, созданные после военных поражений лета 1915 г., были органами буржуазии, руководившими распределением и исполнением военных заказов; нажившаяся на этих „заказах самим себе“ буржуазия вместе с тем стремилась использовать военно-

[1] *Ленин,* т. XIX, стр. 66.

промышленные комитеты для организации войны более успешной, чем на это оказался способен царизм. Буржуазия пыталась вовлечь в военно-промышленные комитеты и рабочих, надеясь этим путем воздействовать на рабочий класс и притти к „классовому миру“. Меньшевистские газеты тотчас поддержали буржуазию и повели агитацию за участие рабочих в военно-промышленных комитетах. „Вопросы страхования“ резко осудили и разоблачили эту попытку мобилизовать рабочих на поддержку империалистической войны.

В номере журнала от 31 августа 1915 г. помещена статья „К вопросу об участии рабочих в Центральном военно-промышленном комитете“, ясно формулирующая позицию петроградских большевиков.

Автор статьи решительно выступает против участия рабочих в военно-промышленном комитете и, пользуясь случаем, напоминает о том, что нужно требовать свободы рабочих организаций, профессиональных союзов, рабочей печати. Вот за что должен бороться рабочий класс, а не сидеть в военно-промышленном комитете буржуазии!

Свою агитацию против войны журнал осуществлял и в ряде статей, затрагивающих конкретную „злобу дня“. Говоря о дороговизне, о растущей безработице, журнал доказывал, что

война вызвала резкое обострение всех противоречий и что кризис, тяжело ударив по рабочим, использован с большой выгодой капиталистами.

Так, например, статья „Дороговизна жизни" высмеивала казенный оптимизм буржуазной прессы, объяснявшей подъем цен исключительно временным недостатком вагонов на железных дорогах.

„В последнее время, — говорится в статье, — ларчик приоткрылся и показал если не весь секрет, то все же немаловажную часть его".

Дело, между прочим, в том, что торговцы ради спекуляции и наживы искусственно создавали нехватку продуктов и рост дороговизны.

„Некоторые стали попадать под штрафы... Да ведь и эти ничтожные штрафные суммы все равно будут содраны со шкуры населения".

После этих слов цензура поторопилась часть статьи вычеркнуть. Все же статья достаточно убедительно показала, что борьба с дороговизной не могла быть эффективной „при данном составе самоуправления, когда судьбы города находятся в руках тех же тузов капитала — биржевиков, оптовиков и прочих, когда широкие слои населения, заинтересованные в улучшении своей жизни, не могут принимать в этом участия". Как только в статье зашла речь о самостоятельной деятельности широких слоев

населения, цензура опять набросилась на дальнейший текст, оставив только пару строк:

„Слов нет, в данный момент придется справляться с чрезвычайными затруднениями как частного, так и общего характера.

Но это не должно и не может останавливать“.

Цензура уродовала и многие другие материалы. Несмотря на это, журнал успешно делал свое дело.

В заметках о больничных кассах, о страховой работе журнал подчеркивал связь непосредственной страховой работы с общеполитической деятельностью, отмечая факты использования капиталистами военного положения для наступления против рабочих и на участке страхования. Журнал разоблачал также попытки меньшевиков создать мелкие, не связанные между собою больничные кассы, где они надеялись легче пробраться к руководству. Большевики боролись за объединение заводских больничных касс в одну общегородскую, так как это сплачивало рабочих в более широких масштабах, позволяло лучше и шире использовать легальные возможности для партийной работы. Любопытно, что полиция целиком поддерживала меньшевистскую линию. В архиве Кременчуга хранится полицейский документ, в котором дается прямое указание не допускать создания

общегородской больничной кассы, так как это приведет к господству в ней „крайних элементов рабочего движения“, т. е. большевиков. Там же указывается, что эта подлинная причина запрещения не должна фигурировать в официальных объяснениях, а мотивировать „точку зрения“ полиции нужно тем, что, дескать, в общегородской больничной кассе будут очереди и прочие неудобства для больных, а в мелких кассах всех этих неудобств не будет. Полное и не случайное совпадение во взглядах и доводах между меньшевиками и полицией!

В ряде мест большевики, поддержанные журналом „Вопросы страхования“, сумели во время войны использовать больничные кассы как легальные базы для своей нелегальной партийной работы, изгнав оттуда меньшевиков. Журнал, объединяя страховиков, связывал местных большевиков с центром, помогал партийным организациям в провинции.

Картина лишений и нужды масс, выступавшая из корреспонденций и статей, напечатанных в журнале, вызывала гнев и возмущение трудящихся. Журнал не ограничивался, однако, одним описанием этой нужды, а формулировал задачи борьбы, внося, таким образом, большевистскую организованность в стихийный процесс нарастания революционного настроения.

Примером такого рода постановки вопроса может служить статья в номере от 31 августа 1915 г. „Ближайшие задачи“.

Статья напоминает о разгроме рабочих организаций и рабочей печати.

„Вот уже идет второй год с того момента, как над всей открытой общественной жизнью страны наложен безапелляционный запрет... Должны были прекратить свое существование многочисленные профессиональные и культурные рабочие организации, политическая и профессиональная пресса...

Но властная жизнь делала свое дело; результаты вековой деятельности господствующего класса стали проявляться все с большей очевидностью, и пришлось волей-неволей обратиться к общественным силам, тем, разумеется, кои представлены большинством нынешней Государственной Думы. Началось собирание всех „общественных“ сил, и, по словам либеральной прессы, наступила эпоха обновления власти. В этом периоде перемен мы находимся еще и теперь, но о нем все с большим пессимизмом выражается уже даже либеральная часть общества“.

„Собиранию сил“ буржуазии статья противопоставила задачу объединения пролетарских рядов, укрепления и развития работы партии.

„Работы слишком много. Прежде всего

следует расширять и укреплять основную организационную базу рабочей демократии[1], составляющую краеугольный камень всей ее политики. Только сознательная, правильная организационная мысль может направить по верному руслу рабочее движение, охраняя его как со стороны оппортунизма и шовинизма справа, так и со стороны авантюризма слева.

Профессиональное движение, насильственно приостановленное, должно быть возрождено...

И, наконец, рабочим необходимо место, где они могли бы высказываться и обсуждать все растущие на очереди вопросы, необходима рабочая печать. И, хотя по условиям современности открытая рабочая печать не имеет возможности свободно высказываться по всем животрепещущим вопросам, тем не менее ее воссоздание может принести громадную пользу в деле организации масс".

Требование воссоздания открытой рабочей печати, выдвинутое журналом, имело в виду, разумеется, газету „Правда".

Журнал пользовался каждым случаем, чтобы напомнить читателям о „Правде". В связи с состоявшимся в 1915 г. судом над бывшими редакционными и издательскими работниками

---

[1] Слова: „организационная база рабочей демократии", в легальной, по совершенно понятной форме говорили читателю о партии большевиков.—*П. Б.*

„Правды“ в 9-м номере журнала была помещена заметка „Памяти „Правды“, в которой говорилось:

„...Ниже мы печатаем судебный отчет, из которого видно, что в общей сумме 8-ю годами и 8-ю месяцами крепости закончили случайно попавшиеся товарищи, технические работники „Трудовой правды“, длинную летопись лет крепости и административных месяцев тюрьмы, которую пришлось „отсиживать“ многочисленным редакторам и сотрудникам всех рабочих „Правд“ за время слишком двухлетнего их существования.

Как мы уже сказали, судьба закончить историю „Правды“ выпала на долю этих работников совершенно случайно. И действительно, достаточно взглянуть на любой номер газеты, чтобы притти к заключению, что она не была и не могла быть результатом усилий отдельных единиц. „Правду“ создал и поддерживал класс в целом,—весь российский пролетариат. Он поставил „Правду“ на ноги в финансовом отношении своими бесчисленными грошевыми сборами, пролетариат заполнял большую половину содержания газеты своими рабочими корреспонденциями, он определил, наконец, идейное направление „Правды“ — последовательный рабочий демократизм.

Под идейным руководством этой рабочей газеты, рядом с ней возник целый ряд изданий,

как профессиональных, так и общих, посвященных различным отраслям все развивавшегося рабочего движения. При ближайшей помощи „Правды“ появился и наш страховой журнал.

Правдистские газеты сослужили делу рабочего класса России громадную, неоцененную службу. Они доказали возможность и необходимость для него иметь собственную прессу. И лучшим чествованием памяти их существования будет для рабочего класса сознание необходимости и твердая воля скорейшего возрождения рабочей печатной мысли“.

Говорится о „Правде“ и в статье „Памяти т. Сойфера“, активного сотрудника большевистской печати, убитого на войне.

Некролог рисует тип партийного деятеля, тесно связывавшего каждый шаг своей революционной борьбы с активным участием в рабочей печати.

В номере от 31 мая 1916 г., посвященном Дню печати, в том номере, где опубликовано было цитированное нами выше важнейшее принципиальное указание товарища Сталина о задачах партийного органа, мы находим ряд статей о „Правде“. Журнал прямо поднял вопрос о необходимости бороться за возобновление „Правды“. Этот вопрос журнал поставил в практическую плоскость, открыв сбор средств в „железный фонд“ возобновления газеты. Средства

поступали в адрес редакции „Вопросов стра-хования“.

В том же майском номере мы встречаем сообщения о произведенных денежных сборах, сопровождаемые приветствиями и резолюциями. Так, группа политических ссыльных, выражая пожелания „успешности усилий для воссоздания своей печати“, пишет:

„Мы вполне уверены, что возрожденная „Правда“ должна будет встать на почву Циммервальдской левой, ибо лишь позиция последней соответствует интересам рабочего движения... При сем прилагаем 11 руб. в фонд будущей нашей газеты и выражаем уверенность, что российский пролетариат вновь создаст железный фонд ее“.

Муранов, ссыльный большевик-депутат, прислал 15 рублей на создание „железного фонда“ будущей рабочей газеты.

Так, уже во время империалистической войны большевики при горячей поддержке рабочих начали практически готовить возобновление „Правды“.

„Вопросы страхования“ боролись против буржуазной печати, беспощадно разоблачая и высмеивая ее. Особенно интересно разоблачение на страницах журнала попытки буржуазии создать „для рабочих“ (вернее — для обмана и одурачивания рабочих) бульварную газету. Характер этой газеты и смысл ее создания достаточно

ясно раскрыты в статье „Грубая подделка“, напечатанной в третьем номере „Вопросов страхования“ от 25 апреля 1915 г.

„На Ивановской улице № 11, там, где еще так недавно находилась редакция ежедневной рабочей газеты „Трудовая правда“, поместилась теперь так называемая „Маленькая газета“, претендующая тоже на звание „рабочей газеты“, на защиту интересов рабочего класса.

Что же это за газета и какие цели она преследует?

Для того чтобы придать внешнее сходство с рабочей печатью, „Маленькая газета“ ввела у себя почти те же самые отделы, какие были в правдистских газетах. Но напрасно стал бы там читатель-рабочий искать какого-нибудь идейного содержания, каких-нибудь статей и корреспонденций, дающих пищу уму и сердцу. Ничего, кроме непроходимой бульварной пошлости, не найдет он на страницах этой, с позволения сказать, газеты.

Редакция „Маленькой газеты“, очевидно, думает, что рабочим приходится по вкусу тот грубый, бульварный жаргон и увеселительно-раешный тон, которым написана большая часть материала, заполняющего ее страницы. Между тем на всякого рабочего, привыкшего к серьезному тону и литературному слогу своих рабочих газет, должен производить самое отталки-

вающее впечатление этот бульварный жаргон и дикий набор крепких слов. И само собой разумеется, что вся эта газетная стряпня, преподносимая для увеселения почтеннейшей публики, написана не самими рабочими, которые писали в свои газеты, а каким-нибудь наемным специалистом этого площадного жаргона.

В этом же бульварном тоне написан и роман, который печатается изо дня в день в „Маленькой газете", очевидно, для привлечения читателей и для конкуренции с „Копейкой".

Чтобы лучше подделаться под тон рабочей печати, редакция „Маленькой газеты" заявляет, что девиз ее такой: „Где трудно дышится, где горе слышится, будь первым там", и соответственно этому торжественно провозглашенному девизу старается обличать мелких лавочников, повышающих чрезмерно цены на продукты, хозяев трактирных заведений, купцов из Апраксина рынка и т. д. На более же крупных предпринимателей-капиталистов газета нападать остерегается,—по нынешним временам это опасно.

И эти дешевые нападки на мелких собственников могут ввести в заблуждение некоторых наивных читателей насчет истинного характера уличной газетки.

Спрашивается, кто же эти „обличители" всех бед рабочей жизни? кто судьи?

Достаточно сказать, что газета издается под

фирмой А. А. Суворина, чтобы понять, какая цена всем этим „обличениям“.

И в самом деле, что Суворину рабочие и что им Суворин, который теперь почему-то выступает на страницах своей „Маленькой газеты“ ярым проповедником коопераций, усиленно зазывает в свою лавочку, то-бишь, редакцию, на совещание о постройках кооперативных домов и т. д. Ведь фирма Суворина—это старая „нововременская“ фирма, всем хорошо известная своей проповедью человеконенавистничества, систематической травлей евреев и разжиганием национальной вражды.

И вдруг теперь молодцы из суворинской „Маленькой газеты“ зовут быть первым там, „где трудно дышится, где горе слышится“!

Нет, господа почтенные, не к лицу вам маска обличителей. Из-под этой маски вашей нет-нет да и выглянет истинная суворинская нововременская физиономия, и выглянет скверно, некрасиво, так что сразу почувствуешь, с кем имеешь дело. Например, в № 43 (144) „Маленькой газеты“ под заглавием „Письма одиноких людей и мечты их о жизни счастливой и ласке приветной“ некий И. В. Лебедев, он же „дядя Ваня“ (кстати, уж не известный ли это цирковой борец Лебедев в „литераторы“ попал?), берет на себя роль свахи и от имени каких-то рабочих и работниц, якобы писавших об этом

в „Маленькую газету“, сватает молодую девушку работницу „за пожилого и тихого человека“, другую девушку служанку „за человека самостоятельного“ и т. д.

Читая все эти предложения, невольно вспоминаешь „Новое время“, которое занимается постоянным сводничеством, только там это сводничество открытое и в отделе объявлений, а здесь, в „Маленькой газете“, сводничество, прикрытое елейным названием „Письма одиноких людей о ласке приветной“.

Завела у себя „Маленькая газета“ и „юридический отдел“, в котором рабочие усиленно зазываются по увечным делам, как будто за этим „юридическим отделом“ скрывается агентура для ловли клиентов.

Тот же „дядя Ваня“ в одном из номеров „Маленькой газеты“ предлагает своим друзьям-читателям „завести свою газету“, очень недвусмысленно приглашая рабочих признать своею „Маленькую газету“. Несомненно, в расчете на это редакция „Маленькой газеты“ выбрала себе и помещение, раньше занимаемое правдистскими газетами, в надежде, что какой-нибудь недогадливый читатель примет ее за рабочую газету“.

Эту бульварную газету монархиста и черносотенца Суворина высмеял журнал и в эпиграмме в том же номере:

Дядя Ваня

Руководителем подлаживающейся под рабочих «Маленькой газеты» является цирковой борец.

Дядя Ваня с неким дядей
В славном цирке Чинизелли
Лишь на-днях в большом параде
Друг над дружкою кряхтели.

А сегодня за идею
Он рабочую потеет,
Над статьей ломает шею
И тихонько лапы греет.
Брось затею, дядя Ваня,
Ты такой солидный малый...

Царская цензура, как водится, поспешила на выручку цирковому „дяде Ване", ставшему вдруг идеологом и опорой „порядка", и вычеркнула последние строки эпиграммы.

Резкой критике подвергли „Вопросы страхования" и оборонческую газету „Наш голос", издававшуюся меньшевиками в 1915 г. в Самаре. Заметка в первом номере „Вопросов страхования" от 26 января 1916 г. рассказывала, как отвернулись рабочие от меньшевистской газеты:

„Насколько у пролетариата велика потребность в своей печати, можно судить по тому, с каким интересом он следит за всяким вновь появившимся органом печати с претензией на звание рабочего органа и какую оценку он даст

этим органам. Характерным является пример бакинских рабочих.

Когда появился в Самаре „Наш голос“, правления профессиональных союзов печатников и портных города Баку, ощущая острую потребность в рабочей газете и судя по некоторым именам сотрудников „Нашего голоса“, взяли на себя распространение названной газеты. На-днях правления союзов обсуждали вопрос о дальнейшем распространении газеты, и как одно, так и другое почти единогласно постановили отказаться от дальнейшего распространения газеты, послав в редакцию мотивированные заявления приблизительно такого содержания:

„Ввиду того, что „Наш голос“ не отражает взглядов большинства членов нашего союза, мы от дальнейшего распространения его отказываемся“.

Разоблачая буржуазную и меньшевистскую печать, журнал в то же время приветствует появление каждого нового рабочего органа, занимающего подлинно пролетарскую позицию. Так, мы находим в „Вопросах страхования“ положительный отзыв о новом рабочем журнале, занявшем четкую антивоенную позицию. В библиографической заметке читаем:

„*Текстильщик*“. Профессиональный журнал работниц и рабочих текстильного дела, № 1. Декабрь 1915 г.

На страницах нашего журнала в последнее время нам не раз уже приходилось отмечать отрадные факты пробуждения к самодеятельности демократических масс.

Перед нами опять такое новое отрадное явление... журнал текстильщиков. В воссоздании погибшей $1\frac{1}{2}$ года тому назад профессиональной печати товарищи текстильщики опередили наиболее сознательную часть рабочей массы — металлистов.

Со страниц журнала веет бодростью, верою в старые, не покрытые налетом оппортунизма и ренегатства идеалы демократии.

Приветствуем новый журнал и занятую им непримиримую позицию".

* * *

Появление „Вопросов страхования", первого за время войны легальнего большевистского органа печати, было радостно встречено не только в Петербурге, но и в провинции. С разных концов страны журнал стал получать приветствия и денежные сборы. С Урала писали:

„Уважаемые товарищи!

С радостью узнали на Урале о возобновлении „Вопросов страхования". Выход журнала теперь — целое событие в рабочей жизни. Посылая в фонд журнала один рубль, полагаю, что страховики-уральцы поспешат откликнуться

на призыв редакции—поддержать свой журнал..."[1]

Другой товарищ с Урала присылает лаконическое письмо:

„Дорогие товарищи! Желая полнейшего успеха, посылаю в фонд три рубля"[2].

Журнал восторженно принят был как борец против империалистской войны и шовинизма.

„Товарищи!

Я не могу выразить пером ту радость, которую я пережил при получении рабочего журнала „Вопросы страхования". Возобновление выхода нашего журнала теперь, в такой момент, я восторженно приветствую.

Исходя из положения редакционной статьи, что „журнал, как и раньше, будет уделять место не только вопросам страхования рабочих в узком смысле этого слова, но также и условиям труда и быта рабочих, вопросам профессионального движения и профессиональной организации рабочих и другим насущным вопросам рабочего движения", что видно из статей, напечатанных в четырех номерах журнала, где действительно затронуты все стороны рабочей жизни, конечно, в известных рамках,—я считаю,

---

[1] „Вопросы страхования" № 3 от 25 апреля 1915 г.
[2] „Вопросы страхования" № 5 от 10 июля 1915 г.

что журнал „Вопросы страхования“ необходим теперь, как пища и воздух.

Журнал „Вопросы страхования“ нам нужен в данный момент как еженедельник, который реагировал бы на настоящие события, изменяющиеся чуть не каждый день. Журнал „Вопросы страхования“ в настоящее время оскудения демократической мысли есть оазис среди пустыни, он светлый луч среди мрака, он путеводитель пролетариата, оградитель души пролетарской от всяких шовинистических чувств и настроений...

С товарищеским приветом, конторщик из Ростова-на-Дону.

Посылаю при сем мой первый ежемесячный взнос в размере 1 руб. марками“.

Рабочие в своих приветствиях, в письмах, приложенных к взносам, собранным на журнал, подчеркивали, что поддерживают именно большевистское направление журнала, считают только большевистский журнал своим органом.

Так, путиловцы писали в 1916 г.:

„Уважаемый товарищ редактор!

Как заинтересованные лица в существовании своего последовательного органа, каковым мы и считаем „Вопросы страхования“, при сем прилагаем собранные между рабочими Путиловского завода и верфи 61 руб., которые и просим принять в фонд журнала“.

Посылая в редакцию рубли, копейки своих взносов, рабочие называли свой журнал „светом в окне“, „весной в душной комнате“.

Цензура и полиция прекрасно были осведомлены о том, что под видом специального страхового журнала действует большевистский политический орган. Всеми мерами боролись они с журналом. Цензорский карандаш беспощадно гулял по гранкам; охранка старалась „ввести“ в состав редакции провокаторов, чтобы изнутри сорвать журнал.

Уже из первого номера целиком была снята цензурой большая подвальная статья.

Белые цензурные пропуски встречаются во многих напечатанных статьях. Особенно начала свирепствовать цензура после первых трех-четырех номеров, когда журнал еще прямее поставил основные политические вопросы.

В 5-м номере от 10 июня зачеркнуты передовая „Текущий момент“ и статья „Важный документ“, разоблачавшая подлинные цели заправил военно-промышленного комитета.

В 11-м, последнем в 1915 г., номере вычеркнуто цензурой разоблачение социал-шовинизма, вычеркнут ряд мест из статьи о Циммервальдской конференции.

Следующие номера выходили с еще большим количеством белых пятен, которые достаточно ясно говорили рабочим о бесправии, в каком

находилась их печать. Цензоры впоследствии (к концу 1915 г.) потребовали, чтобы редакция не оставляла в журнале белых мест, а заполняла их другим, запасным материалом, переверстывая номер, но выпуская его сплошь заполненным набранным текстом. Редакция выдержала борьбу с цензорами, но на эту уступку не пошла. Если журнал не мог из-за цензуры преподнести читателю четкий и ясный большевистский лозунг, он, по крайней мере, подводил читателя к этому лозунгу. Читатель, ожидавший четкой формулировки, вместо нее находил белые места, которые нередко помогали ему самому понять, какой вопрос журнал хотел поставить.

Так, например, когда после фразы: „Перед женским движением стоят старые задачи, осложненные новыми явлениями жизни, может быть, даже эти осложнения являются наиболее серьезной и важной стороной движения", оказывалось большое белое пятно „недозволенного цензурой", то это по-своему подсказывало задачи женщин-работниц в связи с войной и надвигавшейся революцией.

Но на другую уступку цензуре пришлось журналу пойти. Пришлось прекратить печатание в „Почтовом ящике" ответов авторам в духе: „такая-то статья на такую-то тему не печатается по независящим обстоятельствам". Такие ответы сначала появлялись на страницах журнала. Они

заставляли читателей задумываться над этими запретными темами; при сравнении со статьями на те же темы в буржуазной прессе наталкивали на мысль, как был бы поставлен этот вопрос в большевистском журнале.

Провокатор Мирон Черномазов, в свое время втершийся в „Правду“ и изгнанный оттуда по настоянию Ленина, пытался пробраться в редакцию „Вопросов страхования“. В конце концов ему удалось в ноябре 1916 г. провалить ряд членов редакции журнала. Охранка добилась этим своей цели: в издании журнала действительно произошел перерыв. До февраля 1917 г. удалось, однако, возобновить журнал и выпустить еще два номера.

На Загородном проспекте в Петрограде, в тесной комнате редакции сходились рабочие-правдисты, и эта комната сделалась своеобразной явочной квартирой, сборным пунктом, где люди получали большевистскую установку, консультацию, узнавали ленинские лозунги и разносили их затем по фабрикам и заводам.

Деятельно помогал работе журнала находившийся в Петрограде член Русского бюро Центрального комитета партии В. М. Молотов.

Тов. Молотов принял меры к ограждению редакции от провокатора Черномазова. Членам редакции долго не удавалось добиться партийного

решения об отстранении Черномазова. Только с помощью т. Молотова на заседании Бюро ЦК было постановлено, чтобы все члены партии прервали всякие личные и организационные сношения с Черномазовым.

Охранка, увидев, что ее сотруднику больше здесь нечего делать, перешла к арестам.

Произошло это незадолго до февраля 1917 г.

„ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТОК" РУССКОГО БЮРО ЦК ПАРТИИ

В начале 1917 г. в Петрограде стал выходить орган Русского бюро ЦК партии большевиков— „Осведомительный листок". Подзаголовок его гласил: „Издание Бюро ЦК Р. Соц.-Дем. Раб. партии". В конце первого номера указана дата выпуска в свет: январь 22—1917 г.

Цель издания кратко сформулирована в первом номере: „Выпуская „О. Л.", Бюро ставит своей задачей посильное ознакомление Российских с.-д. организаций с положением дела в партии, с характером рабочего и общественного движения отдельных мест России". Здесь же Бюро предложило всем организациям в интересах полноты сведений регулярно присылать информацию.

„Листок" дает интересные сведения о партийной работе и о рабочем движении в стране. Так,

1917

№ 1 ОСВѢДОМИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ. № 1.

Изданіе бюро Ц.К.Р.Соц.Дем.Раб.Партіи.

Выпуская " О.Л." Бюро ставитъ своей задачей посильное ознакомленіе Россійскихъ с.д.организацій съ положеніемъ дѣла въ Партіи,съ характеромъ рабочаго и.общественнаго движенія отдѣльныхъ мѣстъ обширной Россіи. Въ интересахъ полноты свѣдѣній,Бюро предлагаетъ всѣмъ организаціямъ регулярно присылать информаціи.

Петербургъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ массовые обыски и аресты. Въ началѣ Декабря арестована Типографія Пет.К. 5 тыс. брошюръ "кому нужна война" наборъ"Пролетарскаго Голоса № 4". Во второй половинѣ Декабря арестованы товарищи-техники, печатавшіе "Пролетарскій голосъ" въ легальной типографіи захватнымъ путемъ,арестованы уже при выходѣ съ пакетами газеты. Благодаря этимъ проваламъ къ 9 Янв.П.К. несмогъ выпустить листовки. Однако всѣ партійныя ячейки повели агитацію за стачку и стачка въ этомъ году отличалась большимъ количествомъ участниковъ. Бастовалъ Путиловскій Обуховскій,и даже С.П.Б.Арсеналъ,не знавшій стачки уже съ 1905 года. по раіонамъ стачка шла сл.образомъ: Выборгскій-всеобщая,Невскій-всеобщая,Городскіе-большинство слабо на Василь.остр.Петерб.большинство.Число стачечниковъ опредѣляютъ до 300000 рабоч Москва.1917 г.9 Янв.. Къ 9 Янв. 1917 г.Моск.Ком.Р.С.Д.Р.П. выпустилъ листокъ съ призывомъ отмѣтить этотъ день однодневною забастовкой съ митингами по заводамъ и съ уличными демонстраціями. Листокъ оканчивался призывами "Да здрав.революція", "Долой Войну", " Долой Самодержавіе". "Да здрав.демокр. республика" Аналогичный листокъ былъ выпущенъ двумя -тремя с.-д. группами. Московская организація недавно и неполно возстановленная,и могла хорошо и въ большомъ количествѣ воспроизвести и распространить листки. Тѣмъ не менѣе о забастовкѣ 9-го Января говорили 6 по промышленнымъ предпріятіямъ уже за нѣсколько дней. 9-го Января съ утра послѣ собраній по заводамъ,бросили работу заводы Бромлей,Добровъ,Набгольцъ,Каноссовъ-Зуккау/быв.Гантенталь Нительсонъ /быв.Гопперъ /,Динамо,заводъ Бари,Густавъ Листъ,фабрика Химно.Цинделъ и др.. Бастовали портные и много мелкихъ предпріятій. Всего съ утра не работало приблизительно 20 % рабочихъ. Послѣ обѣда число

тующихъ поднялось 25 до 30 одинъ часу дня на Тверской бульваръ по приглашенію Ц.К. собралось двѣ -тр тысячи рабочихъ,среди которыхъ можно было насчитать десятка три студентовъ. собраное за ранѣе полиція сдѣлала демонстрацію невозможной. Начались аресты и при попыткѣ запѣть. Появилась конная полиція. Товарищи направились небольшими группами на Театральную площадь. Въ началѣ 3 часа на Театральной площади собралас толпа рабочихъ съ небольшимъ количест вомъ студентовъ. Запѣли "Отречемся

из сообщения из Москвы узнаем о забастовках и демонстрациях 9 января 1917 г. На Тверском бульваре в этот день собралось две-три тысячи рабочих, которые затем отправились небольшими группами на Театральную площадь. Там с красными знаменами, на которых было написано: „Долой войну!“ и „Да здравствует РСДРП!“, прошли от Неглинной до половины Охотного ряда и обратно; движение трамваев было приостановлено. Большая демонстрация состоялась на Елоховской площади, где демонстранты подняли знамя: „Да здравствует революция!“ Несколько демонстраций было на окраинах Москвы. Из „Осведомительного листка“ мы видим, что московские большевики подготовили эти выступления устной и печатной агитацией:

„К 9 января 1917 г. Моск. Ком. РСДРП выпустил листок с призывом отметить этот день однодневной забастовкой с митингами по заводам и с уличными демонстрациями. Листок оканчивался призывами: „Да здравствует революция!“, „Долой войну!“, „Долой самодержавие!“, „Да здравствует демократическая республика!“ Аналогичный листок был выпущен двумя-тремя с.-д. группами. Московская организация, недавно и неполно восстановленная, не могла хорошо и в большом количестве воспроизвести и распространить листки. Тем не менее о забастовке

9 января говорили по промышленным предприятиям уже за несколько дней".

Мощными стачками отметили 9 января 1917 г. и петроградские пролетарии. В этот день бастовало, как указывает „Осведомительный листок", до 300 тысяч человек.

Интересную информацию находим по Иваново-Вознесенску, Шуе, Кохме, Туле, Нижнему-Новгороду. „Листок" сообщал о том, что в главных центрах Поволжья имеются партийные организации. После описания их организационной структуры следовало сообщение об их издательской деятельности:

„За последнее время организациями было выпущено несколько листков с оценкой текущего момента, с нашими обычными лозунгами. Получалась заграничная литература и читалась нарасхват...

Очередными задачами, поставленными организациями, являются более тесная связь с центром и литературно-массовая пропаганда и агитация (листки, газета)".

Из этого же сообщения мы узнаем, что летом 1916 г. в Поволжье проводилась областная партийная конференция.

Таким образом, „Осведомительный листок", рисуя картину партийной работы в разных концах страны, связывал партийные организации между собой и с Русским бюро ЦК партии.

Большое внимание в сообщениях о партийной работе „Осведомительный листок“ уделял подпольной печати, подчеркивая ее роль в организации масс вокруг лозунгов партии. Массы откликались на призыв партии, обращенный к ним через большевистские листки и газету, и выходили на борьбу под испытанным боевым знаменем партии большевиков.

Кроме многочисленных листовок и прокламаций. петербургские большевики сумели организовать в годы империалистической войны издание трех периодических органов. Но не только в Петрограде, колыбели русской революции, выходили в это время большевистские газеты и журналы.

Они возникали в разных концах страны.

II

САМАРСКИЙ ЖУРНАЛ „ЗАРЯ ПОВОЛЖЬЯ“

ервым большевистским органом внутри России, который смог откликнуться на вспыхнувшую империалистическую войну и ответить резким протестом против нее, оказался выходивший в то время в Самаре еженедельный журнал „Заря Поволжья“. Возник он еще до войны, в самом начале 1914 г., поднятый волной революционного подъема 1912—1914 гг. Только благодаря этому подъему стало возможным издание в провинции легального большевистского органа. В объявлении о журнале в числе его сотрудников назван Ленин.

Выходил журнал тетрадками в 16 страниц. Первый номер вышел 18 января 1914 г. После 27-го номера, вышедшего 26 июля 1914 г., журнал был запрещен.

В журнале печатались статьи на политическую злобу дня, обширная политическая и рабочая хроника, фельетоны, рассказы и стихи из рабочей жизни. Это был тип журнала-газеты.

За руководство журналом в начале его существования упорно боролись большевики с меньшевиками. Случилось, что однажды выпуск одного-двух номеров попал в руки меньшевиков. В этих номерах сразу был потерян боевой тон, журнал заговорил о частичных реформах на почве легальности. Однако меньшевики встретили резкий отпор со стороны читателей. Было созвано специальное подпольное совещание, которое осудило линию меньшевиков и изгнало их из журнала. Редакция перешла в руки большевиков. Чрезвычайно характерно, что когда некоторые участники этого совещания были потом арестованы, то царские власти в качестве обвинения предъявляли им изгнание меньшевиков из редакции журнала. Борьба против меньшевистской редакции являлась преступлением в глазах жандармов, царские власти выступали в защиту меньшевиков от большевиков и сознательных рабочих.

Большевики, приветствуемые читателями, придали журналу выдержанный революционный тон. Образцом того, как читатели требовали, чтобы журнал вел выдержанную большевистскую линию, может служить письмо, опублико-

ЗАРЯ ПОВОЛЖЬЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна 5 коп.

Подписная цѣна:
На 1 годъ . . . 2 р. — к.
„ ½ года . . . 1 р. 10 к.
„ 3 мѣс. . . . — р. 55 к.
„ 1 мѣс. . . . — р. 20 к.
[illegible]

Плата за объявленія
[illegible]

№ 5-й. Самара. 14-го Февраля 1914 года. № 5-й.

Содержаніе.

Рабочая печать.

Громадную роль въ исторіи рабочаго класса играетъ своя—рабочая печать.

У насъ въ Россіи печатныхъ органовъ пролетарской мысли очень мало. Виною этому являются чисто внѣшнія условія. Полицейскія рогатки—вотъ тѣ стѣны, которыя задерживаютъ быстрое развитіе рабочей печати. Но какъ ни крѣпки эти стѣны, какъ ни страшны ея своды, все же [illegible] рабочій классъ пробилъ брешь [illegible] черезъ эту брешь [illegible] свободное слово рабочаго по всей Россіи и Рабочая Мысль проникла въ самые далекія и глухія уголки нашей родины.

И чѣмъ больше начинаетъ сплачиваться рабочій классъ, тѣмъ скорѣе разрушаются эти стѣны. Пролетаріату нужно свободное слово печати и онъ добьется его. Оно нужно ему чтобы говорить о своихъ нуждахъ, интересахъ, о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится ему работать, нужно, чтобы звать къ организаціи и сплоченію для достиженія лучшаго будущаго.

Все дряхлѣетъ—дворянство, буржуазія и только рабочій классъ прокладываетъ себѣ новый путь къ новой жизни.

Труденъ этотъ путь. Но не смотря на всѣ преграды и путы бюрократіи, онъ бодро идетъ къ новому—царству труда.

Одной изъ самыхъ яркихъ звѣздъ освѣщающей путь къ братству и справедливости, является рабочая печать. Вотъ почему такъ крѣпко держится за свои немногіе печатные органы рабочій классъ и на всѣ попытки задушить Рабочую Мысль, пролетаріатъ Россіи отвѣчаетъ усиленной поддержкой ея.

На рабочіе гроши создалась и „Заря Поволжья“; и неся свои гроши они говорили:

— Будь выразительницей нашихъ мыслей, дай намъ свѣтъ, котораго мы съ такимъ нетерпѣніемъ ждемъ, и мы будемъ тебя и впредь поддерживать.

ванное в номере от 5 июля 1914 г. под рубрикой „Голоса рабочих“:

„Мы, группа организованных марксистов города Оренбурга, шлем привет редакции „Заря Поволжья“ и приветствуем ее с освобождением от постороннего влияния меньшинства, желающего направить рабочее движение по ложному пути.

Шлем свои искренние пожелания и выражаем желание, чтобы „Заря Поволжья“ оставалась всегда выразительницей чисто марксистского направления.

Группа организованных марксистов г. Оренбурга“.

Как только „Заря Поволжья“ исправила свою линию и стала последовательным большевистским органом, резко усилился интерес читателей к нему и их забота о журнале. В момент преобладания меньшевистского влияния недельный приток средств от рабочих сборов составлял рублей 15. В большевистский журнал поступало в среднем 80 рублей в неделю.

„Заря Поволжья“ прямо и четко ставила основные вопросы партийной работы того периода, беспощадно разоблачала ликвидаторство, призывала строить и укреплять подпольную большевистскую партию.

„Заря Поволжья“ прямо подчеркивает свою связь с „Правдой“, пропагандирует „Правду“

среди масс и учится у нее агитировать, мобилизовать массы.

В номере от 1 марта 1914 г. мы находим посвященный „Правде“ фельетон „Она неистребима“. Самый заголовок был навеян приведенными в эпиграфе словами М. Горького: „И чувствовалось, что сила эта непобедима, неистребима, неиссякаема“.

Еще до начала войны „Заря Поволжья“ выступила со статьями, в которых предупреждала рабочих против надвигающейся военной опасности, разоблачала империалистический характер готовящейся войны.

8 марта 1914 г. журнал поместил статью „Забряцали“, направленную против угрозы войны, проникнутую духом подлинного пролетарского интернационализма:

„Реакционные газеты заговорили о наступательных действиях, а либералы, вторя в такт „черной стае“ и выставляя напоказ свой патриотизм,—о готовности России и всего русского народа к войне.

И при этом все они говорят не от имени буржуазных классов, а от имени всего русского народа. Выходит так, что русский рабочий и крестьянин, позабыв о „пустом животе“, сразу воспылали страшной жаждой к „славным“ подвигам кровавой войны.

Когда рабочие заявляют в рабочей печати

свои протесты против войны, то газета за помещение этих протестов карается. Но когда от имени рабочих и крестьян реакционеры говорят явную ложь, то за это им ничего не бывает...“

За две недели до войны, 29 июня, „Заря Поволжья“ в статье „Бремя милитаризма“ резко выступает против голосования в Государственной думе за военные кредиты. Журнал поддержал и популяризовал в массах позицию большевиков—депутатов Думы, протестовавших против военных кредитов:

„Наша Государственная дума, прежде чем разъехаться по своим помещичьим угодьям, совершила „великий патриотический подвиг“, приняв в закрытом заседании, как сообщает „Новое время“, тайные законопроекты на вооружения, для коей цели ассигнованы сотни миллионов рублей народных денег.

...Ассигновали тайком от народа, в закрытом заседании, и, делая это, они прикрывались его волею (?), нуждами его и всего отечества. Теперь начнется перекачивание этих денег из народного кармана посредством различных налогов в казну, а оттуда господам заводчикам и разным „темным дельцам“...

Прежде чем ассигновать на пушки из народного кармана, спросили ли они народ о нужности этих пушек? Послушались ли они представителей многомиллионного пролетариата,

которые заявили, что стране нужны не пушки, направленные против врага „внешнего“ и „внутреннего“, а свободные условия для развития производительных сил?

Вняли ли протесту рабочих депутатов против ненужных расходов на милитаризм господа представители всероссийского дворянства, купечества и прогрессивно-либеральной буржуазии? Это не в их видах...

И на новые вооружения пролетариат всех стран ответит только тем, что еще сильнее сомкнет свои международные ряды, чтобы скорее свалить с плеч своих бремя капитализма и милитаризма“.

19 июля, уже после объявления войны, выходит 26-й номер журнала. Самарская партийная организация, зная, что дни журнала сочтены, что его ожидает в самое ближайшее время неминуемое закрытие, решила поспешить с выпуском еще хотя бы одного-двух номеров, направленных против войны.

В 26-м номере мы находим статью „Снова война“. Эта статья, написанная и печатавшаяся, очевидно, еще до того, как в Самаре стало известно о вступлении России в войну, говорит пока еще лишь о вспыхнувшем на Балканах военном пожаре. Но статья правильно оценивает события на Балканах как первый шаг мировой империалистической бойни и разоблачает

ее цели. Она заканчивается словами: „Долой войну!"—скажут и русские рабочие". В этих словах еще нет большевистского лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую, этот лозунг находим в следующем—последнем номере журнала. Но уже и данная статья явилась прямым, открытым выступлением против начавшейся войны. Это был голос единственной легальной большевистской газеты в стране („Правда" к тому времени уже была закрыта), раздавшийся против войны в разгар буржуазного шовинизма. Выступление „Зари Поволжья" в этот момент содействовало выработке рабочими своего, пролетарского отношения к разразившимся событиям, предохраняло от заражения ядом буржуазного шовинизма.

„Снова на Ближнем Востоке загрохотали пушки и полилась кровь народов,—так начиналась статья „Снова война".—Война началась сперва только между Австрией и маленькой Сербией. Через день-два к ней присоединятся другие державы, и начнется общеевропейский пожар, который потребует не один миллион молодых жизней, реки и даже целое море слез отцов, матерей и детей, приостановку всей промышленности и торговой жизни, безработицу, голод и миллиарды народных денег и многие, многие другие ужасы, которые несет с собой общеевропейская война при настоящих условиях.

Спрашивается: кому же нужна такая война, ведь не народу же? Нет, не народу. Она нужна только и только настроенной воинственно буржуазии, аристократии и еще кое-кому, но только кучкам. Они от войны мало теряют, кроме разве ущемленного национального самолюбия в случае неблагоприятного исхода.

И причину этих войн следует искать во всем буржуазно-капиталистическом строе нашего общества, где народ, масса является только производительной силой и где властвует или земельная аристократия, или промышленная буржуазия, но только не народ. Все войны, начатые с целью захвата, обставляются обыкновенно высокими национальными задачами, и теперешняя война Австрии объявляется как неизбежное, как единственный способ поддержать престиж государства.

Пролетариат немецкий и французский ответил уже на новую авантюру громадными митингами протеста против новой бойни народов. Он дал должную оценку сущности этой войны, заявив, что он остается попрежнему не националистичным, а интернациональным и ярым противником милитаризма.

„Долой войну!"—скажут и русские рабочие".

Царское правительство решило использовать войну для разгрома бурно поднявшейся в 1914 г. волны революционного движения. Перед

войной петербургский пролетариат вел энергичную революционную борьбу, от стачек перешел к политическим демонстрациям, столкновениям с полицией, к борьбе на баррикадах. Эта борьба встречала отклик у рабочих во всей стране. 14 июля в Самаре также состоялась политическая забастовка. Правительство начало сколачивать из черносотенных и уголовных элементов патриотические демонстрации и пыталось выдать их за выступление масс, которые якобы в патриотическом порыве отказались от своих требований и выступлений и демонстрируют теперь свою преданность царизму.

Самарский губернатор, напуганный мощной, организованной и руководимой большевиками забастовкой самарских рабочих 14 июля, решил также пустить в ход эту полицейскую легенду и издал специальное воззвание к рабочим с призывом не следовать „дурному примеру“ сознательных пролетариев столицы, а стать в ряды „патриотов“.

„Заря Поволжья“ в том же 26-м номере дала достойную отповедь этой полицейской попытке поучать рабочих, что дурно, а что хорошо.

В статье, с пролетарским юмором высмеивавшей полицейские уловки, разъяснялся рабочим Самары смысл казенного „патриотизма“ и снова подчеркивалось, что рабочие никогда не станут разделять настроений, подогреваемых

господствующими классами, наоборот, рабочие громко поднимают свой голос протеста против войны. Статья прямо призывала не верить тому, что сообщают власти и лживая буржуазная пресса, заявляя тут же, что рабочий журнал не может многого сказать из-за цензурного гнета. Несмотря на это, статья заканчивается понятным ее читателю призывом: „и в моменты тяжелых переживаний оставить во всей полноте лозунги последовательного марксизма“, т. е. сплотиться вокруг партии, вокруг большевистских лозунгов.

Через неделю, 26 июля, вышел последний, 27-й номер журнала в половинном размере— на восьми страницах.

Выпуская этот номер, редакция понимала, что он будет последним. Поэтому решено было ясно выразить в нем свое отношение к войне и участию России в ней.

Готовясь к тому, что номер будет конфискован, редакция приняла свои меры. Тираж успели отпечатать и вывезти из типографии до появления полиции, а специально для полиции оставили кучку номеров, и, когда полицейские явились в типографию, их убедили в том, что номер только начинает печататься. Полиция забрала оставшиеся номера, рассыпала набор, но этот последний номер был уже распространен. Он пользовался особенной популярностью среди рабочих. В отравленную атмосферу он внес

ясные большевистские лозунги, продолжая беспощадную борьбу против шовинизма и буржуазного „патриотизма“, обращаясь к революционной сознательности рабочих масс. Именно в выполнении этой важнейшей задачи и заключается смысл передовой статьи „Рабочий класс и текущие события“.

Эта статья уже намечала революционный выход из империалистической войны путем обращения оружия против буржуазных правительств.

Статья разоблачает либералов, которые „уже засуетились, забегали по передним министров“. Она бичует лживую буржуазную прессу, пытающуюся обманом увлечь рабочих на путь шовинизма и войны. Статья является подлинным образцом смелой пропаганды, которую перед лицом военных законов вели только большевики и большевистская печать.

„За последнюю неделю с головокружительной быстротой разыгрались самые ошеломляющие события,—констатирует передовая статья „Зари Поволжья“.—Маленький пожар на далеких Балканах—борьба между австрийским и сербским правительствами за верховную власть в Сербии, вызванная колониальной политикой австрийского капитала и военно-диктаторскими замашками немецкого „бронированного кулака“,—разгорелся в грандиозное пламя общеевропейской, чуть ли не всемирной войны.

...Лживая буржуазная печать всех оттенков и направлений—либеральная и консервативная, начиная от радикального „Дня“ и кончая „Речью“, „Новым временем“ и др. у нас, а также и заграничная печать всех оттенков... бессовестно и нагло лгут и клевещут на рабочий класс, по-своему истолковывая его молчание и открыто издеваясь над его кажущимся бессилием.

Не отстают от этих рептилий и местные органы прессы—„Волжское слово“, „Волжский край“ и „Голос Самары“, пытаясь и со своей стороны лягнуть рабочих, бросить в них грязью клеветы и лжи.

Но товарищи знают, что наша печать молчит не по нашей вине, что наши речи не слышны тоже не по нашей вине... Прекрасно знают это и наши гг. либералы, они ткут свою политику, на что им истина?..

Нельзя было без чувства омерзения и гадливого презрения читать за последнее время выпады буржуазной прессы против рабочих организаций. В своих сообщениях о рабочем движении и рабочей жизни они превзошли за последнее время лживостью и подтасовкою фактов решительно все.

На самом деле,—прочтите, с какою наглою самоуверенностью сообщают эти лживые газеты, что социалисты всех стран Европы будто бы высказались за войну, что везде рабочие

прекратили забастовки из чувства патриотизма, прочтите, с каким злорадством они цитируют статьи всевозможных мнимых социалистов, высказывающихся за войну; духом воинствующего национализма и шовинизма, духом кровожадного милитаризма пропикнуты все статьи либеральной прессы—и эту кровожадность они хотят во что бы то ни стало навязать и рабочему классу—путем лжи, обмана, сплетен. Но это им не удастся. Сознательный пролетариат всего мира везде против войны.

Да, скажут, но почему же в таком случае международный сознательный пролетариат не предотвратил войны, если он не желал ее? Почему он допустил до общеевропейской битвы народов, а не потушил пожар в самом начале, не дав ему разгореться?

На это укажем, что война только начинается и что всемирный пролетариат по поводу ее еще не сказал своего последнего слова, но он не молчал и не молчит, и если его выступления замалчиваются буржуазной прессой, то уже не его вина, что до перепуганного общества не доходит его голос.

Но разыгравшиеся события, грандиозная картина всемирной войны, может быть, даст толчок к еще более грандиозным событиям... Может быть, она и прекратится под дружным натиском рабочего класса всей Европы".

Редакция „Зари Поволжья“, очевидно, еще не знала о предательстве вождей II Интернационала. Она не доверяла тем сведениям, какие с торжеством и злорадством преподносила публике буржуазная пресса, да и слишком чудовищна была измена. А нарушенная в эти дни связь с заграницей, с центральными партийными органами еще не была восстановлена.

„Заря Поволжья“ решительно отвергала мысль, что правдой могут оказаться слова буржуазных газет о социалистах всех стран Европы, которые будто бы „высказались за войну“. Она правильно квалифицирует „социалистов“, высказавшихся за войну, как мнимых социалистов, но она еще не могла сказать читателям, что если злорадные сообщения буржуазной прессы—клевета по отношению к сознательным пролетариям, то по отношению к оппортунистическим вождям, предавшим массы, это известие верно. Несмотря на это, „Заря Поволжья“ все же правильно мобилизовала массы против войны и против „всевозможных мнимых социалистов, высказывающихся за войну“.

Большевики, взяв резкий и решительный тон в последнем номере, чувствовали неизбежность закрытия журнала. Они понимали, что в создавшихся условиях журналу все равно не удалось бы отстаивать и доводить до масс свою линию, а отказаться от пропаганды партийных взглядов

только для того, чтобы сохранить журнал, было бы неправильно, было бы достойно только ликвидаторов.

Исчерпав до конца легальную возможность связи с массами, чувствуя приближение закрытия легального журнала, большевики готовились к новым формам агитации и пропаганды и нашли правильный путь дальнейшей работы. Этот путь указывал В. И. Ленин осенью 1914 г.:

„Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты „берегут“ легальные организации ценой измены своим убеждениям,— революционные с.-д. используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран“ [1].

Самарские большевики после закрытия „Зари Поволжья“ перешли к изданию нелегальных прокламаций против войны, не останавливаясь перед явным риском. Прокламации на гектографе часто приходилось печатать на квартире, которую ни в коем случае нельзя было счи-

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 66.

тать надежной, так как там уже несколько раз бывали обыски и за квартирой постоянно следили шпики. Однако большевики ухитрялись изготовлять прокламации днем, когда можно было меньше опасаться налета жандармов, и до наступления темноты прокламации уносили в базарных корзинках и кошелках для провизии.

Одна из первых гектографированных прокламаций была издана самарскими большевиками во второй половине октября 1914 г. Она была распространена конспиративно среди местных социал-демократов и разослана также партийным организациям других городов.

Прокламация, разоблачая фальсификацию общественного мнения буржуазной печатью, подчеркивала, что кампания лжи и обмана могла вестись безнаказанно только благодаря вынужденному молчанию разгромленной большевистской печати.

„Правящие классы всех стран, готовясь к войне и зная, что только в лице рабочих и социал-демократов они имеют единственных убежденных противников затеянной ими мировой авантюры, поспешили принять все меры, чтобы наш голос в эту минуту не был услышан.

С этой целью почти повсюду были закрыты все рабочие социал-демократические газеты,

общества и союзы. За буржуазною прессою осталась, таким образом, монополия выражать общественное мнение всего мира, и она принялась ревностно обрабатывать и фальсифицировать его, раздувая повсюду шовинизм, сея семена человеконенавистничества и вражды, предавая на каждом шагу интересы широких масс. По отношению к нам правительство и буржуазия прибегли к специальной политике лжи, провокации и подтасовки фактов. Выхватывая и тенденциозно раздувая отдельные факты, характеризующие отношение к войне отдельных социалистически-оппортунистических групп и лиц, либеральная пресса делает отсюда вывод о сочувственном якобы отношении к войне всей социал-демократии. С негодованием отвергая эту грязную клевету на рабочую партию, мы подчеркиваем свое отрицательное отношение к этой войне как типичному проявлению империалистской политики правящих классов и заявляем, что никакими ухищрениями и насилием... не удастся зажать рот рабочим организациям и заглушить подлинный голос рабочих масс".

Прокламация призывает к усилению партийной работы, выдвигая первым условием решительное отмежевание от шовинистических и оппортунистических элементов.

„Настоящая война, вскрывая язвы и противоречия капиталистического строя, в то же

время открывает глаза рабочим на истинное положение вещей. Вызывая небывалый экономический кризис, эта война подкапывается под самые устои буржуазного общества и открывает рабочим новые виды в их борьбе за социализм. Учитывая все условия переживаемого момента, Самарский комитет РСДРП обращается с призывом ко всем партийным работникам и рабочим г. Самары принять деятельное участие в строительстве партийной работы. Необходимо прежде всего решительно отмежеваться от всех шовинистически настроенных либеральных групп и оппортунистических элементов...“

Против большевиков объединились силы и царской власти и либеральной буржуазии.

Самарская либеральная газета „Волжское слово“, ранее щеголявшая своими „честными“ журналистскими традициями, с началом войны не останавливалась перед прямыми доносами. Стоило на заводах и предприятиях Самары появиться прокламации, выпущенной самарской большевистской организацией, как „Волжское слово“ начинало вопить, что, мол, совершенно недопустимо, чтобы в трудные дни, переживаемые родиной, какие-то лихие люди, возможно немецкие агенты, распространяли среди рабочих возмутительного содержания листки.

Несмотря на преследования охранки, доносы и истерические вопли „Волжского слова“ и

„Голоса Самары“, несмотря на непрекращающиеся обыски и аресты, самарская партийная организация, умело пользуясь острейшим оружием—партийной печатью, продолжала свою деятельность, воспитывала рабочих в большевистском духе.

III

САРАТОВСКАЯ „НАША ГАЗЕТА"

бострение противоречий, вызванных войной, сказывалось и в „глухой провинции". Даже в хлебном Саратове цены на предметы первой необходимости возросли в три-четыре раза. Уже чувствовался недостаток хлеба, отсутствие рабочих рук в сельском хозяйстве. Новые и новые мобилизации все больше опустошали волжскую деревню, охватывали все новые слои населения и в городе. В результате поражений на фронте все настойчивее возникал вопрос: для чего приносятся все эти жертвы? До саратовских рабочих стали доходить сообщения о забастовках в Петрограде.

Волна революционного настроения и вынесла на своем гребне легальную большевистскую газету в Саратове. Подпольный партийный комитет выделил редакцию для руководства газетой.

В число членов редакции вошел находившийся тогда в Саратове т. Ольминский, один из активных деятелей „Правды“ 1912—1914 гг. Правдист Ольминский вносил традиции „Правды“ в работу саратовской „Нашей газеты“.

Работники „Нашей газеты“ решили в интересах сохранения газеты подбирать материал таким образом, чтобы цензура не могла очень сильно придираться. Поэтому нужно было поставить дело так, чтобы не одна какая-нибудь статья, а весь номер газеты говорил о ее большевистском направлении. Три статьи для первого номера—две передовицы и третью „Из-за чего шум“—написал т. Ольминский. Кроме того, для номера была составлена местная и иногородняя рабочая хроника, небольшая заметка о росте забастовок за границей во время войны и другие материалы.

Выхода первого номера газеты саратовские большевики ждали с необычайным волнением и нетерпением. По нескольку раз в день забегали они в типографию посмотреть, как идет работа. Наиболее сознательные рабочие Саратова объединялись в легальном большевистском просветительном обществе „Маяк“. Группа рабочих—членов общества—дежурила в типографии до 4 часов ночи, и когда началось, наконец, печатание первого номера, ожидавшие подхватывали

НАША ГАЗЕТА

ВЫХОДИТЪ ПО СУББОТАМЪ.

№ 1.

Суббота, 8-го августа 1915 г.

Подписная цѣна съ доставкой на домъ:
На 1 мѣсяцъ . . . 20 коп.
„ 3 „ . . . 60 „
„ 6 „ . . . 1 р. 20
„ 12 „ . . . 2 „

ОТДѢЛЬНЫЙ НОМЕРЪ 3 КОП.

Объявленія принимаются
Впереди текста 20 коп. за строку петита, позади текста 5 коп. за строку.

Адресъ редакціи и конторы:
Саратовъ, уг. Вольской и Царицынской типографія [illegible]
Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 12—2 ч. дня.
Редакція „ по Вторникамъ и Пятницамъ отъ 12—2 ч. дня.

Слѣдующій №
выйдетъ
15-го августа

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Приступая къ изданію „НАШЕЙ ГАЗЕТЫ", редакція [illegible]

Саратовъ, 8 августа.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Государственная Дума.

[illegible]

Рѣчь Н. С. Чхеидзе

(Засѣданіе 19 іюля)

[illegible]

свежие оттиски, складывали их и, сунув за пазуху, уносили на предприятия.

Первый номер вышел 8 августа 1915 г. Для саратовских большевиков это был знаменательный день: они отлично понимали значение того факта, что в России снова появилась легальная большевистская газета.

„Наша газета“ просуществовала сравнительно не долго. 20 октября 1915 г. вышел последний (10-й) номер ее; она была закрыта царской цензурой. Но и за этот короткий период газета сделала огромное дело.

Достаточно сказать, что тираж газеты с первоначальных 2 тысяч экземпляров к моменту закрытия ее возрос до 10 тысяч.

Газета распространялась не только в Поволжье, но и в ряде других областей страны. Появление ее в свет вызвало поток писем, приветствий, пожеланий успеха, денежных сборов и т. д. В „Нашей газете“ напечатаны многочисленные приветствия рабочих Саратова и других городов.

В 6-м номере от 18 сентября напечатано приветствие из Петрограда:

„Мы, группа столяров и паркетчиков Петрограда, горячо приветствуем „Нашу газету“ и тех товарищей, которые создали в такую трудную минуту необходимый светильник, дабы указать верный путь сбитому с дороги пролета-

риату России. Мы надеемся и глубоко верим, что голос саратовских товарищей услышит весь пролетариат России и поддержит морально и материально „Нашу газету“. С своей стороны мы посылаем в фонд газеты свою лепту 1 р. 60 к.“

Рядом еще приветствие:

„Приветствуем „Нашу газету“ как истинную выразительницу наших чувств и стремлений, стоящую во время всеобщей разрухи на правильном пути. Желая тебе полного успеха, мы прилагаем свою посильную лепту 7 руб. и надеемся, что и остальные товарищи булочники последуют нашему примеру.

Группа сознательных рабочих фабрики Филиппова“.

Сжато и ярко охарактеризовали значение „Нашей газеты“ царицынские рабочие:

„Привет тебе, желанная наша газета! Ты проникаешь во все, даже захолустные места России и будишь в нас заснувшие мысли и чувства.

Привет тебе! Иди смело по широкому и правильному пути. Мы, рабочие г. Царицына, из мастерской Сивякова, шлем посильную лепту 2 руб.“

Группа рабочих и приказчиков города Витебска писала:

„Разразилась война, и не стало рабочей прессы. В ее лице рабочий класс потерял защитника

своих интересов, стойкого борца за правду, свободу мысли и лучшее будущее человечества. Уж много жертв пало в этой борьбе, много их падет еще, но свободное слово задушить невозможно. И вот снова зазвучал этот голос, радостно отозвались ему. Среди темноты и мрака, нас окружающих, он ворвался к нам, как оживляющий луч солнца, и озарил и осветил нашу горемычную, подневольную жизнь... Пусть же мощно и гордо звучит голос правды, пусть ширится и крепнет наша рабочая печать, честно отражающая переживания и чаяния рабочего люда".

Такие приветствия—яркое свидетельство того, что рабочие, воспитанные большевистской печатью 1912—1914 гг., правдистскими газетами, видели продолжение этой печати в „Нашей газете".

Большевики, заброшенные в далекую ссылку, радостно приветствовали появление газеты:

„Политические ссыльные из Нарыма с радостью приветствуют „Нашу газету" как первый орган последовательной демократии (так в легальной печати называли большевиков.—*Н. Б.*) и выражают свою уверенность, что она и впредь будет твердо стоять на страже интересов рабочего класса".

Такое же приветствие прислали и политические ссыльные Астраханской губернии.

„Наша газета“ имела связь и с депутатом-большевиком Мурановым, находившимся в ссылке. В „Почтовом ящике“ 9-го номера редакция сообщала:

„Енисейск. Муранову. Получили. Благодарны. Просим писать. Шлем свой привет“.

Горячее сочувствие встретила газета со стороны своего единственного тогда в России собрата—легального большевистского журнала „Вопросы страхования“. В 7-м номере этого журнала от 31 августа 1915 г. в отделе „Библиография“ появилась заметка:

„Новый демократический орган.

8 августа в Саратове вышел № 1 нового демократического органа „Наша газета“. Во вступительной заметке редакция заявляет, что она предвидит все затруднения, главным образом внешнего характера, связанные с ведением последовательной демократической газеты.

Горячо приветствуем нового собрата и надеемся, что то дружное сотрудничество и поддержка материальной помощью со стороны читателей, на которые рассчитывает редакция, не заставят себя ждать“.

В конце заметки сообщался адрес „Нашей газеты“.

О широких связях „Нашей газеты“ можно судить и по ее „Почтовому ящику“, ответы

в котором адресованы в ряд городов: Одесса (№ 7), Черный Яр, Нижний-Новгород (№ 8), Енисейск, Самара, Геленджик, Петроградцам (№ 9) и т. д.

Требования на газету, возрастая с каждым днем, шли от рабочих групп и отдельных лиц из ряда городов: из Москвы, Петрограда, Одессы, Харькова, Нижнего-Новгорода, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, Астрахани, Самары, Костромы, Ростова-на-Дону, Тифлиса, Ташкента, Екатеринбурга, Енисейска, Минусинска, Иркутска, Казани, Витебска, Могилева, Царицына и др. Список городов очень характерный и совершенно не случайный: саратовскую большевистскую газету читали по всему Поволжью, в крупных рабочих центрах страны, в местах политической ссылки.

Именно на эту поддержку рабочих масс и рассчитывали саратовские большевики, приступая к изданию газеты. Первый номер газеты открывается обращением „От редакции“ к рабочим-читателям поддержать газету своим сотрудничеством и материальными средствами. В этой поддержке редакция видела единственную возможность сохранить газету в условиях свирепствовавшей военной цензуры, единственный источник силы для борьбы против жестоких гонений и преследований рабочей печати царскими властями. Легко убедиться, что в такой

постановке вопроса отразился двухлетний опыт легальной рабочей газеты „Правда“.

Призыв редакции нашел живейший отклик. К концу существования „Нашей газеты“ приток рабочих взносов выразился в такой солидной сумме, что редакция уже могла ставить вопрос о переходе от еженедельного выпуска к ежедневному. Помешали только „внешние обстоятельства“.

Успех и популярность „Нашей газеты“ объясняются тем, что она заняла смелую, боевую позицию, что это была большевистская газета. Она опиралась на опыт масс и их настроение, как учил Ленин.

Через все препятствия дошли статьи ЦО „Социал-демократ“ до саратовских большевиков. К весне 1915 г. ряд таких материалов привез в Саратов М. С. Ольминский. Руководствуясь ленинскими установками, саратовские большевики стремились в своей газете довести до масс основные лозунги партии. За исключением отдельных частностей, объясняющихся тогдашней неизбежной оторванностью от центральных органов партии, саратовской „Нашей газете“ удалось по-большевистски поставить основные вопросы рабочего движения того времени. Легко убедиться в этом, если проследить, как ставились узловые вопросы в ЦО „Социал-демократ“, в статьях Ленина и как эти же вопросы решались саратовской „Нашей газетой“.

В статье „Несколько тезисов“, опубликованной от редакции в „Социал-демократе“ 13 октября 1915 г. и принадлежащей перу Ленина, формулируются тезисы по злободневным вопросам партийной работы, развивавшиеся и в предыдущих номерах ЦО.

Среди этих тезисов встречаем:

„Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну...“

В отношении IV Думы:

„Пока в Государственной думе нет депутатов нашей партии, необходимо использовать все происходящее в Думе с точки зрения революционной социал-демократии“.

Об очередных задачах партийной организации:

„Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и расширение социал-демократической работы в пролетариате, а затем распространение ее на сельский пролетариат, на деревенскую бедноту и на войско.— Важнейшей задачей революционной социал-демократии является—развивать начавшееся стачечное движение, проводя его под лозунгом „трех китов“. В агитации необходимо отводить должное место требованию немедленного прекращения войны“[1].

---

1 *Ленин*, т. XVIII, стр. 311—312.

По всем этим вопросам „Наша газета“ занимала позицию, отвечающую требованиям ЦО.

„Наша газета“ решительно выступила против участия рабочих в военно-промышленных комитетах.

Уже в 1-м номере в статье Ольминского „Из-за чего шум“ военно-промышленные комитеты разоблачаются как организация капиталистов для выколачивания сверхприбылей под прикрытием разговоров о классовом мире на время войны.

В 5-м номере „Наша газета“ в статье „Рабочие и военно-промышленные комитеты“ возвращается к той же теме. Но цензура так зарезала статью, что только сохранившиеся в ней сообщения об отрицательном отношении рабочих ряда городов к военно-промышленным комитетам свидетельствуют о таком же отношении к этому вопросу и „Нашей газеты“.

Зато „Нашей газете“ в 6-м номере удается перепечатать из петроградского журнала „Вопросы страхования“ статью против участия рабочих в военно-промышленных комитетах.

Все происходившее в Государственной думе также освещалось в „Нашей газете“ с точки зрения революционной социал-демократии, как этого требовал Ленин.

„Наша газета“ решительно рассеивала иллюзии, которые пытались создать по поводу Думы

либералы и меньшевики. Газета пользовалась всяким удобным случаем, чтобы напомнить рабочим о депутатах-большевиках, сосланных за борьбу против войны.

Со страниц „Нашей газеты" раздавались призывы к объединению в свои организации. В статьях назывались профессиональные организации. О большем, конечно, прямо нельзя было писать. Но читатель большевистской газеты легко мог прочесть между строк и понять, о какой организации на самом деле идет речь.

Выполняя ленинский тезис об упрочении и расширении социал-демократической работы в пролетариате, „Наша газета" вела прямую пропаганду революции. Применяясь к легальным условиям, „Наша газета" чрезвычайно прозрачно и недвусмысленно намекала на приближение революции. Об этом говорит, например, передовая статья в номере от 19 сентября. Разоблачая истинную цель всероссийских съездов земств и городов, состоявшихся в начале сентября 1915 г., статья показывает, как охвативший буржуазию страх перед демократическим движением превышает страх, который внушала деятельность „лиц, ведущих страну к гибели", т. е. царского правительства.

„Ворожея либерализма Е. Трубецкой, сам участник съезда и ярый защитник поклона направо, очень удачно выявил эту подоплеку съез-

дов в знаменитой статье, озаглавленной „О постановлениях московских съездов“. Захлебываясь от восторга, он писал:

„Тот факт, что столь разнообразные политические группы сошлись в общем обращении, уже сам по себе показывает, что в настоящее время в России нет революции. Если и были за последние дни революционные настроения, то теперь над этими настроениями одержана полная победа. Россия доказала, что она не хочет революции“.

„Комментарии излишни,—заявляет „Наша газета“.—Демократия во главе с рабочим классом и раньше знала контрреволюционную природу нашей буржуазии, теперь она еще более укрепляется в этом убеждении. Но она начинает укрепляться и в том убеждении, что когда буржуазная Россия говорит: „Я не хочу такого-то явления, я борюсь с таким-то явлением, я победила такое-то явление“,—это значит, что явление существует, развивается и вызывает тревогу“.

Эта статья „Нашей газеты“ может служить образцом использования большевиками легальных возможностей. Если бы „Наша газета“ прямо заявила, что в России есть и растет революционное настроение, что Россия идет к революции, то номер конфисковали бы, газету закрыли бы, а редактора посадили бы в тюрьму.

Но газета цитирует заявление буржуазного публициста: „В России нет революции". И к этому только добавляет: если буржуазия говорит нет, это значит—да. И таким образом в легальной форме читателю сказано все, что требовалось.

Отсюда газета переходит к прямой постановке задачи „упрочения и расширения социал-демократической работы в пролетариате".

Через десять дней в передовой от 29 сентября читаем:

„В решительный момент, а он не за горами, пролетариат и демократия свою организованную силу и свои лозунги полного политического раскрепощения России резко и определенно противопоставят всем, как погромным, так и ублюдочно-либеральным начинаниям".

Большую роль сыграла „Наша газета" в развитии стачечного движения. Здесь „Наша газета" выполняла именно ту задачу, которую в тот период, осенью 1915 г., сформулировал Ленин в следующем указании: „...теперь наш немедленный и непосредственный долг поддерживать родившееся брожение и демонстрации, которые *уже* начались" [1].

Цензура не пропускала, разумеется, на страницы легальной газеты прямого призыва к

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 309.

стачкам. Но длинные столбцы хроники, сообщавшей о забастовках, вспыхивавших здесь и там, в столицах—Питере, Москве и в самых различных уголках страны и даже за границей, электризовали читателей, поднимали в них чувство солидарности, толкали к таким же действиям. Рабочие корреспонденции, касавшиеся самых жгучих вопросов того или иного предприятия, занимавшие большое место в каждом номере „Нашей газеты", вызывали в массах большой интерес, фиксировали их внимание на отрицательных сторонах жизни, крепили чувство связи с рабочими других городов, находившимися в таких же скверных условиях, намечали методы борьбы.

Благодаря рабочим корреспонденциям „Наша газета" была тесно связана со всеми крупными предприятиями города и могла широко оповещать рабочие массы о каждой стачке, о каждом шаге борьбы саратовских рабочих и рабочих других городов.

С самого начала газета обратилась к читателям с просьбой поддержать ее своим сотрудничеством. Во 2-м номере (от 18 августа) на первой странице газета публикует обращение „К рабочим хроникерам":

„Обращаемся ко всем рабочим, сочувствующим целям газеты, с горячей просьбой о поддержке ее своим сотрудничеством. Без этих

чрезвычайно ценных сотрудников многие выводы нашей газеты могут оказаться оторванными от живой практики. К вам, рабочим фабрик и заводов, пролетариям прилавка и конторы, несется наша горячая просьба—уделите часть вашего скромного отдыха и ведите летопись вашей мастерской, завода, конторы или магазина, несите через нашу газету всюду свет пролетарского сознания. Описывайте и жизнь ваших организаций (больничной кассы, профессионального союза, кооператива и т. д.), и заводские порядки, и нужды вашей рабочей жизни. Многие из вас излагают свои мысли в форме рассказов, стихотворений—не стесняйтесь, присылайте весь материал. Все, что получится от вас, будет тщательно просмотрено редакцией и в той или иной форме использовано".

Рабочей хронике, письмам с заводов отводились целые столбцы газеты, их печатали всегда на видном месте. Так, уже в 1-м номере мы видим „Местную хронику" на страницах 2, 3 и 4-й. Достаточно перечислить заголовки заметок этого отдела в одном 1-м номере, чтобы убедиться, как широка была связь газеты с рабочей массой Саратова: „На фабрике Штаф", „На фабрике Левковича", „На заводе Беринга", „Завод Ганткэ", „Саратовский трамвай", „Табачная фабрика Левковича", „Экономическое положение типографских рабочих

Саратова", „Паровые мельницы Степанкина, Шмидта, Бореля и Богословского", „Фабрика двигателей „Сотрудник—Беринг", „Фабрика булочных и кондитерских товаров г. Филиппова", „Булочное и кондитерское предприятие Фрей".

К этой „Местной хронике" непосредственно примыкала „Иногородняя рабочая хроника", информировавшая саратовских рабочих о борьбе трудящихся в других городах. Сообщая о том, что в ряде рабочих центров, особенно в столицах, начались забастовки, открытые рабочие выступления, „Наша газета" тем самым призывала саратовских рабочих начинать такую же борьбу. „Наша газета" использовала всякую легальную возможность, чтобы сообщить читателям о событиях, происходивших на предприятиях в столицах. Если цензура не пропускала редакционных статей с объяснением всех этих событий, то она не могла запретить перепечатывать, например, приказы московского и петроградского градоначальников. А в таких приказах, призывавших к „восстановлению порядка", начальству приходилось признавать факты нарушения этого самого „порядка", чем и пользовалась „Наша газета". Вот образец ее „Иногородней рабочей хроники" из № 1:

Петроград. По поводу объявления ген. Рузского „День" замечает: „Из объявления Рузского вся читающая Россия узнала о происхо-

дящих на заводах, занятых изготовлением снарядов, забастовках. Явление, отмеченное в приказе, глубоко серьезное".

Москва. Приказ градоначальника: „Ввиду повторения случаев самовольного оставления рабочими работ на фабриках и заводах, изготовляющих предметы, необходимые для снабжения армии, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства, предлагаю гг. приставам разъяснить рабочим, что подобного рода деяния их ослабляют мощь русской армии и что таковое самовольное оставление работ составляет преступное деяние, предусматриваемое ст. 1, 359-1, 359 Уг. Улож., караемое заключением виновных в тюрьме на время от 4 (месяцев) до 1 года и 4 месяцев..."

Петроград. Градоначальник князь Оболенский, рассмотрев дело о нарушении рабочими завода Эриксон обязательного постановления главного начальника Петроградского военного округа и признав рабочих виновными в том, что, явившись на завод, они фактически к работам не приступили, сделал постановление об арестовании на три месяца этих рабочих в числе 103 человек. Тому же взысканию подвергнуты за тот же проступок девять рабочих Невского судостроительного завода...

Царицын. За губернатора вице-губернатор А. С. Римский-Корсаков на основании обязатель-

ного постановления главноначальствующего губернией подвергнул рабочего лесопильного завода „Максимовского акционерного об-ва" при хуторе Новоникольском Царицынского уезда А. В. Алексеева на 1 месяц аресту за подстрекательство и принуждение путем угроз рабочих завода к оставлению работ с целью добиться увеличения заработной платы".

Здесь же в отделе еще и другие корреспонденции—из Костромы, Рязани, Иваново-Вознесенска—также сообщают о борьбе рабочих за повышение заработной платы в связи с дороговизной, о забастовках и об уступках, на которые вынуждены итти капиталисты перед фактом растущей забастовочной волны.

В результате этой деятельности газеты саратовские рабочие прониклись уверенным и боевым настроением. Рабочие организации стали выступать со своими требованиями, не только экономическими, но и политическими. Так, большевики выработали новый устав биржи труда и повели кампанию за реорганизацию биржи на основе нового устава. Городское самоуправление ответило отказом изменить устав, и рабочие в знак протеста отказались принимать участие в бирже.

Местные заводчики и фабриканты повели поход против газеты, понимая, что она несет с собой угрозу развития забастовок и на их

предприятиях. Их опасения оправдались. Примерно с сентября 1915 г. в Саратове начались забастовки. Кампанию начали швейники. Забастовка швейников сразу охватила почти все швейные предприятия города. Затем выступили пекари, печатники, рабочие костемольного завода, маслобойных, лесопильных заводов. Волновались также и рабочие Саратовского железнодорожного узла, особенно железнодорожных мастерских. Саратовские большевики, используя этот подъем движения, правильно сочетая легальную работу с нелегальной, создав подпольный комитет, руководивший всей этой борьбой, достигли того, что к концу 1915 г. не осталось почти ни одного предприятия, где бы не было партийной ячейки.

Вполне естественно, что по отношению к империалистической войне „Наша газета" заняла совершенно определенную отрицательную позицию. Против войны был направлен ряд ее статей и заметок. Статьи о дороговизне, заметки о забастовочном движении, информация о политической жизни внутри страны и за границей—все это давалось под определенным углом, все говорило против империалистической войны.

Каждое явление общественной жизни того времени находит принципиальную большевистскую оценку в газете, резко расходящуюся с

оценкой, которую пыталась навязать „обществу“ продажная буржуазная печать.

Прекрасно агитировали против войны и „беспристрастные“ цифры, приводимые газетой. В 7-м номере от 29 сентября, в заметке „Цена войны“, приводятся цифровые итоги года войны. Газета сообщает, что военные потери выражаются в сумме 113 360 миллионов рублей и для перевозки всей этой денежной массы по железным дорогам потребовалось бы 3 538 товарных поездов по 40 вагонов в том случае, если бы деньги были в серебряной монете, и 141 поезд по 40 вагонов, если бы они были в золотой. Газета делает вывод:

„Таковы некоторые финансовые итоги года мировой войны. Какими детскими игрушками кажутся все расходы и жертвы прежних войн! Только современное „культурное“ человечество, создавшее свою науку, утонченную буржуазную культуру, смогло кинуть сотни миллиардов рублей и миллионы человеческих жизней в кровавую пасть войны. Только „великий носитель прогресса“, командующий миром капитал, мог в угоду своим интересам—замыслам о мировом владычестве—опустошить огнем и мечом цветущие страны, затопить плодородные равнины, народы превратить в объятых ненавистью и человеконенавистничеством жалких рыцарей насилия“.

Разоблачая бедствия, которые несла с собой война, „Наша газета“ неустанно подчеркивала ее империалистический характер. Такова, например, статья в 3-м номере от 16 августа „Борьба за колонии“. Самый заголовок уже ясно определяет смысл статьи. Автор показывает подлинную цену громким фразам о „защите справедливости“ и тому подобным буржуазным оправданиям войны и предлагает читателю присмотреться к империалистической сущности воюющих государств.

Когда в войну ввязались еще две страны— Италия и Болгария, причем первая из них, связанная союзом с Германией и Австрией, выступила на стороне Антанты (Англия, Франция, Россия), а вторая, славянская страна, т. е. одна из тех, в „защиту“ кого Россия якобы только и пошла воевать, выступила на стороне Германии,—то „Наша газета“ воспользовалась этим для того, чтобы снова подчеркнуть подлинный характер войны. В 9-м номере, в отделе „За границей“ читаем сильно искалеченную цензурой статью „Легенды и действительность (к выступлению Италии и Болгарии)“:

„Война Болгарии... (дальше вычеркнуто цензурой; очевидно, по смыслу здесь должны были быть слова вроде „как и Италии“, но так как Италия оказалась союзником царизма, то о ней писать не разрешили.—*И. Б.*) диктовалась не

какими-то идеалистическими соображениями, а вполне ясными экономическими побуждениями—стремлением к захвату сербской и греческой Македонии, стремлением к усилению территориальному за счет всех балканских стран.

Пролетариат... (опять вычеркнуто цензурой полстроки,—очевидно, слова „Италии и".—*И. Б.*) Болгарии ясно понял эту экономическую сущность выступления обеих стран и занял решительную позицию нейтралитета (неучастия) по отношению к войне".

Дальше до конца (14 строк) вычеркнуто цензурой. Таким образом, газете немедленно заткнули рот, как только она попыталась изобразить роль пролетариата в борьбе против войны. Однако и из того, что удавалось редакции протащить на страницы газеты, из всего ее содержания рабочие получали ясную программу борьбы против империалистической войны, программу революционного выхода из нее. Это было чрезвычайно важно, ибо только большевистская газета так решительно и, как мы видели, так успешно рассеивала тот туман, которым стремилась обволакивать сознание масс вся буржуазная пресса.

„Правительство и буржуазия каждой воюющей страны выкидывают миллионы рублей на книги и газеты, сваливая вину на противника, возбуждая в народе бешеную ненависть к

неприятелю, не останавливаясь ни перед какой ложью, чтобы представить себя в виде „обороняющейся" стороны, которая подверглась несправедливому нападению" [1].

Против этого потока лжи и демагогии смело выступила большевистская газета.

Мы уже отмечали статьи, резко бичевавшие, разоблачавшие и высмеивавшие поведение либералов, расхождение между их словом и делом.

Резко и решительно разоблачила „Наша газета" и ярого оборонца Плеханова с его единомышленниками. Здесь выделяются две статьи: „Новые взгляды" в 6-м номере от 18 сентября и „Самозванные прокуроры" в 9-м номере от 13 октября.

Статья „Новые взгляды" высмеивает шовинистические литературные упражнения редактора журнала „Современный мир" Н. Иорданского и указывает: „Чтобы хорошенько понять новую позицию Плехановых и Алексинских, необходимо внимательно прочитать статью Иорданского—она хороша своей откровенностью".

Надо, однако, отметить, что в этой статье совершенно неправильно говорится, будто меньшевистская фракция Государственной думы резко разошлась с Плехановым. Создается

---

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 182.

впечатление, будто меньшевики в Думе на самом деле не соглашались с оборонцем Плехановым, были левее его; между тем меньшевистская фракция Чхеидзе, как мы видели раньше, только прикрывала позицию Плеханова. Плеханов открыто занял крайний правый фланг социал-шовинизма, а меньшевики с их думской фракцией маскировали свой социал-шовинизм „левыми“ словечками. Расхождения на деле между ними не было.

Вторая статья—„Самозванные прокуроры“ еще резче бичует плехановцев, показывает, как оппортунизм этих бывших социалистов довел их до прямой измены рабочему классу, до предательства и открытых доносов охранному отделению на сознательных рабочих, сохранивших верность пролетарскому интернационализму и борющихся под руководством большевиков против империалистической бойни. Статья была написана по поводу появившегося в буржуазных газетах воззвания за подписью Плеханова и др., направленного против забастовочного движения.

„Не очень давно мы рассказывали,—пишет „Наша газета“,—как министры Шаховской и Щербатов завели речь об излишних арестах рабочих и как охранные отделения ответили, что арестуются будто бы только рабочие, подкупленные германцами. Плеханов и его друзья не говорят прямо того, что ответили

министрам охранные отделения, но они тонко намекают, что германцы „радостно приветствовали бы“, „готовы были бы оказать поддержку“ и т. д...

Уже в письме к Бурьянову Плеханов писал, что „голосование социал-демократической фракции, согласно с всегдашней ее тактикой, было бы изменой по отношению к народу“. А теперь авторы воззвания с Плехановым во главе пишут, что всякое „вспышкопускательство“ „по своему значению равнялось бы измене“. Такого толкования понятия измены до сих пор, кажется, ни в одной стране не делали правительственные прокуроры. И в новом понимании „измены“ заключается все то смелое и новое, что сумели сказать самозванные прокуроры, подписавшие воззвание“.

Выступая так резко и правильно против плехановцев, „Наша газета“, однако, слабее боролась против позиции меньшевиков—депутатов Государственной думы и против меньшевистской печати. Лишь в одной статье „Нашей газеты“ осуждалось выступление меньшевика—депутата Государственной думы по вопросу о расстреле рабочих в Костроме. Обычно же „Наша газета“ молчала о предательстве меньшевиков. Это было недостатком „Нашей газеты“, и в этом ее позиция не была похожа на позицию ЦО „Социал-демократ“,

боровшегося со взглядами меньшевистской „Нашей зари", показывавшего, что позиция „Нашей зари" на деле ничем не отличается от позиции Плеханова, что она только маскируется громкими фразами. Борьба с „Нашей зарей" была необходима, ибо последняя своей предательской и раскольнической политикой наносила ущерб рабочему классу, его единству в революционной борьбе.

Ленин писал в те дни:

„Кто же не знает теперь, после года войны, что действительной бедой для социализма явилось *повторение и поддержка* лжи капиталистов не только капиталистической печатью (на то она и капиталистическая, чтобы повторять ложь капиталистов), но и большей частью социалистической печати?"[1]

Мы видели, как Ленин в единственной появившейся в легальном журнале „Вопросы страхования" статье прямо и ясно разоблачил ликвидаторов и петроградскую ликвидаторскую газету. Такое же решительное разоблачение ликвидаторских газет и проповедуемых в них взглядов было прямой обязанностью каждого органа большевистской печати. Отсутствие такой борьбы было ошибкой со стороны „Нашей газеты".

[1] *Ленин,* т. XVIII, стр. 298.

* * *

Внимание полиции было привлечено к саратовской „Нашей газете“ задолго до появления в свет ее первого номера.

Еще в марте 1915 г. Саратовское жандармское управление получает сведения о том, что „организовавшийся марксистский кружок, чтобы завязать связи с рабочими и скорее объединить их, начал изыскивать средства для издания в Саратове рабочей газеты“. Затем жандармскому управлению становится известным, кто намечается для работы в редакции газеты. Уже с 3-го номера полицейская атмосфера стала сгущаться вокруг газеты: появились шпики около типографии, цензор все свирепее кромсал гранки.

После выхода 3-го номера охранка сообщила, что „Наша газета“ „с первого же номера явно стремится к возбуждению рабочих не только против правительства, но и вообще против состоятельных классов“. Сообразив, что „возбуждение рабочих к состоятельным и правящим классам в настоящее время в особенности является опасным“, начальник охранки докладывает саратовскому губернатору о „вредном направлении“ „Нашей газеты“.

12 сентября начальник Саратовского жандармского управления представляет губернатору

записку, в которой указывает, что 4 и 5-й номера „Нашей газеты“ „продолжают носить характер, явно угрожающий общественной безопасности и порядку“. Нарисовав картину того, как газета стремится возбудить население против правительства, рабочих против хозяев, жандарм останавливается в заключение на особенно страшном для него „преступлении“ газеты:

„Наконец, в № 4 как бы проглядывает призыв к уличным демонстрациям (заключительные строки передовой статьи). В общем „Наша газета“ стремится к объединению и сорганизованию местных рабочих на почве политических социал-демократических тенденций, несомненно, для предстоящих выступлений этих рабочих, что в данное время является особенно нежелательным“.

С этого момента репрессии еще более усиливаются. 7-й номер „Нашей газеты“ от 30 сентября был конфискован. Против ответственного редактора возбуждено было судебное преследование.

Для газеты наступили самые тяжелые дни. Цензура беспощадно режет статьи и корреспонденции. Так, в 8-м номере от статьи „Финансовая операция“ остался один заголовок. Весь текст с начала до конца вычеркнут. На странице—белое пятно. В корреспонденции из

Самары остался лишь заголовок „Самара“ и подпись автора. Между заголовком и подписью— сплошное белое пятно. Большие цензурные выкидки сделаны и в других статьях.

После конфискации 7-го номера жандармское управление требует от губернатора закрытия „Нашей газеты“. 15 октября по постановлению судебной палаты выход газеты был приостановлен. Последний (10-й) номер ее также был конфискован.

Преследованиям полиции подвергались не только газета и ее редакционные работники, но и те, кто только писал в этот „легальный“ орган. Самый факт посылки статьи в рабочую газету уже рассматривался как преступление, охранка перехватывала статьи, адресованные в редакцию, и привлекала авторов их к ответу.

Департамент полиции разослал специальный циркуляр начальникам жандармских управлений:

„В последнее время было несколько случаев задержания военной цензурой статей и заметок противоправительственного и революционного содержания, адресованных в редакции газет, издающихся хотя легальным порядком, но по направлению своему являющихся органами социалистических партий, в целях напечатания этих статей в газетах указанного направления. По докладу о сем г. товарищу мини-

стра внутренних дел сенатору Белецкому его превосходительство изволил отдать распоряжение, чтобы по получении от военной цензуры подобных документов были приняты меры к выяснению авторов последних, которые, по установке личностей, должны быть привлечены к перепискам в порядке положения о государственной охране как лица, принадлежащие к революционным партиям".

Циркуляр этот был издан в результате задержания ряда статей, адресованных в саратовскую „Нашу газету".

Так, вычеркиванием статей, конфискацией номеров, судебным преследованием редакторов, преследованием за посылку письма в редакцию боролись царские власти против большевистской печати.

Закрытие „Нашей газеты" нашло отзвук в петроградском журнале „Текстильщик". Во 2—3-м номере журнала, датированном февралем—мартом 1916 г., помещено было стихотворение:

Эпитафия

(Памяти „Нашей газеты")

В начале августа родилась,
С трудом два месяца жила,
На третьем вдруг к ней смерть явилась
И в гроб насильно увела.

Хотя не много погостила
Она в поволжских городах,

Но луч надежды заронила
В рабочих пламенных сердцах.

И этот светлый луч надежды
В сердцах рабочих не умрет.
Назад идут одни невежды,
Волгарь же наш пойдет вперед...

Саратовские большевики, в то время когда выходила „Наша газета“, сочетали легальные формы печати с нелегальными. Наряду с газетой выпускались подпольные листовки и воззвания, направленные против войны, и т. д.

После закрытия „Нашей газеты“ саратовская большевистская организация делала попытки наладить новое издание легальной газеты. Но охранка зорко следила за тем, чтобы большевистская газета больше не появлялась здесь. Вот как рисуют полицейские донесения эти попытки возобновить газету.

В марте 1916 г. саратовский губернатор выдал разрешение на издание нового органа— „Поволжье“. По поводу этого разрешения жандармское управление сообщало департаменту полиции, что „Поволжье“ будет издаваться при ближайшем участии прежних редакторов „Нашей газеты“.

Вскоре после этого, в апреле 1916 г., работники редакции „Нашей газеты“ были высланы из Саратова, а предполагавшаяся новая газета так и не смогла выйти.

„Наша газета“ сыграла крупную роль. Боевой язык „Нашей газеты“, ее прямой, смелый тон будили массы, вселяли в них бодрость, уверенность в победе рабочего дела. Несмотря на войну, несмотря на разгул реакции, царской цензуры, „Наша газета“, как и все остальные органы большевистской печати, всем своим содержанием громко заявляла:

Партия живет, партия борется! Партия приведет рабочий класс и трудящиеся массы России к победе, к революции!

IV

„ПРИКУБАНСКИЕ СТЕПИ"
В ЕКАТЕРИНОДАРЕ

вухнедельный журнал „Прикубанские степи" выходил на Кубани, в городе Екатеринодаре (нынешний Краснодар) в 1916 г., т. е. в период, когда, по определению Ленина, революционный кризис в России был уже налицо. Первый номер вышел в декабре 1915 г.

Издание это, сброшированное тетрадкой в 16 страничек, не было журналом в строгом смысле этого слова. Мы находим в нем богатую хронику, информацию о рабочем движении в стране, типично газетные статьи и передовицы.

Первый и второй номера были выпущены беспартийным еще тогда, но близким к большевикам рабочим Сединым; затем журнал перешел к большевикам. Екатеринодарские большевики в борьбе за легальную базу, на которой они могли бы развивать свою работу, отвоевали у

меньшевиков общегородскую больничную кассу. Органом этой больничной кассы и стал журнал „Прикубанские степи“ с третьего номера. Издателем продолжал оставаться Седин, но фактически журнал был большевистским.

Богатая рабочая хроника, масса приветствий, денежные сборы на журнал, поступавшие от рабочих, показывают, как тесно он был связан с рабочими. Правда, мы находим в нем мало статей, которые бы достаточно основательно развивали большевистские лозунги. Причиной этому был не только гнет цензуры, хотя, конечно, это играло чрезвычайно большую роль, особенно в провинции, на Кубани. Сказывалась и отдаленность от столицы, от крупных рабочих центров.

Первые номера журнала, в которых были допущены ошибки, случайно попали к М. С. Ольминскому. В связи с этим он послал письмо в редакцию, а также статью. И то и другое было напечатано. Касаясь впоследствии этого своего участия в журнале, М. С. Ольминский рассказал как об ошибках „Прикубанских степей“, так и об основной причине, вызвавшей их:

„Что касается „Прикубанских степей“, я встретил там передовицу совсем небольшевистскую... причина одна—оторванность захолустья от центров“.

Статьи, содержавшие ошибки меньшевистского характера, были напечатаны в 1 и 2-м номерах журнала. Письмо т. Ольминского было получено уже большевистской редакцией и, разумеется, немедленно было помещено.

В 1916 г. обострились противоречия, вызванные войной. Развал промышленности, упадок сельского хозяйства, транспортный кризис и, как следствие всего этого, голод всей тяжестью обрушились на рабочих и крестьян. Революционное возмущение охватывало массы. Пришлось и меньшевикам заговорить о мерах борьбы с претерпеваемыми бедствиями. Но меньшевики и здесь плелись за либеральной буржуазной прессой, поддерживали притязания буржуазии на власть. На это и указал Ольминский в своем письме:

„В №№ 1 и 2 вашего журнала напечатаны статьи Валентина С.[1] о продовольственном вопросе. Грустно было читать эти статьи в рабочем журнале. Автор повторяет в них то, что писалось в изданиях буржуазных, да и это повторяет с опозданием, когда даже буржуазные газеты, которые поприличнее, пошли дальше.

---

[1] Валентин С. был сотрудником самарской меньшевистской газеты. Когда он прислал свои статьи в екатеринодарский журнал, там, как видно, сразу не разобрались и, обрадовавшись новой „литературной силе", поспешили их напечатать.—*П. Б.*

Например, разве хоть бы одна серьезная, даже буржуазная газета станет теперь уверять, будто дороговизна происходит только от „бессистемного управления и хаотического состояния нашего рынка“ или только от „расстройства транспорта и безумной спекуляции“? Ведь и сам Валентин С., цитируя буржуазные газеты, говорит против себя. Оказывается, например, что в Саратовской губернии, всегда раньше вывозившей хлеб, теперь хлеба нехватает. Почему? Вероятно, потому же, почему его нет и в другом месте, на которое указывает Валентин С.: „Нет совершенно рабочих, поля без призора, некому сеять“.

Прямой недостаток продуктов признается и более серьезной буржуазной печатью. Какой же следует вывод? Ясно, что только один: сделать, чтобы поля не остались без призора, чтобы было кому сеять. Этого вывода, конечно, не делает либеральная печать,—и это понятно. Но что в рабочей газете за либеральной печатью следуют даже и в этом вопросе—это очень грустно и недопустимо.

Вместо возвращения „призора полям“ Валентин С. агитирует за кооперативы и продовольственные рабочие комитеты, которые будто бы смогут разрешить продовольственный вопрос. Самодеятельность масс—хорошая вещь. Более того: она первое дело. Но не нужно

обманывать массы, призывая их к делу явно безнадежному, так как никакие комитеты не добудут хлеба, когда „поля без призора“ и „некому сеять“...

В призыве „сделать, чтобы поля не оставались без призора“, т. Ольминский четко сформулировал лозунг прекращения империалистической войны, возвращения солдат с фронта.

Письмо помещено было в 5-м номере журнала „Прикубанские степи“ 7 февраля 1916 г. Этим редакция не только показала свое искреннее намерение повести журнал по выдержанной большевистской линии, но и повела принципиальную острую полемику против меньшевиков.

Екатеринодарская большевистская организация также настояла на том, чтобы журналу был придан более решительный, большевистский тон.

В частности интересно отметить, что требование более решительной линии журнала предъявлялось членами партии тогдашнему председателю городской больничной кассы, органом которой являлись „Прикубанские степи“.

Примером большевистской постановки вопросов может служить появившаяся в журнале статья „Возвращение крепостного права“, также принадлежащая перу М. С. Ольминского. Она чрезвычайно интересна и по взятой теме и по смелому, боевому тону, в каком разоблачались

развивавшийся процесс закрепощения трудящихся, расширявшееся применение принудительного труда, деятельность военно-промышленных комитетов и „рабочей“ группы в Петроградском военно-промышленном комитете. Ленин по другому поводу отмечал, что вопрос о возрождении крепостного права подмечен и поднят партийными литераторами правильно и своевременно. Большие, сложные вопросы были изложены Ольминским в сжатой форме, ясной и доступной широкому кругу читателей.

„Наше время трудно было бы назвать иначе, как эпохой возрождения крепостного права. Подневольный труд применяется все шире, а труд вольнонаемный,—действительно вольнонаемный,—пока еще оставлен только на долю женщин, стариков и подростков. Но процесс закрепощения, раз начавшись, не может, конечно, остановиться...

Принудительный труд вместо вольнонаемного был первоначально, осенью 1915 г., введен в Германии. И наша либеральная печать справедливо называла это нововведение возрождением крепостничества.

Но вслед за этим думский кадетско-черносотенный блок вынес резолюцию по продовольственному вопросу и в этой резолюции проектировал передачу в полное распоряжение помещичьих земств рабочих дружин,

военнопленных и солдат для обработки помещичьих полей.

Вслед затем в „Русских ведомостях“ Петр Струве выступил с проектом милитаризации всей России, т. е. обращения всей страны в сплошное аракчеевское поселение. Проект Струве находится в полном соответствии с продовольственной резолюцией думского блока. И „Русские ведомости“ вполне присоединились в этом отношении к проекту Струве.

После этого вопрос обсуждался в продовольственной комиссии „рабочей“ группы Петроградского военно-промышленного комитета. Эта группа, как известно, задалась целью привлечь пролетариат к политике кадетско-черносотенного блока. И вот она, в соответствии с проектами блока и Петра Струве, вынесла резолюцию, требующую „всестороннего вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны“.

Таким образом, борьба за возрождение крепостного права началась по всей линии, от черносотенцев, входящих в думский блок, вплоть до петроградской (т. е. меньшевистской.—*П. Б.*) группы военно-промышленного комитета.

Было бы грубой ошибкой думать, что либеральные проекты возрождения крепостного права вызваны только войной,—и аракчеевщина, если она войдет в жизнь, будет отменена по заключении мира. Нет, господствующие классы

никогда и нигде не отказывались добровольно от своих приобретений"[1].

Закрепостить русских рабочих, превратить их в военных рабов предложил русскому царю приехавший весной 1916 г. в Россию лидер II Интернационала Альбер Тома, заявивший председателю совета министров Б. Штюрмеру:

„Заводы ваши работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих".

Большевики боролись против закрепощения рабочих, разоблачая меньшевиков, и здесь помогавших капиталистам. Поэтому статья „Возвращение крепостного права", появившаяся в легальном рабочем издании, имела очень важное злободневное значение.

Между большевиками и меньшевиками в Екатеринодаре в этот период шла борьба за руководство в единственной сохранившейся легальной организации—больничной кассе.

Большевики с успехом вытеснили меньшевиков из правления общегородской больничной кассы, которое руководило отдельными больничными кассами на предприятиях. Тогда меньшевики повели агитацию против объединения

---

[1] Журнал „Прикубанские степи" № 5 от 7 февраля 1916 г.

больничных касс в общегородском масштабе, пытались разукрупнить больничные кассы по отдельным предприятиям, надеясь таким путем проникнуть в правления хотя бы отдельных касс. Большевики предлагали и добились того, что больничные кассы были объединены под одним общим руководством. Это позволило большевикам получить легальную базу, пользуясь которой они могли повести работу на всех предприятиях Екатеринодара.

В ряде статей журнал „Прикубанские степи“, подобно „Вопросам страхования“, вел агитацию за объединение больничных касс в общегородскую. В этой борьбе против меньшевиков—противников общегородской больничной кассы журнал оказал партийной организации большую помощь. В этом организационном вопросе он правильно выполнил свою роль, помог победе большевиков.

Большое место в журнале занимал отдел рабочей хроники. Маленькие, незначительные на первый взгляд, информационные заметки на самом деле имели очень большое значение благодаря правильному выбору тематики и настоящей большевистской постановке конкретных, практических вопросов рабочей жизни и рабочего движения.

Заслугой журнала была его ясно выраженная противовоенная установка. Журнал не

отделывался общими фразами на тему о нежелательности войны и желательности мира—он организовывал массы на борьбу против войны. Достигал этого журнал своими многочисленными заметками о забастовочном движении. Из номера в номер печатались сообщения о всех забастовках, происходивших в Екатеринодаре, прежде всего на наиболее крупных предприятиях, которые работали на оборону.

Не имея никакой возможности из-за цензурного гнета открыто выражать свое сочувствие и поддержку забастовок, журнал достаточно ясно проявлял это свое сочувствие уже одним тем фактом, что вел подробную хронику забастовок. Такие сообщения о забастовках читались на других предприятиях, и не только в Екатеринодаре, но и в ряде других городов; они подавали пример, под их влиянием росло забастовочное движение в разных пунктах страны.

Благодаря „Прикубанским степям" рабочие различных предприятий города узнали о возникновении стачки на местном заводе Быковского в январе 1916 г., на деревообделочном—в феврале, на чугунолитейном—в марте, на механическом—в апреле-мае и т. д. В августе журнал сообщил уже о стачке, вспыхнувшей на заводе „Кубаноль", работавшем на оборону.

Значение этой хроники в тот момент, когда вся печать, в том числе и либеральная, не только

под влиянием цензуры, но и добровольно замалчивала такие факты, трудно преувеличить.

Известен факт возникновения стачки на рудниках в городе Александрово-Грушевске (нынешний город Шахты), явившейся откликом на стачки в Екатеринодаре, о которых шахтеры узнали из журнала „Прикубанские степи". Несомненно, что такую же агитационную и организационную роль играла эта хроника и всюду на предприятиях и в рабочих районах, куда попадал журнал. Журнал сплачивал рабочие массы, начинавшие все более энергично бороться против войны.

Именно за это рабочие—читатели журнала горячо его поддерживали. Сознательная и энергичная поддержка рабочими линии большевиков исключительно четко и ясно выражена в приветствии рабочих завода „Кубаноль" журналу в День печати, 22 апреля (5 мая по новому стилю). В этом приветствии рабочие пишут:

„Мы, рабочие завода „Кубаноль", обсудив 22 апреля, в День рабочей печати, положение нашей рабочей прессы, вынесли следующую резолюцию. В переживаемое нами исключительное время, когда вся Европа объята кровавым пожаром братоубийственной войны, когда вся буржуазная печать заражена шовинизмом, разлагающе действующим на умы всего населения, и пытается затемнить классовое

самосознание рабочего класса, когда всякое общественное начинание встречает подчас непреодолимые препятствия, когда пролетариат лишен возможности открыто и свободно высказаться по волнующим все человечество вопросам и определить свое отношение к ним, мы с особенной энергией приветствуем существование своей рабочей печати. Считая рабочую прессу единственной и последовательной выразительницей взглядов широких пролетарских масс России, стоящей все время на классовой позиции, установленной Интернационалом, желаем, чтобы наша рабочая печать росла и крепла на благо всего рабочего класса. Собранные в День рабочей печати 70 р. 99 к. постановили передать в фонд журнала „Прикубанские степи".

Мы видим, таким образом, что стачка рабочих завода „Кубаноль", о которой упоминалось выше, была вполне сознательно организованным актом борьбы рабочих против войны под руководством единственного своего вождя—большевистской партии. В борьбе екатеринодарских большевиков против войны немалую роль сыграл рабочий журнал „Прикубанские степи".

Распространение и сфера влияния „Прикубанских степей", как всякого большевистского органа печати того времени, не ограничивались одним городом. Через екатеринодарскую больничную кассу журнал высылался в Донбасс,

Ростов-на-Дону, на Терек (Владикавказ, Грозный), в Баку.

В журнале мы находим корреспонденции и письма из Новороссийска, Армавира, Ростова-на-Дону, Никитовки (Донбасс), Пятигорска, Баку, Киева, с нефтяных промыслов ст. Апшеронской, близ Майкопа; приветствия журналу из Туапсе, с Чусовского завода Пермской губернии, из Царицына, из Москвы.

В одном из приветствий читаем:

„Правление общества студентов Московского университета по устройству столовой в День рабочей печати приветствует молодой рабочий журнал „Прикубанские степи“ и шлет в его фонд 12 р. 50 к.“.

В „Почтовом ящике“ журнала находим ответы, адресованные в Донбасс, Нарым и т. д. Тираж журнала с нескольких сот экземпляров вырос до нескольких тысяч.

После февраля 1917 г. журнал переименован был в „Прикубанскую правду“ и стал выходить в виде газеты. Организатор и издатель журнала т. Седин вступил в большевистскую партию.

В 1918 г., во время гражданской войны, т. Седин пал в боях с белыми.

V

ЖУРНАЛ

„ГОЛОС ПЕЧАТНОГО ТРУДА“

осле закрытия саратовской „Нашей газеты“ часть ее близких сотрудников перебралась в Москву. Здесь, как вспоминает М. С. Ольминский, образовалась большевистская литературная группа. Отдельными лицами из этой группы редактировался журнал „Голос печатного труда“. Издавался он профессиональным обществом рабочих печатного труда Московского промышленного района.

Всего вышло три номера: 15 ноября, 23 декабря 1916 г. и 30 января 1917 г. Но подготовка к выпуску журнала началась значительно раньше. 13 июля 1916 г. начальник московского охранного отделения в своей записке в департамент полиции сообщил, что общество рабочих печатного труда будет издавать журнал „Голос печатного труда“. Заявление о

выдаче разрешения на этот журнал было подано московскому градоначальнику.

Провокатор, втершийся в союз печатников, держал охранку в курсе подготовки журнала. Еще 23 июня начальник охранного отделения уже сообщал о намерениях редакционной комиссии этого журнала. По сведениям охранки, в редакционную комиссию вошли И. И. Скворцов и другие большевики. Меньшевики из профессионального союза печатников попытались заставить журнал отказаться от „фракционности", т. е. от большевистского направления. Но попытка эта провалилась — журнал принял определенно большевистский характер.

Охранка еще до выхода журнала предприняла свои меры борьбы против него. В июне наиболее активных и опасных, по мнению охранки, руководителей журнала стали арестовывать. Арестован был и намечавшийся подставной редактор. 13 сентября начальник охранного отделения доносил департаменту полиции, что журнал снова задержится выходом из-за отсутствия редактора. Таким образом, аресты производились с определенным расчетом сорвать выход журнала, несмотря на данное официальное разрешение.

Следила охранка и за авторами журнала. Уже в августе она начала получать через провокатора копии поступавших в редакцию статей. При

Изд. годъ 1-й. Цѣна № 15 к.

ГОЛОСЪ ПЕЧАТНАГО ТРУДА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

1 г.	6 м.	3 м.	1 м.
5 р.	3 р.	1 р. 50 к.	50 к.

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца

№ 2.

23-го декабря 1916 года.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА:
Москва, Варварка, Кривой пер., д. 7, кв. 11. Телеф. 2-37-17.
Редакція для личныхъ объясненій открыта по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 7—9 ч. в.
Принятыя рукописи въ случаѣ надобности подлежатъ измѣненію. Мелкія рукописи обратно не возвращаются.

Что будетъ?

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ рабочей жизни является то, что корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей" (отъ 19 ноября) назвалъ „возрожденіемъ крѣпостного права въ Германіи". Это—введеніе „всеобщей рабочей повинности" и „обязательная организація всего производства".

Весь трудъ рабочихъ-мужчинъ въ Германіи отнынѣ объявляется государственной повинностью. Государственная власть распредѣляетъ рабочихъ по промышленнымъ предпріятіямъ. Хозяева положенія могутъ отрывать рабочаго отъ семьи, отъ дома, отъ привычной профессіи и переводить, куда захотятъ.

Вслѣдъ за Германіей, по словамъ того же корреспондента „Р. Вѣд.", возникаютъ подобные проекты и въ Италіи и во Франціи. Повсемѣстное распространеніе принудительнаго труда становится фактомъ.

Но ничто не возникаетъ въ общественной жизни внезапно.

„Вольнонаемный трудъ" былъ неразрывно связанъ съ „свободной конкурренціей". Пока многіе сравнительно не крупные хозяева соперничали между собою и въ наймѣ рабочихъ, и въ продажѣ товара, до тѣхъ поръ рабочій могъ „свободно" (подъ давленіемъ голода) выбирать себѣ хозяина.

Но конкурренція между хозяевами приводила къ тому, что предпріятія становились все крупнѣе, а число предпріятій все меньше. Облегчалось соглашеніе между хозяевами о порядкѣ эксплоатаціи рабочей силы. Дальше самыя крупныя предпріятія объединялись въ союзы (картели, синдикаты, тресты) и въ производствѣ отдѣльныхъ отраслей установилась монополія.

Сначала—черные списки, разсылаемые хозяевами другъ къ другу, а затѣмъ—монополіи уже привели къ тому, что и прежняя „свобода" рабочаго, свобода выбирать хозяина, стала призрачной.

Между тѣмъ группы капиталистовъ, монопольно хозяйничавшихъ каждая въ своей странѣ, пришли къ острому конфликту между собою. Въ этомъ конфликтѣ онѣ использовали старинные предразсудки, чтобы усилить и укрѣпить тѣ зачатки но-

этом провокатор раскрывал охранке псевдонимы. Так, он указал, например, что доставленная им в охранку статья „К работницам“ за подписью „Знак“ принадлежит И. Скворцову. Несмотря на все предупредительные меры и целую сеть провокаций, которая плелась вокруг журнала, он все же вышел в свет. О борьбе полиции против журнала редакция сообщила читателям уже в первом номере:

„Выпуская в свет № 1 „Голоса печатного труда“, редакция считает своим долгом сказать, что вопреки желаниям и усилиям редакции относительно выпуска журнала в августе, как это предполагалось, по независящим от редакции обстоятельствам, вследствие ареста редактора, журнал не мог выйти своевременно“.

Тут же редакция обращается к рабочим с просьбой о моральной и материальной поддержке, указывая, что журнал может существовать только при поддержке самих рабочих.

Любопытно, какие рабочие корреспонденции интересуют журнал. Призывая доставлять сведения с предприятий для отдела хроники, редакция перечисляет вопросы: об ухудшении условий труда, об увольнениях, о понижении заработной платы и т. д. Редакция просит присылать также и статьи, не стесняясь изложением и размером.

Редакция в специальной статье „О целях и задачах нашего журнала“ подчеркнула, что издание это должно разоблачить попытки социал-шовинистов обмануть массы, попытки выдавать свою лакейскую службу царизму за якобы пролетарскую политику. Журнал вскрывает подлинную физиономию социал-шовинистов, этих, по выражению статьи, „патентованных „спасителей отечества“, мнящих себя „вождями“ рабочей демократии и готовых своей шовинистической шумихой заглушить голос подлинного рабочего движения“.

Большевикам удалось выпустить свой орган только под видом профессионального журнала, но уже в первом номере (в цитированной выше статье) ясно указывается, что редакция отнюдь не намерена замыкаться в узкие рамки специально профсоюзных вопросов: „Являясь органом профессиональным, призванным обслуживать интересы пролетариев печатного труда, наш журнал не может в то же время обходить и коренных вопросов, выдвинутых на очередь современной мировой войной. Наоборот, помочь разобраться в этих новых и важных вопросах, попытаться выяснить причины современной экономической и социальной разрухи, определить линию поведения рабочей демократии—такова одна из главных задач нашего журнала“.

Смысл этого редакционного заявления ясен:

„Голос печатного труда“ выступал в роли политического органа.

Задачи, которые ставил перед собой журнал, уже известны нам по другим большевистским изданиям. Прежде всего, это—разоблачение империалистической войны, организация масс. Интересно, что вопросу о попытках „закрепощения“ рабочих под предлогом работы на оборону, особенно остро вставшему в конце 1916 г., в журнале посвящены две статьи. В этих статьях представляет для нас специальный интерес разоблачение позиции буржуазной печати и резкая критика, направленная против социал-шовинистов.

„В середине ноября,—читаем мы в статье „Борьба за крепостное право“,—т. е. меньше двух месяцев назад, заговорили о введении „всеобщей рабочей повинности“ и об „обязательной организации всего производства“ в одном из европейских государств (речь идет о Германии.—*И. Б.*). Русская либеральная газета тотчас окрестила это нововведение „возрождением крепостного права“. Мы поспешили согласиться в этом случае с либералами.

— Да,—сказали и мы,—это именно возрождение крепостного права...

Итак, либеральная печать, в лице „Русских ведомостей“, первая окрестила обязательную организацию производства крепостным правом,

Но не прошло и месяца, как с таким же крепостническим проектом выступил либеральный блок в Государственной думе (см. № 2 „Голос печатного труда“, статью „Либеральный блок и рабочий вопрос“). „Русским ведомостям“ пришлось повернуть фронт.

В номере от 19 ноября эта газета называла принудительную организацию производства возрождением крепостного права; другие либеральные газеты на все лады твердили, что это возрождение доказывает полное истощение страны, в которой прибегли к нему, что эта страна, по выражению Родзянко, собирает „последние угасающие силы“. А в номере от 30 декабря „Русские ведомости“ уже приветствуют идею П. Струве о „всесторонней и последовательной организации народного хозяйства“, то есть приветствуют собирание „угасающих сил“, агитируют за „возрождение крепостного права“. Как быстро идут наши либералы навстречу заветным мечтам тех, кого они так недавно называли зубрами! Как легко и властно овладевает умами либералов дух Аракчеева...“

После этого разоблачения либеральной газеты журнал „Голос печатного труда“ раскрывает подлинную позицию и социал-шовинистов, прихвостней буржуазии:

„Струве не одинок в своих аракчеевских планах; он лишь развил те мысли, которые

уже были высказаны в резолюции думского блока по продовольственному вопросу. Не только блок, не только Струве и „Русские ведомости“, но и все те, кто с ним, все эти кадеты, октябристы и националисты и все их прихвостни— Алексинские, Потресовы, Масловы, Гвоздевы и Черегородцевы, все, кто зовет нас поддерживать либералов в их борьбе за власть,—все они тем самым зовут к возрождению крепостного права и аракчеевщины, одни бессознательно, другие сознательно“.

Вторая статья на эту же тему „Еще о закрепощении“, не ограничиваясь разоблачением лживой буржуазной прессы, также беспощадно бичует меньшевистскую газету, которая откровенно превратилась в подголосок „Русских ведомостей“:

„...Либеральные проповедники аракчеевщины нашли себе подголосков в лице гвоздевцев. „Продовольственная комиссия“ гучковско-гвоздевской организации опубликовала в своей газете взгляд гвоздевцев на аракчеевщину. Подобно „Русским ведомостям“, эта газета называет, когда речь идет не о России, организацию принудительного труда закрепощением и вслед затем проповедует это самое закрепощение“.

Решительно выступил журнал и против меньшевистской фракции Государственной думы. В той же статье мы читаем:

„Резолюция гучково-гвоздевцев, как сказано в их газете, выработана при участии члена Государственной думы из фракции Чхеидзе— М. И. Скобелева. До сих пор сторонники этой фракции уверяли, что она не имеет ничего общего с гучково-гвоздевцами. Как же попал в их компанию Скобелев? Об его участии в совещании, проповедующем аракчеевщину, сообщено в номере гвоздевской газеты от 22 декабря. Почему Скобелев до сих пор не опроверг этого сообщения, если оно не верно? Почему молчат другие члены фракции Чхеидзе? Или и они записались в гвоздевцы и вступили на путь проповеди аракчеевских поселений?“

Журнал занял решительную позицию в борьбе против социал-шовинистов всех мастей—от откровенных оборонцев плехановского толка до компании Чхеидзе, прикрывавшей свое предательство фальшивыми громкими фразами.

Редакция „Голоса печатного труда“ стремилась привлечь рабочих к активному участию в журнале, теснее связаться с читательской массой. Так, например, в приписке, сделанной „От редакции“ к цитированной статье, содержится просьба к читателям „высказать свое мнение по поводу проектов либерального блока и группы Военно-промышленного комитета о принудительной организации труда... Письма и резолюции будут по возможности напечатаны“.

Характерно, что в рецензии на большевистский сборник „Под старым знаменем“, в котором участвовали М. Ольминский и др., журнал отмечает как недостаток этой книги то, что авторы не использовали тех возможностей, какие им представлялись в области полемики с социал-шовинизмом и „центром“, т. е. фракцией Чхеидзе и К⁰.

Из других материалов журнала „Голос печатного труда“ отметим статью, в которой разоблачалась попытка министерства внутренних дел создать специальную полицейскую газету для агитации за войну. Акционерами этой газеты согласились стать крупнейшие капиталисты— владельцы предприятий, „работавших“ на оборону, нажившиеся на войне. На газету не жалели денег, и на эти деньги уже нашли „писателей“—„идейных“ сторонников „войны до победы“. В статье „Интересное разоблачение“ дана яркая картина нравов буржуазной прессы:

„Наше время богато всякими разоблачениями. Среди них заслуживают внимания и те факты, которые опубликованы 28 ноября министром внутренних дел Протопоповым.

Давно говорят о газете, предположенной Протопоповым минувшим летом. Писали, что на это дело крупнейшими банками и промышленными фирмами собрано 5 миллионов рублей и что на эти деньги польстились некоторые

писатели, принадлежавшие ранее к либеральному и к демократическому лагерю, как Леонид Андреев, Тан и другие.

О писателях этих говорить много не стоит. Интереснее то, что рассказывает министр о направлении своей газеты и о ее хозяевах.

„Я пригласил,—говорил Протопопов,—группу из писателей прогрессивного направления, заведомых сторонников доведения войны до единственно возможного для России конца—победоносного“.

Что же касается акций новой газеты, то они „размещены между различными торгово-промышленными предприятиями, громадное большинство которых работает целиком на оборону“.

Заслуживает внимания это появление предприятий, работающих целиком на оборону, в роли хозяев газеты, в которой литераторы являются сторонниками доведения войны „до победного конца“.

Далее Протопопов перечисляет предприятия, которые внесли деньги на газету и стали ее хозяевами. В числе этих предприятий: Коломенский машиностроительный завод, Сормовский, Русский судостроительный, Гартман, Никополь-Марпупольский, Тульский патронный, Белорецкий, Русский паровозостроительный, Николаевский, Франко-русский, Нобель, Айваз, Кениг, Пастуховский, Шодуар, Петроградский металли-

ческий, Салолин, Саломас, Союз сибирских кооперативных ассоциаций и многие другие крупнейшие капиталистические предприятия!..“

Фальшивым призывам продажной буржуазной прессы к „победоносной“ войне большевистский журнал „Голос печатного труда“ противопоставил прямое и смелое разоблачение империалистической войны, мобилизовавшее массы на превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Журнал „Голос печатного труда“ популяризовал среди читателей большевистский орган „Вопросы страхования“. Журнал был связан с провинцией. На его страницах мы находим, как и во всех большевистских органах того времени, информацию из разных концов страны. Так, в первом номере, кроме ряда заметок с московских полиграфических предприятий, помещены под рубрикой „Провинция“ также корреспонденции из Иркутска, Киева, Красноярска, Баку. Ответы „Почтового ящика“ уже в первом номере адресованы в Юзовку (Донбасс), Челябинск, Екатеринбург (нынешний Свердловск), Иркутск, Петроград, Саратов, Витебск и др.

Большевистский журнал был радостно встречен рабочим читателем. Уже в первом номере был опубликован отчет о сборах на журнал: поступили денежные сборы от 14 типографий, а также от ряда отдельных товарищей. Эти

сборы были произведены еще до начала выхода журнала. Во втором номере опубликован был следующий отчет о сборах в фонд журнала: поступили деньги по 11 групповым сборам, а также от отдельных лиц. В этом же номере были напечатаны и приветствия рабочих своему журналу. Поддержка читателей позволила журналу продержаться фактически до падения царизма: последний, третий, номер вышел меньше чем за месяц до февральских событий.

VI

КИНЕШЕМСКИЙ ЖУРНАЛ „НАШЕ СЛОВО"

24 января 1917 г. в Кинешме вышел первый номер большевистского журнала „Наше слово".

Кинешма—небольшой город в промышленном районе Костромской губернии, один из тех провинциальных городов, куда в то время попадали большевики в результате репрессий—высылки—и где они развертывали свою работу.

Так и кинешемский журнал возник усилиями группы приезжих и местных большевиков, искавших наряду с проводимой ими нелегальной работой легальных возможностей для своего революционного дела. В качестве такой легальной базы они использовали союз кооперативов Кинешемского района. В конце 1916 г. должность секретаря этого союза занял большевик. Закрепившись здесь, большевики стали налаживать связи с окрестными фабриками. Наконец, встала задача закрепить и распространить установившиеся связи на весь Кинешемский район.

Появилась мысль издавать печатный орган. А для того чтобы сделать орган легальным, наметили вести его под кооперативным флагом, под видом журнала Кинешемского союза кооперативов.

С самого начала кинешемские большевики решили тесно связать издание своего журнала с центральным органом партии. Они обратились в петроградскую организацию с просьбой прислать товарища для инструктирования. Из Петрограда прислан был работник журнала „Вопросы страхования". В небольшой комнате секретаря союза кооперативов, которая являлась штабом местных большевиков, состоялась встреча организаторов кинешемского журнала с представителем „Вопросов страхования". В беседе с ним кинешемские большевики узнали и о всех столичных и заграничных новостях, о партийной работе в Питере и Москве. Узнали от него и о статьях Владимира Ильича Ленина, которых товарищи, оторванные от руководящих центров, еще не читали.

Ознакомившись, таким образом, с материалами ЦО „Социал-демократ", с ленинскими установками о тактике большевиков, кинешемские товарищи уточнили программу журнала. Решено было привлечь к руководству журналом работников старой „Правды", находившихся на свободе, сотрудников „Вопросов страхования". Это решение затем было осуществлено журна-

лом „Наше слово“. Таким образом, мы и здесь встречаем непосредственное участие правдистов в издании большевистского органа.

Наладить выпуск журнала в уездном городе, в котором по существу даже отсутствовала необходимая для такого дела полиграфическая база, было нелегко. Много хлопот было и с бумагой, и с типографией, и с организацией конторы журнала. Однако кинешемские большевики использовали союз кооперативов для устранения препятствий материального порядка. Союз отпустил необходимые средства из культурно-просветительного фонда. Затем было выхлопотано разрешение полиции на кооперативный журнал, был подыскан за вознаграждение редактор, согласный на заведомую отсидку.

Примерно за месяц рабочие районы были оповещены о скором выходе журнала рабочей кооперации. Объявление об участии правдистов в качестве постоянных сотрудников говорило о направлении журнала. Рабочие приветствовали его большевистский характер. Быстро росла подписка. Начали также поступать корреспонденции. Это облегчило выпуск первого номера. Исключительную энергию при выпуске журнала проявил наборщик Симановский, впоследствии вступивший в Красную Армию и павший при подавлении ярославского мятежа. Набор и печатание первого номера производились с таким

расчетом, чтобы предупредить возможную гибель журнала еще до его рождения. Для этого он в основном был уже набран к моменту получения разрешения полиции, и кинешемские большевики решили в одну ночь отпечатать, сброшировать и разнести журнал по квартирам. Местная типография не была приспособлена к этому. Пришлось мобилизовать силы большевистской группы. Добровольцы—члены группы—вращали колесо печатной машины, складывали и брошировали номер и т. д. Работа шла всю ночь и все утро. По мере выпуска журнал отдельными партиями разносился в разные места. Экспедиция была заранее налажена, и с вечерним поездом первый номер большевистского „Нашего слова" разошелся по России.

Журнал стал выходить накануне революции, в раскаленной атмосфере. О подъеме революционного движения кинешемское „Наше слово" уже могло говорить довольно открыто. В первом номере в статье „Итоги" находим прямое заявление: „Существенным результатом подъема рабочего движения явилась самоорганизация рабочей массы на почве идейной, профессиональной и кооперативной".

Статья приветствует большевистский журнал „Вопросы страхования", подчеркивая, что он является руководящим правдистским органом в стране:

„Прежде всего должно быть отмечено постепенное возрождение рабочей печати. В этом отношении 1916 год был, несомненно, годом перелома к лучшему.

Возобновил свой регулярный выход после вынужденного прекращения журнал „Вопросы страхования“, вот уже пятый год стойко держащий знамя неурезанных лозунгов рабочего движения и по мере возможности чутко реагирующий на все явления текущей жизни; вокруг этого журнала попрежнему группируется большинство сознательного пролетариата России“.

Передовая статья первого номера намечала программу журнала. Первые слова статьи направлены против войны. Как во всех большевистских органах, борьба против войны непосредственно связывается с революционной борьбой против господствующего строя, ибо, как заявляет статья, „старый порядок добровольно не откажется от имеющейся в его руках власти“.

Выходя под легальным кооперативным флагом, журнал начинает с обещания бороться за интересы рабочего потребителя, рабочей кооперации. Тут же развиваются большевистские взгляды на рабочую кооперацию: кооперативное движение должно находиться в тесном единении с общим рабочим движением, а потому журнал обещает „в области рабочей политики остаться верным старому пролетарскому знамени, на

котором начертаны три основных кита“—т. е. неурезанные большевистские лозунги.

В первом же номере „Наше слово“, следуя традициям большевистской печати, определяет свою классовую позицию и подчеркивает задачу самой тесной связи с массами:

„Рабочий журнал только тогда становится таковым, когда встречает *деятельную и дружную как материальную, так и моральную поддержку со стороны самих рабочих.* Прошли те патриархальные времена, когда „писатель пописывал, а читатель почитывал“. Теперь успех каждого органа печати находится в прямой зависимости от той поддержки, какая оказывается ему тем классом, интересы которого он защищает. Вот почему только при *самодеятельности* самих рабочих возможно существование пролетарской прессы. Вот почему мы не хотим организовывать рабочий журнал „сверху“, „для рабочих“,—наше единодушное желание создать его „снизу“, дабы он явился детищем самих рабочих“.

Намечается и линия журнала: „Прежде всего, в основу своей программы мы кладем все постановления большинства рабочего класса, как целого“ [1].

---

[1] Под этой терминологией тогда в подцензурной печати подразумевалась партия большевиков и решения ее руководящих органов.—*И. Б.*

„Страницы нашего журнала открыты для пролетариата всей России, и от развития самодеятельности того или иного района будет зависеть степень участия в нем отдельных местностей страны...“

Обращение к читателям заканчивается призывом присылать корреспонденции с мест, организовывать коллективную подписку, устраивать сборы и в своих резолюциях определять отношение к журналу.

Журнал „Наше слово“ дополнял подпольную революционную деятельность кинешемских большевиков.

Как и другие большевистские органы, „Наше слово“, преодолевая цензурные рогатки, сообщало в отделе рабочей хроники о забастовках, выступлениях рабочих. Приводимые ниже заметки являются типичными для журнала:

„На фабрике „Ветка“ близ Кинешмы 3 января с 12 часов дня остановились работы. Рабочие „катали“ в тачке директора фабрики, предварительно накрыв его рогожей. Говорят, тачка является открытием самого директора.

В предъявленных требованиях рабочие выставили, кроме увольнения директора, который грубо обращается с рабочими и штрафует за самые пустые провинности,—отпуск матерей к грудным детям и другие, закончив требованием заводского комитета.

С такими же требованиями обратились к дирекции и рабочие фабрики наследников Севрюгова, прекратив работы“ [1].

„*Иваново-Вознесенск. Фабрика Бурылина.* Служащие обратились к владельцу, прося увеличить жалованье, на что он ответил следующее: что этот вопрос он передаст на рассмотрение фабрикантов и заводчиков, так как он не имеет права без постановления фабрикантов прибавлять жалованье. Интересно узнать, а увольнять, сбавлять и т. д. имеет он право или нет?“ [2]

Журнал выходил в текстильном районе, где работало много женщин. В связи с приближением Международного женского дня журнал уделил большое внимание положению женщины-работницы, работе среди женщин. Так, во втором номере, в заметке „Международный женский день и рабочие организации“ сообщается:

„Профессиональные союзы и больничные кассы многих городов принимают в настоящее время ряд мер к тому, чтобы так или иначе отметить международный праздник работниц“.

Дальше „Наше слово“ указывает, что „ряд профессиональных и кооперативных журналов к женскому дню выпускает специальные номера“. В числе таких журналов отмечены: „Во-

---

[1] „Наше слово“ № 1.
[2] „Наше слово“ № 2.

просы страхования“ (Петроград), „Голос печатного труда“ (Москва), „Прикубанские степи“ (Екатеринодар). Эта подробность подчеркивает связь между отдельными органами большевистской печати в стране.

№ 4—5 „Нашего слова“, вышедший 19 февраля 1917 г., открывается передовой статьей „День работниц“.

„Наше слово“ обратилось в этой статье к женщинам-работницам крупного текстильного района с призывом сплотиться вокруг неурезанных лозунгов партии.

Перед лицом надвинувшейся катастрофы царские власти еще больше усиливают борьбу с рабочим движением, обрушивают ряд новых репрессий на легальные рабочие организации, прежде всего на рабочую печать.

В этой обстановке „Нашему слову“ приходится свою борьбу против империалистической войны вести не столько прямыми призывами и лозунгами, сколько путем показа условий, в которые поставлен рабочий класс, показа того, что принесла война рабочим, с одной стороны, и капиталистам—с другой.

Отталкиваясь от конкретной злобы дня, статьи „Нашего слова“ подводят рабочего читателя к большевистским лозунгам, к разоблачению социал-шовинизма. Так, в статье „Либералы и рабочие“ (№ 4—5) показано, что рабочие и в

Петрограде и в Москве решительно высказались против участия в военно-промышленных комитетах; „рабочая группа“ Петроградского военно-промышленного комитета характеризуется в статье как „организация, способствовавшая проведению буржуазного влияния на пролетариат“.

Из факта преследования царизмом и ареста даже такой „рабочей группы“ журнал делает вывод о неправильности политики (как известно, меньшевистской) урезывания своих лозунгов ради сохранения легальности „во что бы то ни стало“.

„Последние дни группы,—пишет „Наше слово“,—показывают, что никакое урезывание рабочими своих лозунгов, никакое приспособление их под буржуазную окраску не может дать им той сравнительной „неприкосновенности личности“, какой пользуются деятели из буржуазной среды“.

Для рабочих, как указывает статья, только один путь борьбы: сочетание нелегальной работы с такими легальными формами, которые помогают доводить до массы неурезанные лозунги. Всякое урезывание лозунгов означает, по выражению „Нашего слова“, „подчинение самостоятельной политики рабочего класса буржуазным целям“.

Так, уже накануне революции, когда перед падением царизма темные тучи реакции еще

больше сгустились, легальный большевистский журнал доводил до рабочей массы большевистские принципы, сплачивая рабочих вокруг большевистского знамени.

Журнал, разоблачая буржуазную печать, зло высмеивает ее в фельетоне в стихах:

ТРИО

„Биржевка“

„Обладание Царьградом глубочайшим образом пересоздаст нашу внутреннюю и внешнюю жизнь“ („Биржевые ведомости“ от 1 января 1917 г.)

Кто это там кричит „ура“
Так лихо, молодецки?
Из „Биржевых“ профессора
Берут Стамбул турецкий.

„Русское слово“

„Мы будем ждать спокойно и уверенно слова Государственной думы“. („Русское слово“ от 1 января 1917 г.)

Сама судьба ему дала
Долготерпение вола.
Его стегают чем попало,
А он мычит, что очень мало.

„Речь“

„Политическим центром страны остается Государственная дума“.

А за волом
Идет шажком
Свой тост изречь
Газета „Речь“.

* * *

„Наше слово“ уже с первого номера вышло за пределы Кинешемского района. В „Почтовом ящике“ журнала находим ответы, адресованные в Каменское Екатеринославской губернии, в Нижний-Новгород, латышским рабочим Ревеля. В хронике помещаются корреспонденции из Иваново-Вознесенска, Рыбинска. В списке организаций, от которых поступили денежные сборы на журнал, фигурирует московская фабрика „Гном“.

Царские власти обрушились на журнал с репрессиями. Формальный редактор был арестован, вернее, была разыграна комедия с его арестом, ибо, как впоследствии оказалось, это был провокатор. Охранка, арестуя его, надеялась внести дезорганизацию в редакцию. Действительно, в таком маленьком городке нелегко было быстро найти другого согласного на отсидку редактора. Однако полиция, готовившая очередные репрессии, не успела прихлопнуть журнал. Подоспела Февральская буржуазно-демократическая революция, и первый манифест партии большевиков был напечатан в экстренном выпуске „Нашего слова“.

VII

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

Прокламации. — Резолюции совещания кавказской организации. — „Голос социал-демократа“ в Харькове. — Екатеринославская газета „Звезда“. — „Правда труда“ в Донбассе. — „Товарищ пролетария“ в Иркутске.

Мы разобрали более крупные органы большевистской печати, выходившие внутри страны в годы империалистической войны. Однако этими изданиями далеко не исчерпывалась партийная печать.

С первых дней войны большевики в ряде мест—на Кавказе, на Украине и т. д.—выступили с листовками и прокламациями.

20–21 июля выпустила прокламацию против войны бакинская организация; в момент мобилизации—екатеринославская; 19 июля—костромская; в двадцатых числах июля — киевская; 23 июля — харьковская, а также уральская группы [1].

[1] Прокламации приведены в книге „Памятники агитационной литературы РСДРП“, т. VI, вып. I, 1922 г.

В одном из документов царской полиции, безуспешно пытавшейся искоренить революционные организации, сообщалось о том, что „ленинцы, приобревшие доминирующее значение в партии, имеющие за собой преобладающее большинство подпольных социал-демократических организаций, выпустили с начала войны в наиболее крупных своих центрах (Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губерния, Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики, причем работа ленинцев имела осязательным результатом устройство рабочими забастовок и беспорядков“.

Отзыв охранки отнюдь не преувеличивал размаха партийной работы внутри страны. И, как видим, одним из сильнейших средств этой работы была партийная печать.

Несомненно, большевистские листовки и прокламации были распространенным явлением, однако материалов об этом собрано еще мало.

Если недостаточно собрано материалов о большевистской литературе 1914—1917 гг. на русском языке, то еще хуже обстоит дело с собиранием и изучением большевистских изданий на национальных языках. В предисловии к первому выпуску VI тома „Памятников агита-

циопной литературы РСДРП" редакция этого сборника прямо заявляет, что ею не включено довольно большое количество „иноязычных социал-демократических прокламаций"—армянские, белорусские, грузинские, еврейские, латышские, литовские, польские, татарские, украинские, эстонские—из-за отсутствия специалистов-переводчиков. Довод, конечно, малоубедительный.

Богатый опыт создания партийной печати имели кавказские большевики. Первые большевистские газеты на Кавказе возникли под непосредственным руководством товарища Сталина. Так, например, „Бакинский рабочий", ныне орган ЦК и БК КП(б) Азербайджана, впервые вышел в 1906 г. нелегально; в 1908 г. газета издавалась легально под руководством товарища Сталина, но вскоре была закрыта. С апреля 1917 г. выход „Бакинского рабочего" возобновился.

Используя накопленный опыт, большевики Закавказья развили значительную издательскую деятельность в годы империалистической войны. Ленин в реферате на тему „Пролетариат и война" специально отметил выпущенный кавказской организацией нелегальный антивоенный листок.

В июне 1914 г. преобладающая роль в руководстве бакинской организацией перешла к большевикам. Во второй половине июля издана была прокламация против войны. 22 июля, как

доносил начальник бакинского жандармского отделения, из окна проходившего воинского поезда было выброшено несколько экземпляров этой прокламации. Прокламация является одной из первых по времени, провозгласившей лозунг „долой войну“. Большевики заявляли в ней, что царское правительство предает честь и счастье родины, ввергая страну в империалистическую бойню, несущую нищету и разорение крестьянским и рабочим массам.

„Не честь и счастье родины нужно русскому правительству. Ему нужно патриотическим угаром и громом пушек оглушить сознание народа и кровью, пролитой на поле битвы, затушить требования революционного народа.

Нет, правительство не обманет больше народа! Он ради своего счастья, ради своей свободы грозно и единодушно заявит:

„Долой войну!..

Долой войну во имя существования наших жен и детей!

Долой войну, лишающую нас мирного труда!

Долой войну во имя международного братства народных масс!“

В Тифлисе антивоенные листки выпускались группой большевиков во главе с Алешей Джапаридзе. Листовки появлялись на всем протяжении войны.

13 ноября 1915 г. в казарму рабочих нефтяного

промысла Апшеронского нефтяного общества в Балаханах была подброшена прокламация на 4 полулистах под заглавием „Резолюции совещания кавказской организации РСДРП“. „Содержание прокламации,—отмечается в жандармском донесении,—в общих чертах заключается в прекращении войны“. В жандармском документе речь идет о резолюциях совещания закавказских большевистских организаций, происходившего в Баку в октябре 1915 г. и сыгравшего роль партийной конференции. Резолюции составил Степан Шаумян, руководивший совещанием. Отметим содержащееся в резолюции по организационному вопросу указание на то, что загнанным в подполье сознательным рабочим во многих местах удавалось выпускать нелегальные листовки. Резолюция „О национальном вопросе“, формулируя взгляды большевиков, подчеркнула необходимость изучения работ Ленина и Сталина.

„Мы рекомендуем всем членам партии, прежде всего, более широкое ознакомление с имеющейся партийной литературой по национальному вопросу (брошюра И. Сталина „О праве на самоопределение наций“, статьи Ленина—в номерах „Просвещения“ и др.)“.

Распространенные в виде прокламаций резолюции совещания довели до масс рабочих Кавказа боевые большевистские лозунги. Резолю-

ции были широко распространены и за пределами Кавказа. Так, в одном из жандармских документов от 10 декабря 1915 г. сообщается о распространении в Петрограде резолюций совещания закавказских большевиков.

Очень интересна прокламация Кавказского бюро РСДРП по поводу разоблачения гнезда измены в военном министерстве. Прокламация дышит той подлинной любовью к родине, которая присуща только трудовому народу. Сообщая о том, что царское правительство „готовило измену родному народу“, что „в военном министерстве свила прочное гнездо измена“, прокламация напоминает, как царское правительство пыталось объявить изменниками рабочих депутатов Государственной думы. Прокламация с гневной иронией приводит слова царского прокурора на суде над депутатами-большевиками:

„Когда нас спросит солдат-герой, вернувшийся с войны, где люди, желавшие нанести нам удар в спину,—говорил прокурор на суде над нашими товарищами социал-демократическими депутатами,—мы им ответим: „Их нет среди нас“.

Какой иронией звучат эти слова!..

Дело Мясоедова показало, где нужно их искать. Нет изменников среди русского народа, нет желающих нанести удар солдатам в спину... Таких нет в среде русского народа. Они там,

наверху, среди правительства, в министерстве, в блестящих золотом салонах...

В ответ на гнусную измену русского правительства русский пролетариат провозгласит старые революционные лозунги и под ними пойдет на новый бой с правительством палачей и предателей".

Кавказские большевики уделяли большое внимание постановке подпольной типографии. Нелегально были отпечатаны специальные подписные листы Кавказского бюро большевиков для сбора денег на организацию тайной типографии. Подпольная типография была налажена, и в ней печатались важнейшие партийные документы, первомайские прокламации, манифест Циммервальдской левой и т. д.

ЦО „Социал-демократ" писал о работе большевиков Кавказа:

„Такие крупные промышленные центры, как Баку и Грозный, находятся под гегемонией почти исключительно большевистского течения. В Тифлисе и в нескольких других пунктах большевики пользуются немалым влиянием. Оборудованы нелегальные типографии. Печатаются листки и воззвания" [1].

Проводилась работа и на Украине.

В 48-м номере ЦО „Социал-демократ" от

---

[1] „Социал-демократ" № 5 за 1916 г.

20 ноября 1915 г. напечатано письмо из Харькова, сообщающее о том, что местные большевики в самом начале войны выпустили воззвание к запасным.

Автор письма указывает, что в Харькове были распространены в значительном количестве воззвания к солдатам с призывом к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В этой же корреспонденции отмечено выступление одного оратора-большевика на массовке в лесу близ Харькова, указавшего, что „при соответствующих условиях и мы признаем войну", и по-большевистски объяснившего эти условия. Любопытен факт, отмеченный в корреспонденции: харьковские попы, напуганные эффектом, произведенным этими листками, отпечатали в ответ свои „прокламации"—„К христолюбивому русскому народу".

28—30 ноября 1914 г. в разных местах Харькова, преимущественно около лазаретов и в местах сбора солдат, было обнаружено свыше 100 большевистских прокламаций. По сведениям охранки, в одном из пехотных полков распространял прокламацию вольноопределяющийся. Одна из прокламаций, адресованная непосредственно к солдатам, говорила им: „Пусть они (солдаты.—*П. Б.*) знают, что сражаются не за родину, не за свои семьи, а ради благосостояния кучки богачей, помещиков и их слуг—прави-

тельства, ради увеличения их капиталов... Пусть русский солдат знает, что, надев шинель и положив ружье на плечи, он остается все тем же крестьянином и рабочим... Близко то время, когда он должен наставить свои ружья на того, кто посылает его".

Харьковские большевики выпустили также две прокламации в связи с арестом и судом над большевиками—депутатами Государственной думы. Первая прокламация содержит призыв ответить на арест народных представителей забастовкой протеста, которая должна быть сигналом близкого наступления второй русской революции.

В другой прокламации, выпущенной ко дню суда над депутатами-большевиками, наряду с призывом к харьковскому пролетариату выступить с протестом против суда содержится разоблачение буржуазной прессы, ее прислужничества царизму.

К 1 января 1916 г. в Харькове была издана прокламация, которая, вкратце останавливаясь на событиях Кровавого воскресенья, в основной части говорила о тогдашней злобе дня, звала к революции и прекращению империалистической войны.

Харьковским большевикам удалось выпустить и нелегальную газету „Голос социал-демократа". Письмо харьковской организации в бюро Центрального комитета РСДРП (большевиков),

относящееся к концу 1916 г., рисует картину создания этой газеты. Письмо сообщает о том, что с сентября 1916 г. среди членов организации возникла мысль об издании нелегальной газеты. На массовках начали собирать деньги в фонд газеты, и 12 ноября 1916 г. харьковская организация смогла выпустить первый номер газеты „Голос социал-демократа". Ее намечалось издавать еженедельно.

Нелегальные большевистские листки выпускались в Харькове типографским способом. Однако сложная техника подпольных типографий быстро вела к провалам, разгрому организации. Ввиду этого харьковские большевики решили перейти к более простой и удобной в тех условиях технике. Номер „Голоса социал-демократа" был отпечатан на гектографе.

На первой странице напечатаны строфы боевого пролетарского гимна „Интернационал", заканчивалась она призывом: „Товарищи! Укрепляйте свою партию! Поддерживайте нелегальную газету!"

В упомянутом письме в бюро ЦК РСДРП (большевиков) указывалось, что харьковская организация довольно регулярно получала партийную литературу: ЦО „Социал-демократ" был получен по 52-й номер. Харьковские большевики распространяли не только самый „Социал-демократ" с ленинскими статьями в нем,

но и перепечатали в своей газете важнейший материал из 40-го номера ЦО—резолюции по злободневному вопросу о войне, обеспечив, таким образом, массовое распространение большевистских лозунгов среди рабочих. Резолюции заняли всю вторую страницу четырехполосного номера газеты.

На третьей странице напечатана была статья „О массовой политической стачке". Напомнив о депутатах-большевиках, сосланных за Полярный круг, о том, что пролетариат России „не имеет абсолютно никаких прав", автор подчеркивал, что именно в момент острого международного кризиса „русскому рабочему классу необходимо выступить в роли активного и, как всегда, передового, подсказывающего участника событий". Для этого статья призывала широко развивать стачечное движение, которое после накопления в нем достаточной революционной силы перейдет в открытое восстание.

Как видим, эта статья касалась весьма актуальной темы. Значение всеобщей политической забастовки в ней также правильно сформулировано. Забастовочное движение в стране в тот период быстро росло. В противовес меньшевикам, яростно выступавшим против забастовки, большевики видели в общей политической забастовке величайшую школу пролетарской революции и незаменимое средство мобилизации и организа-

ции широчайших масс пролетариата накануне штурма твердынь капитализма.

В „Голосе социал-демократа“ опубликован был „Отчет харьковской организации РСДРП с 1 июня по 1 ноября“. В графе „приход“ перечислены 10 кружков, из которых поступили членские взносы; в другой графе мы находим расходы на письменные принадлежности, гектографическую массу (два раза), бумагу и на пособия арестованным товарищам. Графа „приход“ говорит о существовании ряда партийных организаций в Харькове, связанных с общегородским партийным комитетом. Статьи расхода подчеркивают, какое большое место в работе партийной организации занимала нелегальная издательская деятельность.

Последняя страница газеты отведена статье на актуальную в то время тему: „Дороговизна и заработная плата“. Статья энергично разоблачает лицемерие капиталистов, которые, грабя народ, встречали всякую попытку рабочих улучшить свое положение провокаторскими криками „об измене родине“. Из статьи читателю становится ясным, что именно капиталисты, в напряженных условиях войны заботившиеся только о выколачивании баснословных сверхприбылей, были подлинными изменниками родине.

Таково содержание харьковской большевистской газеты. Она несла в массы ленинское

слово, она развивала программу практических действий, призывая к организации стачек, четко формулируя цель борьбы—превращение империалистической войны в гражданскую.

Издательскую деятельность развили большевики и в Екатеринославе. В 1914 г., после объявления войны, екатеринославские большевики решили издавать газету. Собственными усилиями изготовили печатный станок, добыли валик и шрифт из местной железнодорожной типографии и выпустили в небольшом количестве один номер нелегальной газеты „Звезда“, посвященный выяснению большевистской позиции в вопросе о войне. Дальнейшее издание газеты было прекращено из-за полицейской слежки за домом, где находилась подпольная типография. Однако екатеринославские большевики продолжают издание боевых листовок. Отметим, например, прокламацию, изданную незадолго до февраля 1917 г., в которой прямо заявляется о том, что пролетариат поднял знамя второй русской революции и „уже бурлит и волнуется народное море—от берегов Балтийского до Черного моря и от Тихого океана до Северного Ледовитого океана“.

В тот же период была выпущена в Екатеринославе листовка к солдатам, против войны. Разоблачая обман буржуазных газет, листовка рисовала подлинное положение вещей. „Това-

рищи солдаты! — призывала листовка. — Мы не должны верить лживой буржуазной прессе... Мы обязаны положить конец этой ужасной резне, повернуть наши винтовки против наших настоящих врагов—царей и капиталистов". Прокламация зовет „поднять знамя революции" и заканчивается лозунгом: „Да здравствует социализм!"

Какое значение придавала печати местная организация, видно из материалов Екатеринославской большевистской конференции, состоявшейся в начале ноября 1916 г. Конференция в числе других вопросов уделила много внимания необходимости развивать нелегальную печать, а также мерам борьбы против ликвидаторской прессы.

В Донбассе вышли два номера нелегальной большевистской газеты „Правда труда". Само название подчеркивало преемственность, продолжение линии „Правды". Газета печаталась на гектографе, выходила, согласно подзаголовку, как издание Донецкого коллектива РСДРП, как орган революционного пролетариата Донецкого бассейна.

В передовой первого номера, вышедшего в июле 1916 г., редакция подчеркивает свою задачу— говорить правду о происходящих событиях, правильно информировать читателей, ибо буржуазная пресса лжет и искажает действительность.

В дни войны,—указывается в «Правде труда",—русская пресса торгует словом, русская

пресса, забыв стыд и совесть, продалась романовской монархии. А чего нельзя было купить, то задавили. Задушили большевистскую печать. Зато царизм допускает писания социал-шовинистов, которые предали знамя пролетарской солидарности. „Именно поэтому, несмотря на всю тяжесть задачи, свободное пролетарское слово должно звучать победно, смело и решительно вскрывать ложь и фальшь апостолов буржуазного строя и указывать пролетариату его действительные идеалы и пути. Красное знамя революционного международного социализма должно быть развернуто во всю ширь, наши лозунги должны звучать громко и ясно“.

Лозунгами текущего момента нашего органа, заявляет передовая статья, будут лозунги Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, выставленные в № 47 газеты „Социал-демократ“. Здесь имелась в виду статья Ленина „Несколько тезисов“, которая и была приведена в том же номере „Правды труда“. И опять мы видим, что нелегальная большевистская газета подхватывает, перепечатывает на своих страницах, широко распространяет в массах ленинские лозунги.

В самостоятельных статьях „Правда труда“ также развивает лозунги ЦО „Социал-демократ“. Так, в том же первом номере напечатаны

Пролетарии всѣх стран - соединяйтесь!

ПРАВДА ТРУДА

№ июль 1916.

Изданіе Донецкаго Коллектива Росс. С-Д.Р.П

Орган революціоннаго пролетаріата Донецкаго бассейна.

Наши задачи.

Свободное слово загнано в подполье. И это в то время, когда в странѣ, задыхающейся в тисках безправія и произвола, слышны лишь выкрики буржуазных газет, когда вся россійская печать торгует словом, проводя в народныя массы идеи воинствующаго патріотизма и хамства. Как и россійская интеллигенція, позорно измѣнившая своим былым идеалам, россійская печать, забыв стыд и совѣсть продалась Романовской монархіи. А что нельзя было купить, то заросило

Попытки возсозданія рабочей печати встрѣчается с неслыханными жестокостями, с разгромами редакцій и даже частных типографій. Царизм допускает лишь патріотическіе писанія Плехановых, Потресовых и прочих ренегатов, промѣнявших знамя пролетарской международности на чечевичную похлебку патріотизма. Но именно поэтому несмотря на всю тяжесть задачи, свободное пролетарское слово должно в пос , смѣло и рѣшительно вскрывать ложь и фальш столоб буржуазнаго строя и указывать пролетаріату его дѣйствительные идеалы и пути. Красное знамя революціоннаго международнаго соціализма должно быть развернуто во всю ширь, наши лозунги должны звучать громко и ясно..

Наш орган, сознавая величайшую важность настоящаго момента в процессѣ осознанія пролетарскими массами происходящих кошмарных событій, будет неуклонно проводить идеи Циммервальдской международной соціалистической конференціи. Лозунгами текущего момента нашего органа будут лозунги Центральнаго Комитета Росс. С-Д.Р.П, выставленные в №47 газеты „Соціал-Демократ".

1) Лозунг „Учредител. Собранія", как самостоятельный лозунг, невѣрен, ибо весь вопрос ТЕПЕРЬ в том, кто созовет его. Либералы принимали этот лозунг в 1905 г., ибо его можно было толковать в смыслѣ созваннаго царем и соглашающагося с ним собранія. Правильнѣе всего лозунги „трех китов" — демократическая республика, конфискация помѣщичьей земли и 8-ми часовый рабочій день с добавленіем призыва к международной солидарности рабочих в борьбѣ за соціализм, за революціонное свержение воюющих правительств и против войны.

2) Мы против участія в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакціонную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участіе на первой стадіи выборов ТОЛЬКО в агитаціонных и организаціонных цѣлях. — О бойкотѣ Гос. Думы не может быть и рѣчи. Участіе перевыборах БЕЗУСЛОВНО НЕОБХОДИ- Пока в Гос. Думѣ нѣт депутатов нашей ...и, необходимо использовать все происходящее в Думѣ, с точки зрѣнія революціонной соціал-демократіи.

3) Самыми очередными и насущными задачами мы считаем упрочение и рас

статьи „Правда войны“ и „Годовщина позора“ (о Государственной думе), популяризующие взгляды партии по этим вопросам. Передовая статья во втором номере „Наши силы и их организация“ предлагает „немедленно приступить к организации революционных ячеек на отдельных рудниках и шахтах“, а также к осуществлению „ближайшей задачи—созыва районной конференции уже существующих донецких рабочих организаций“.

В „Правде труда“ (№ 2) мы находим и подробное сообщение о Циммервальдской и Кинтальской конференциях.

„Кинтальская конференция вполне определенно наметила средства, которыми может быть достигнуто требование прекращения войны. Пролетариат воюющих стран располагает двумя безусловно верными и мощными средствами: это—всеобщая забастовка рабочих и вооруженное восстание воюющих армий против своих правительств и капиталистов“.

В обоих номерах „Правды труда“ мы встречаем и стихотворения, дышащие верой в близость революции и бодрым призывом к ней:

Знамя красное уж вьется...
Гряньте ж, братцы, удалую
Песню громче, веселей,
Чтоб она всю Русь святую
Взбудоражила скорей...

На другом конце страны, в Иркутске, выходила нелегальная газета „Товарищ пролетария“, также проводившая ленинские лозунги борьбы против войны.

Два номера этой газеты (от 18 апреля и 18 июня 1915 г.) были отпечатаны в подпольной типографии, которую удалось организовать в Иркутске. Там же были выпущены прокламации против войны.

Над заголовком газеты стояли слова: „Российская социал-демократическая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ А в подзаголовке значилось: „Орган союза сибирских рабочих“. Задача этого союза была сформулирована в одной из статей первого номера:

„Объединение отдельных организаций и объединение всего пролетариата под знаменем партии—такова неотложная задача для всех социал-демократов. Выполнение части этой задачи и берет на себя союз сибирских рабочих“.

Для этой цели и было предпринято издание газеты.

Редакция в первом номере в обращении к читателям указала:

„Мы считаем необходимым с самого начала остановиться на выяснении общего положения, в котором российским рабочим приходится строить свою классовую партию“.

„Товарищ пролетария“ решительно выступил против империалистической войны и указал революционный выход из нее.

„Страна превращена в терзаемое и разоряемое стервятниками и казенными мародерами военно-полевое становище,—писала газета.—Даже слепым становится ясно, что из этого беззакония, бесправия и военного диктаторства Россия может выйти только путем новой революции, путем всенародного государственного переворота“.

Та же мысль выражена в заключительных словах статьи „Союз за чужой счет“, в первом номере „Товарища пролетария“, причем здесь газета прямо говорит, что эта революция приведет не к буржуазной „свободе“, а к социализму:

„Грядут чреватые последствиями исторические события. Их развитие может привести не только к завоеванию рабочим классом новых прав и частичных улучшений, но к коренному преобразованию современного общества.

Грядет светлый мир социалистического равенства, и первым шагом в борьбе за его осуществление рабочие всех стран, профессий и групп должны выставлять и уже выставляют вновь, после живого опыта кровавой бойни, свои мятежные и трепетные лозунги: „Долой войну! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ТОВАРИЩЪ ПРОЛЕТАРІЯ

13 Апреля 915 года.

НА СТАРЫЙ ПУТЬ.

[illegible]

„Товарищ пролетария“ призывал сибирских рабочих готовиться к открытой революционной борьбе, к вооруженному восстанию, развивая мысль, что российский пролетариат раньше всех освободился от патриотического угара и потому первым должен вступить на путь революции.

Газета решительно заклеймила социал-шовинистов:

„По рядам рабочих партий пронеслось жуткое слово—измена.

Значительная часть социал-демократической фракции Германии; Гед, Самба и Вандервельде во Франции и Бельгии, даже у нас в России, где рабочий класс не дал себя обмануть, нашлись предатели рабочего дела, изменники пролетарскому знамени вроде Манькова“.

В статье „Первое мая“ газета напоминает о необходимости для рабочих всех стран „соединиться в ненависти к капиталистическому строю и в своем святом стремлении к братскому единению всех народов“.

Статьи газеты проникнуты горячей любовью к родине, которую господствовавшие эксплоататорские классы вели к гибели, позорно предавали. Газета заклеймила трусость и продажность царского офицерства, разоблачила германских шпионов, свивших себе гнездо непосредственно под покровом царя: „...дисциплина

падает, и офицеры первые бегут при малейшей опасности. В самом сердце самодержавия и военщины свили себе гнездо продажные подлецы—хваленые защитники самодержавного царя—жандармы Мясоедовы, за деньги предающие тысячи человеческих жизней".

„Товарищ пролетария" разоблачает „либеральную" прессу, которая осталась недовольной даже... царским манифестом о войне, ибо царизм, по ее мнению, „не сразу определил свои воинственные цели, неясно ограничив их задачей изгнания врагов из пределов России и Сербии. Либеральная пресса требовала разъяснения манифеста, находя, что ограничиться изгнанием врага недостаточно. И тогда,—указывает „Товарищ пролетария",—поощряемое „патриотическим" кликушеством либералов, купцов, спекулянтов, финансистов и эксплуататоров, правительство открыто заявило, что война будет вестись до захвата проливов и т. д."

Буржуазная пресса нагло обманывала массы. Царская цензура со своей стороны зорко следила за тем, чтобы на страницы газет не проникло как-нибудь слово правды об истинном положении вещей. Сообщая о стачках в стране и арестах стачечников, „Товарищ пролетария" добавлял:

„Арестов, однако, для охраны существующего порядка мало, и чтобы известия о стачках не

действовали возбуждающе на остальное население, правительство предписывает редакторам газет не помещать никаких сообщений ни о каких стачках. Другими распоряжениями накладывается запрет на военные сообщения.

Так страна живет в полном неведении относительно своей общественной и гражданской жизни".

В этих условиях задачей нелегальной партийной газеты являлось противопоставить разнузданной и лживой кампании буржуазной печати правдивую информацию о ходе событий, правильное освещение и объяснение этих событий. Эту задачу газета выполняла как в статьях, так и своими сообщениями в отделе информации, среди которых, например, читаем:

„*Германия.* Группа социал-демократов, ставшая с самого начала войны на точку зрения международной солидарности, порвала теперь с верхами партии и выпустила манифест с требованием прекращения войны.

Вюртембергский избирательный округ заявил, что порывает сношения с правлением партии, изменившим принципам международной солидарности рабочих и ставшим на путь одобрения войны".

Под рубрикой „Россия" читаем:

„Помимо ряда местных листков мы можем отметить прокламацию Центрального комитета

социал-демократии Латышского края „К солдатам“, изданную в феврале, призывающую к организации в войсках для прекращения войны и для борьбы с самодержавием“.

Ярким примером информации, которая не могла найти места на страницах легальной прессы, является следующая заметка:

„Пермские товарищи сообщают, что в октябре были расстреляны двое рабочих Ижевского завода, отказавшиеся итти на войну несмотря на то, что местная социал-демократическая организация, членами которой они были, признала необходимость подчиниться насилию и разрешила вступление в армию“.

Первый номер газеты „Товарищ пролетария“, вышедший в 300 экземплярах, был распространен в Чите, Верхнеудинске (теперь Улан-Удэ), Иркутске, Иннокентьевской, Черемхове, Тулуне, Зиме, Томске, Новониколаевске (теперь Новосибирск) и др.

В Красноярске большевики выпустили отпечатанный на машинке „Ответ на анкету Красноярского военно-промышленного комитета“. В „Ответе“ резко разоблачается империалистическая война, решительно отвергается всякая мысль об участии рабочих в военно-промышленных комитетах. „Ответ“ призывает массы окончить войну победой над своим правительством.

Приведем некоторые выдержки из этого чрезвычайно интересного документа.

В анкете Красноярского военно-промышленного комитета содержалось десять вопросов, из которых ни один не делал чести их авторам. В своих ответах большевики беспощадно срывали маски с „деятелей" военно-промышленного комитета, высмеивали их лицемерные фразы.

На „наивный" вопрос анкеты: „Отразится ли благотворно на жизни России и Сибири настоящая война?"—большевики отвечали:

„Самая постановка вопроса в корне неправильна. Чудовищная война, влекущая за собой истребление миллионов человеческих жизней, расточение материального богатства и как следствие этого—экономический застой, политическую реакцию и культурное одичание, не может отражаться благотворно на жизни какой бы то ни было страны. Принесенные страной милитаризму жертвы могут в слабой степени окупиться лишь в том случае, если массы под гнетом вызванных войной бедствий найдут в себе силы сбросить тяготеющие над ними цепи экономического угнетения и политического рабства, и в пламени мирового пожара найдет свою гибель старое общество, основанное на эксплоатации человека человеком и „войне всех против всех".

В следующем пункте анкеты требовалось указать „причины наших успехов и неуспехов".

И на это большевики отвечали прямо и ясно:

„Царско-монархическое правительство, заинтересованное в сохранении своей власти, сковало по рукам и ногам живые силы страны, подавляло всякие проблески общественной самодеятельности и тем дезорганизовало и ослабляло Россию. Объявлением войны правительство воспользовалось для укрепления своей власти над трудящимися массами России, для еще большего их распыления; под шум шовинистического угара оно разгромило слабые ростки народной самодеятельности. В интересах объединенного дворянства царизм использовал народные бедствия; сохранение в неприкосновенности власти над народом важнее для него, чем победа над „врагом". Дезорганизация тыла, тяжкий продовольственный кризис—естественные плоды предательской политики царизма. Угнетенный и порабощенный народ не в состоянии дать отпор и внешнему „врагу". Это обстоятельство констатируем и мы, интернациональные социалисты... Мы вынуждены констатировать, что не что иное, как наш варварский политический строй, является причиной всех неудач русского оружия".

Анкета между прочим содержала и такой вопрос:

„В чем сказалась доблесть каждого народа в этой войне и кто, по вашему мнению, герои настоящей войны?“

Большевики объяснили, что подлинная доблесть состоит в обращении оружия против своих отечественных угнетателей.

„Миллионы рабочих и крестьян, оторванных от сохи и фабричного станка, с болью в душе и ненавистью в сердце вынуждены умирать за чужое и враждебное правительственное дело. Подчиняясь силе штыков, идут они на бойню и умирают за дело своих врагов. Массы являются пушечным мясом, которым правящие классы распоряжаются в своих целях, для удовлетворения жажды прибыли и барыша.

Действительная доблесть будет проявлена участниками войны тогда, когда они обратят свое оружие против своих истинных врагов—не против рабочих других стран, а против отечественных угнетателей. Миллионы жизней принесены уже в жертву воинствующему капитализму; созданные руками поколений народные богатства развеяны на воздух. Пусть война принесет человечеству избавление от угнетающих его зол, пусть она даст нам победу над капиталом и реакцией. Пусть Европа выйдет из этого моря слез и крови освобожденной от ярма капиталистической эксплоатации.

Если бы хоть десятая доля тех храбрецов,

которые сложили свои кости на полях сражений во славу империализма, проявили бы столько же мужества в борьбе против своих эксплоататоров и империалистическая война была бы превращена таким образом в гражданскую, были бы спасены миллионы жизней, давно бы уже наступил конец чудовищной бойне, и Европа вздохнула бы свободно, избавленная от цепей эксплоатации и угнетения".

Ответом на последний вопрос анкеты: „Когда, по вашему мнению, кончится война?"—красноярские большевики заклеймили изменников рабочего дела, социал-шовинистов всех мастей:

„Ни режим военной диктатуры, ни травля со стороны социал-патриотов не могут остановить роста оппозиции. Пусть господа положения и плетущиеся за ними изменники социализму преследуют борцов за интернациональные пролетарские идеалы; германские социалисты, достойные этого имени, знают, что борьба их встречает сочувственный отклик по ту сторону границы, в сердцах русских рабочих, объявивших непримиримую войну войне".

В красноярском Музее революции сохранилось также упоминание о выпущенной большевиками прокламации „Кому нужна война". К сожалению, самой прокламации или копии с нее в музее не оказалось. Но приведенный выше

„Ответ“ не оставляет сомнений и в характере прокламации.

Такая же партийная работа шла и во всех концах страны.

После закрытия „Нашей газеты“ саратовские большевики издали легальный сборник „Под старым знаменем“. Сборник этот попал за границу, в руки Ленину, который сделал в нем ряд пометок, показывающих, что он одобрительно отнесся к нему. Одобрительные замечания Ленина прежде всего относятся к местам полемики с меньшевиками.

Так, в сборнике помещена была статья Ольминского „Первые итоги“, критикующая выпущенный меньшевиками сборник. Ольминский писал: „В том же сборнике из статьи Левицкого мы узнаем, что дело идет о „спасении страны“, когда на самом деле оно шло лишь об отказе от некоторых, уже сделанных раньше, завоеваний“. Здесь рукой Ленина написано на полях: „Верно“.

Дальше Ольминский продолжает:

„Их позиция (Маевского, Маслова, Левицкого, Потресова и их друзей)... ближе всего напоминает позицию тех современных германских политиков, которые протестуют против отчуждения каких бы то ни было земель из числа „обагренных немецкой кровью“. Самое же осуществление завоеваний Потресов, Левицкий и Маевский предоставляют делать и проповедывать другим,

лишь смягчая в глазах читателей воинственные притязания этих „других“. Здесь также рукой Ленина на полях написано по-французски: „très bien“ (т. е. очень хорошо.—*И. Б.*).

Следует отметить и созданный А. М. Горьким в те годы журнал „Летопись“, занявший позицию осуждения империалистической войны. Отношение рабочих к нему достаточно ясно обрисовано в опубликованном на страницах „Голоса печатного труда“, во втором номере, письме группы читателей „Летописи“, указавших, что имя Горького и позиция журнала в вопросах войны привлекли к „Летописи“ сочувствие широких кругов рабочих: журнал покупали, на него подписывались... Как известно, охранка зорко следила за „Летописью“ и за Горьким в связи с его деятельностью в этом журнале. На страницах журнала печатались Горький, Маяковский.

* * *

Приведенные нами неполные, порой отрывочные сведения о большевистской печати в годы империалистической войны все же позволяют судить о том, как сравнительно широко поставлена была внутри страны партийная работа и в связи с ней и партийная печать, как охватывала она не только центр, но и окраины—Кавказ, Сибирь, Украину и т. д.

Большевики в результате разгрома рабочих организаций в первые же дни империалистической войны были организационно ослаблены, но сломить большевистскую партию самодержавию не удалось. И в центре и в провинции большевики самоотверженно шли во главе борющегося пролетариата. И в разных формах— в нелегальных листках и газетах, в легальных газетах и журналах, в письмах в редакцию, порой просто в письмах-статьях, письмах-тезисах и директивах, распространяемых среди членов партии и передовых рабочих, большевики умели пользоваться острейшим оружием—печатью, партийной литературой.

Империалистическая война свела—по словам товарища Сталина—все противоречия политической жизни России в глубокий революционный кризис и придала революции невероятную силу натиска. Беспощадно, глубоко и метко вскрывая все противоречия царской России, указывая революционный путь их преодоления, большевистская печать сыграла выдающуюся роль в борьбе партии во главе всего пролетариата в годы первой империалистической войны, в организации могучего революционного натиска, увенчавшегося победой Великой Октябрьской социалистической революции.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Бас, Большевистская печать в годы империалистической войны.
Государственное издательство политической литературы, 1939 г.

Редактор *Г. Акопян*

Худож. редактор *С. Телингатер*

Техредактора *О. Изразцова* и *А. Тюнеева*

Уполн. Главлита А-4370

Отв. корректора *Я. Кононович* и *З. Патеревская*

Сдано в набор 26 января. Подписано к печати 20 мая. № изд-ва 65. Инд. АГ/НП. Тираж 10 тыс. Объем 7 п. л. $60\times92^{1}/_{32}$. 40 000 зн. в печ. л. Заказ № 45.

Цена книги в ледериновом переплете 3 руб.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

